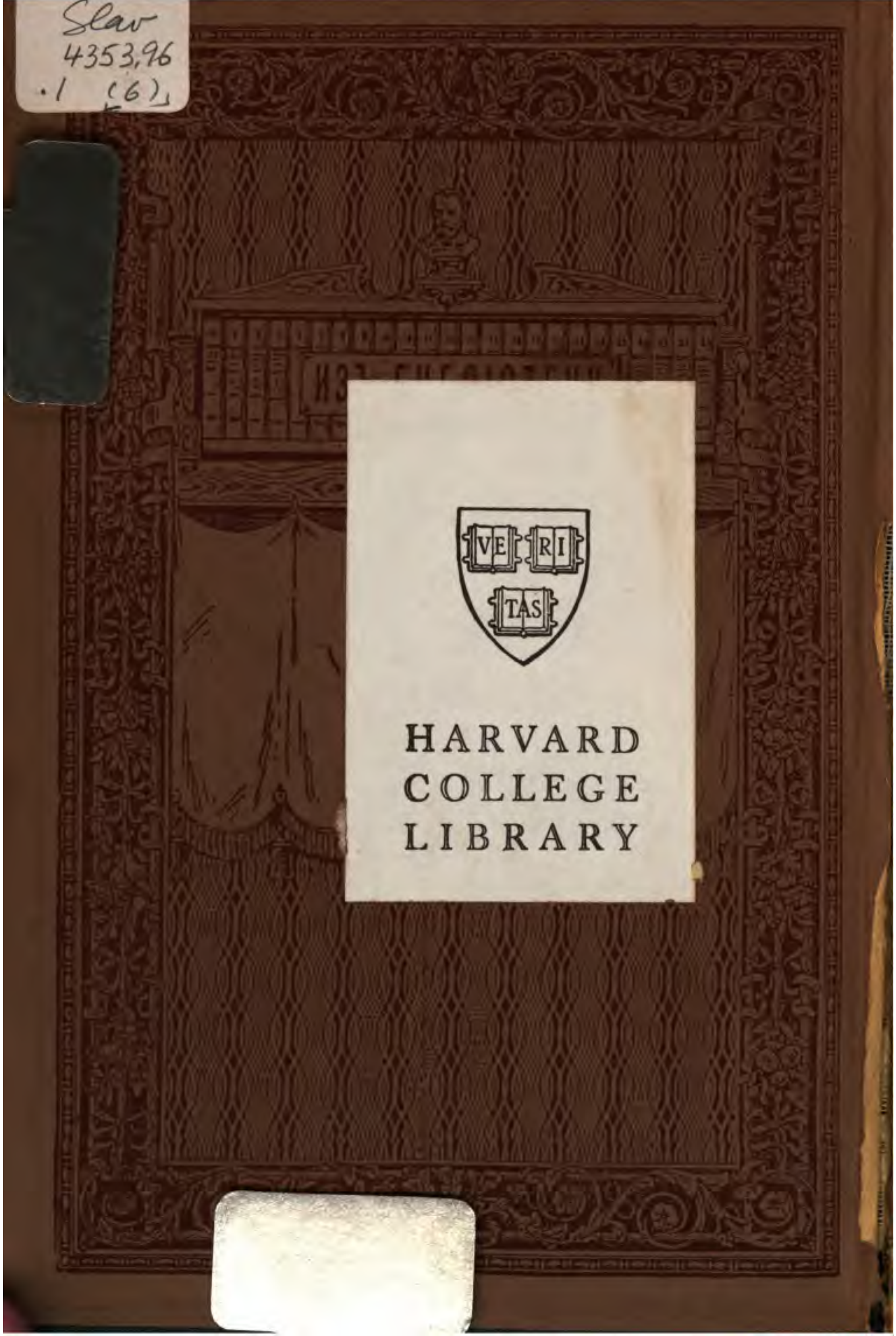
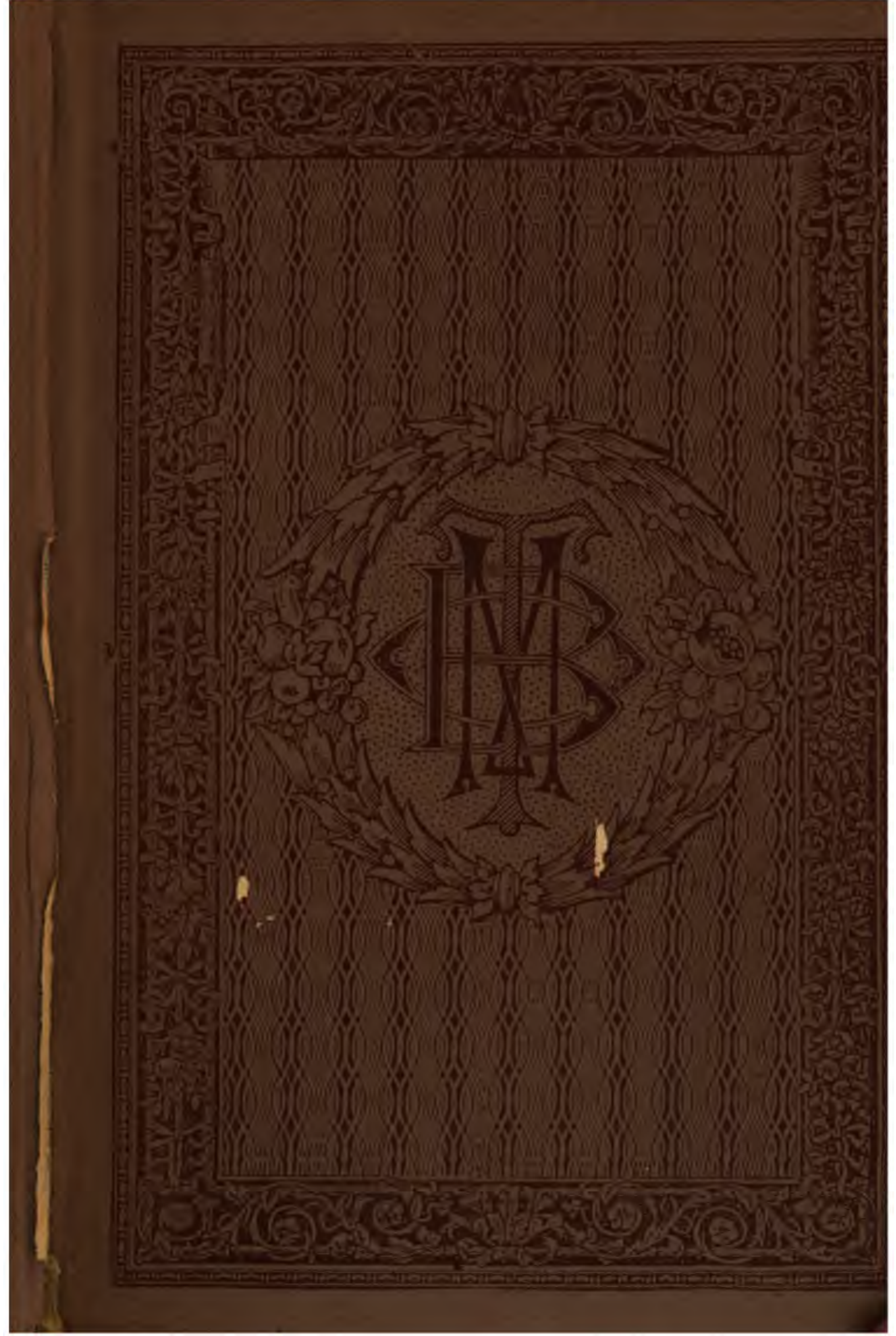

Slar
4353
96.1

VE
RI
TAS

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. И. СТАХѢЕВА

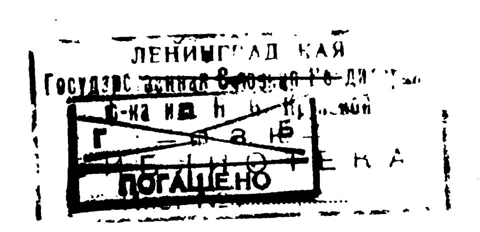
ТОМЪ ШЕСТОЙ

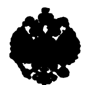
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. И. СТАХѢЕВА

Съ біографіей М. Никольскаго, критическимъ этюдомъ П. В. Быкова и портретами автора.

ТОМЪ ШЕСТОЙ

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ 12
1902

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7.

Дозволено цензурою. Спб., 30-го сентября 1902 г. Редакторъ П. М. Ольхинъ.

НА ЗАКАТѢ

РОМАНЪ

I.

Зимній вечеръ. Дворянинъ Петръ Ѳедоровичъ Поярковъ только-что возвратился изъ сосѣдняго губернскаго города въ свою родовую усадьбу «Красныя Горки» и, окруженный семьей, сидѣлъ въ столовой за стаканомъ чаю. Въ каминѣ весело трещалъ огонь, лампа, висѣвшая надъ большимъ обѣденнымъ столомъ, ярко освѣщала бѣлую скатерть, самоваръ и чайную посуду, оставляя въ мягкомъ полусвѣтѣ лица сидѣвшихъ вокругъ стола. Кругомъ было такъ уютно, тепло; самоваръ пѣлъ старинную пѣсенку, и со стѣнъ комнаты, едва выступая въ ея полусвѣтѣ изъ потускнѣвшихъ золоченыхъ рамъ, молчаливо смотрѣли на семейную группу портреты дѣдовъ и бабушекъ стариннаго рода Поярковыхъ.

Но миръ и покой, царившіе, казалось, въ комнатѣ, и тихая пѣсня самовара нисколько не согласовались съ общимъ настроеніемъ лицъ, сидѣвшихъ вокругъ стола. Всѣ были какъ-то не по себѣ и въ особенности самъ Петръ Ѳедоровичъ. Онъ былъ еще красенъ отъ дороги и часто прикладывалъ руку къ вискамъ, ссылаясь на головную боль, но немедленно вслѣдъ за каждымъ такимъ движеніемъ добавлялъ: «нѣтъ, это ничего еще... такъ, немного...» и старался почему-то поддерживать разговоръ, точно скрывая какія-то свои тайныя думы. Мать его, Вѣра Антоновна, низенькая и сгорбленная, но еще довольно бодрая старушка, въ рюшевомъ чепцѣ и съ неизмѣннымъ вязаньемъ въ мор-

щинистыхъ рукахъ, каждый разъ при жалобахъ сына на головную боль, пытливо взглядывала на него чрезъ очки и углублялась потомъ въ свою работу. Супруга Петра Ѳедоровича, Глафира Александровна, статная и довольно полная дама лѣтъ за сорокъ, не обращала никакого вниманія ни на жалобы мужа, ни на его почти для всѣхъ замѣтное, хотя и скрываемое, состояніе духа и разспрашивала о своихъ родныхъ и знакомыхъ, съ которыми видѣлся Петръ Ѳедоровичъ въ губернскомъ городѣ.

— Жили, жили, у всѣхъ перебывали, а домой ни слова,—замѣтила, наконецъ, она, съ пренебреженіемъ смотря на мужа.

Онъ промолчалъ и углубился въ пытливое разсматриваніе кончика своей дымившейся сигары.

— Я спрашиваю васъ, отчего вы не написали, Петръ Ѳедоровичъ, когда, какъ говорите, въ первый-же день пріѣзда узнали, что дѣло затягивается?

— Да все какъ-то день за день откладывалъ,—нехотя отвѣтилъ онъ.

— Хотя бы строчку, мой другъ! Уѣхалъ на три дня, а прожилъ двѣ недѣли!—тономъ упрека замѣтила мать и, вздохнувъ, замолчала.

— Неисправимъ!—подсказала Глафира Александровна.

Она говорила густымъ, почти мужскимъ голосомъ и надменно относилась къ мужу, явно имъ недовольная.

Дочери, Анюта и Настя, обѣ невѣсты, изрѣдко тоже заговаривали съ отцомъ, спрашивая о своихъ институтскихъ подругахъ, и этими разспросами облегчали его неловкое положеніе. Онъ поспѣшно оставлялъ сигару, даже какъ будто нѣсколько оживлялся, отвѣчая имъ, но потомъ опять теръ себѣ лобъ и виски, жалуясь на головную боль.

— Шелъ бы, мой другъ, если въ самомъ дѣлѣ тебѣ тяжело,—замѣтила старушка мать.

— Нѣтъ, ничего, chére maman, немного.., Это пройдетъ.

— Ахъ, maman, не тревожьтесь, — недовольнымъ тономъ перебила Глафира Александровна: — что ему сдѣлается, помилуйте!

Она пожала плечами и отвернулась отъ Петра Ѳедоровича, но не надолго, всего какихъ-нибудь на пять на шесть секундъ, и потомъ снова обратилась къ нему съ разспросами.

Пока Петръ Ѳедоровичъ давалъ болѣе или менѣе уклончивые отвѣты женѣ на ея вопросы, сынъ его, Анатолій Петровичъ, все время молча сидѣлъ около стола и мрачно на всѣхъ косился. Анатолій былъ молодой человѣкъ, только достигнувшій совершеннолѣтія, хмурый и всегда чѣмъ-то недовольный. Одѣтъ онъ былъ неряшливо—въ стареньком ъ какомъ-то пальтишкѣ и въ высокихъ сапогахъ, волоса, какъ видно, имѣлъ привычку расчесывать только по праздникамъ, да и то не гребенкой, а при помощи собственныхъ пальцевъ—вообще представлялъ совершенную противоположность отцу, всегда франтовато одѣтому. Сидя теперь въ столовой, онъ съ ожесточеніемъ курилъ одну за другой папиросы и бросалъ искоса взгляды въ ту сторону, гдѣ горѣлъ каминъ. Яркій свѣтъ камина, блестящимъ пятномъ отражавшійся на паркетномъ полу комнаты, какъ будто сердилъ Анатолія, такъ мрачно онъ по временамъ на него взглядывалъ.

— Ну-съ, мнѣ пора на покой... Голова что-то въ самомъ дѣлѣ... такъ что-то очень... — скааалъ Петръ Ѳедоровичъ, поднимаясь со стула.

— Однако-же, Петръ Ѳедоровичъ,—вдругъ перебила Глафира Александровна:—ты намъ ничего не сказалъ до сихъ поръ, когда же мы можемъ переѣхать въ городъ? Говоришь, дѣла улажены, а между тѣмъ [п]ереѣздѣ ни слова.

— Гм-гм...—тревожно откашлялся Петръ Ѳедоро[вичъ],—дѣла улажены и даже можно сказать оконча[те]льно... такъ пока маленькая задержка...

— Но когда же переѣдемъ? Помилуй! Неужели сь всю зиму сидѣть? Этого еще недоставало!... Я

ни въ какомъ случаѣ на это не соглашусь и рѣшительно вамъ заявляю, что это невозможно...

— Зачѣмъ же, зачѣмъ же такъ гнѣвно говорить?— поспѣшилъ успокоить Петръ Ѳедоровичъ,—зачѣмъ, и главное преждевременно? Я же вамъ сказалъ, Глафира Александровна, что дѣла улажены и только такъ еще дней на пять на шесть задержка—не болѣе.

— А покупки?—пытливо спросила она.

— И покупки всѣ сдѣланы... Все какъ слѣдуетъ.

— Все, что было означено въ запискѣ, да? Согласно образцамъ, да?—продолжала допрашивать Глафира Александровпа и въ голосѣ ея хотя слышалось еще недовѣріе, но уже въ значительно меньшей степени.

— Все, все съ точностію и аккуратностію исполнено,—твердо повторилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— И бахрома и кружева, да?

— Да, да! Все куплено.

При этихъ послѣднихъ словахъ обѣ дочери весело переглянулись въ пріятномъ сознаніи предстоящихъ удовольствій отъ нарядовъ; самъ Петръ Ѳедоровичъ почему-то поспѣшилъ закурить другую сигару, а Глафира Александровна окинула его пытливымъ взглядомъ.

— Сядьте, пожалуйста, Петръ Ѳедоровичъ,—предложила она.

Но Петръ Ѳедоровичъ отказался отъ этого предложенія и сталъ ходить по комнатѣ, останавливаясь то около зеркала, въ которомъ едва видно было его лицо, то около окна, гдѣ уже ровно ничего не было видно.

— Да, что вы, Петръ Ѳедоровичъ, какъ отвѣчаете,—нетерпѣливо замѣтила, наконецъ, Глафира Александровна:—васъ серьезно спрашиваютъ, а вы заладили одно: «да, да, все сдѣлано, все сдѣлано»... Разсказывайте какъ слѣдуетъ.

Старушка Вѣра Антоновна приподняла голову отъ работы; очки ея отъ этого движенія поползли съ края носа кверху и пытливый взглядъ остановился на сынѣ. Дочери тоже странно посмотрѣли на отца, какъ будто

тоже впадая въ сомнѣніе, дѣйствительно ли онъ съ полной точностію и аккуратностію сдѣлалъ всѣ сильно ихъ интересовавшія покупки. Но Петръ Ѳедоровичъ, какъ видно, рѣшился до конца выдержать свою роль и отвѣчалъ на всѣ вопросы съ замѣчательной стойкостію.

Сыну, наконецъ, должно быть надоѣло сидѣть и молча и угрюмо сосать папиросы. Онъ поднялся отъ стола и рѣзко спросилъ:

— Ну, а мнѣ, папа, привезъ?

— Что такое?—почти испуганно спросилъ Петръ Ѳедоровичъ, совсѣмъ уже неожидавшій, что и сынъ тоже имѣетъ какіе-то къ нему вопросы.

— Какъ что?—пробасилъ сынъ,—я же тебя просилъ, когда ты поѣхалъ, купить мнѣ новое ружье... Неужели ты не купилъ?

— Ахъ, да!—успокоившись отвѣтилъ Петръ Ѳедоровичъ,—ну,—братъ, ужъ за это извини... Ей-Богу, изъ головы вонъ! То, да другое—рѣшительно забылъ. Извини. На дняхъ, какъ только переѣдемъ въ городъ, такъ я тотчасъ тебѣ его вышлю. Немедленно, съ первой же почтой.

— Мама,—шептала въ это время матери старшая дочь,—мама, гдѣ же, гдѣ же покупки?

Но Петръ Ѳедоровичъ должно быть чутко слѣдилъ за всѣми разговорами, и прежде чѣмъ Глафира Александровна успѣла повторить слова дочери, онъ предупредительно отвѣтилъ.

— Вещи всѣ отправлены съ почтой... да! Я не могъ взять съ собой; все, все съ почтой... Подождите дня два только...

— Какъ же это съ почтой, Петя?—удивленно спросила мать, медленно растягивая слова:—вѣдь это составитъ десятки пудовъ...

Нѣтъ, нѣтъ, chère maman, вы не такъ меня поняли,—успокоительно заговорилъ Петръ Ѳедоровичъ,—я говорю только о нарядахъ... Бахрамы эти, кружевца тамъ, ну и прочее... Понимаете? Я говорю, что все это съ почтой—да...

— Какъ съ почтой?—изумилась Глафира Александровна,—это еще что за новости! Развѣ вы не могли привезти съ собой?

— Не могъ, Глафира Александровна, ну, ей-Богу же не могъ,—горячо и убѣдительнымъ тономъ заговорилъ Петръ Ѳедоровичъ,—вы сами знаете, какія хлопоты пріискивать по образчикамъ. Я былъ, кажется, въ десяти магазинахъ и не нашелъ. Чортъ знаетъ, что за магазины! Я, наконецъ, просто упалъ духомъ... Спасибо нашелся одинъ порядочный магазинъ, гдѣ любезно предложили принять на себя всѣ заботы подобрать все по образцамъ,—и на дняхъ же пришлютъ.

— И этого не могли сами сдѣлать!—презрительно возразила Глафира Александровна.

Петръ Ѳедоровичъ какъ будто не слышалъ ея возраженія и, поспѣшно обратившись къ матери, продолжалъ:

— А все то, другое, maman, что для хозяйства, ну, это, конечно, пришлютъ на подводѣ. Скоро, скоро... Я думаю, что тоже не дольше какъ черезъ два дня. Разстояніе вѣдь здѣсь невелико, всего верстъ восемьдесятъ... Оно, конечно, можно бы и въ Малорѣченскѣ припасы всѣ закупить—здѣсь, конечно, близко; три-то версты разумѣется короче восьмидесяти... да вѣдь у здѣшнихъ купцовъ все въ три-дорога...

— Ахъ, пожалуйста, перестаньте говорить Богъ знаетъ что!—обиженно прервала Глафира Александровна:—какая тамъ разница—гроши какіе-то... А вы и того не могли сдѣлать, чтобы лично похлопотать о заказахъ!.. Боже мой, какой вы несносный, — и такъ всю жизнь!..

Съ этими словами Глафира Александровна рѣшительно поднялась со стула и, оправляя складки пышнаго платья, вышла изъ комнаты.

Анатолій мрачно посмотрѣлъ вслѣдъ ушедшей матери, потомъ покосился на отца и глухо сказалъ:

— А я ждалъ и надѣялся, что привезешь...

Отецъ въ отвѣтъ на это молча пожалъ плечами.

Сынъ тоже помолчалъ нѣсколько времени, потомъ порывисто всталъ изъ-за стола и, ни съ кѣмъ не прощаясь, пошелъ изъ комнаты.

— Чортъ знаетъ, что это такое,—рѣзко сказалъ онъ уже въ дверяхъ и сильно притворилъ ихъ за собою.

Петръ Ѳедоровичъ пугливо посмотрѣлъ на мать, которая, казалось, не обратила никакого вниманія на рѣзкую выходку Анатолія, и тревожно зашагалъ по комнатѣ. Вслѣдъ за уходомъ сына, обѣ дочери поднялись отъ стола и, молча чмокнувъ отца и бабушку въ щеки, ушли изъ столовой. Въ комнатѣ остались только Петръ Ѳедоровичъ съ матерью.

Въ каминѣ догорали послѣдніе угольки, вспыхивая синеватыми огоньками. Старушка продолжала перебирать спицы своего вязанья; Петръ Ѳедоровичъ смотрѣлъ на угли камина, видимо отдыхая отъ недавней, замѣтно его безпокоившей бесѣды съ женой. Когда прислуга убрала со стола посуду, онъ точно опомнился и тревожнымъ взглядомъ окинулъ комнату, теперь только замѣтивъ, что неожиданно оказался съ глазу на глазъ съ матерью. Первою его заботою при этомъ открытіи было найти поскорѣе счастливый предлогъ отдѣлаться отъ разговоровъ съ нею.

— Ахъ, я и забылъ,—спохватился онъ:—уже поздно, а мнѣ еще нужно разобраться съ бумагами. Завтра необходимо пораньше въ Малорѣченскъ.

— Ну, что же? Какъ?—въ самомъ дѣлѣ уладилъ все, да?—тихо спросила старушка.

Да, maman... то-есть почти-что улажено... Пожалуйста, не тревожьтесь... Мнѣ пора: уже одиннадцать... Удивительно, какъ скоро время проходитъ!.. Доброй ночи, maman!..

Старушка подняла глаза отъ вязанья, взглянула на сына и не сказала ни слова, только покачала головой. Петръ Ѳедоровичъ нѣсколько смутился отъ этого безмолвнаго упрека и хотѣлъ сказать что-то успокаивающее, но мать прервала его на первомъ-же словѣ.

— Иди, иди... Вижу, что ты не по себѣ... И нечего разсказывать. Знаю... все равно безполезно... Иди!..

— Вы думаете chère maman, я что-нибудь скрываю?—Ничуть, ей-Богу! Вотъ увидите... А что я разстроенъ немного, это дѣйствительно. Главное, нездоровится. Ужасно голова болитъ... Это разумѣется съ дороги.

— Иди... къ чему все это?

Она проводила его долгимъ задумчивымъ взглядомъ и не разъ вздохнула, съ грустію смотря на ту дверь, за которою онъ скрылся, уходя въ свой кабинетъ.

II.

Въ эту ночь въ кабинетѣ Петра Ѳедоровича огонь горѣлъ далеко за полночь. Оставшись одинъ, онъ думалъ отдохнуть отъ той тяжелой роли, которую ему въ продолженіи цѣлаго вечера пришлось играть среди своей семьи. Но этотъ отдыхъ продолжался недолго. Правда, все-таки съ полчаса прошло со времени его прихода изъ столовой и онъ разъ десятокъ вздохнулъ глубокимъ полнымъ вздохомъ, какъ-бы облегчая себя отъ тяжести, камнемъ лежавшей на сердцѣ. И въ то время, когда онъ только-что отдался весь своимъ мрачнымъ думамъ и сталъ шагать изъ угла въ уголъ по коврамъ кабинета, безсознательно смотря на ихъ узоры, вдругъ до слуха его долетѣлъ страшный звукъ изъ сосѣднихъ комнатъ. Петръ Ѳедоровичъ остановился и прислушался; кругомъ была полная тишина. Ему показалось, что гдѣ-то тамъ въ дальнихъ комнатахъ щелкнулъ ключъ дверного замка, и мрачное предчувствіе охватило его. Жена, непремѣнно жена идетъ, подумалъ онъ, а ея-то именно ему не хотѣлось теперь видѣть. Не успѣлъ онъ въ достаточной степени оправиться отъ своего мрачнаго вида, какъ послышались въ залѣ шаги, и Глафира Александровна вошла въ кабинетъ. Молча поставивъ свѣчу на столикъ около ди-

вана и медленно опустившись на его мягкія пружины, она сухо проговорила:

— Ну-съ, разсказывайте все.

— О чемъ это? — съ притворнымъ удивленіемъ спросилъ Петръ Өедоровичъ.

— Ахъ, пожалуйста...—брезгливо отвѣтила Глафира Александровна, оправляя складки своего ночного капота.—Къ чему тутъ притворство? Развѣ я не вижу, что вы какъ ошпаренный...

— Чтъ-жъ говорить! Это, ей-Богу, удивительно! У меня голова болитъ и я ужасно хочу спать, а вы вдругъ—Богъ знаетъ что!..

Но Глафира Александровна не обращала ровно никакого вниманія на обиженный тонъ мужа и твердила свое.

— Голова болитъ! Знаю я вашу головную боль,— презрительно сказала она,—въ прошломъ году и точно такъ же, помнится, въ это время... у васъ голова болѣла... Тогда боль прошла, кажется, благодаря купцамъ Хохлаковымъ. Они вамъ ее вылечили. Вѣроятно, теперь они больше не хотятъ васъ лечить... Бѣдный!

— Ну, что-жъ,—упрекайте, порицайте! Даже еслибы и такъ, еслибы даже и дѣйствительно я въ прошедшемъ годѣ сдѣлалъ заемъ у Хохлаковыхъ, такъ позвольте спросить, куда ушли ихъ деньги?.. Позвольте-съ... Объяснитесь... У нихъ я занялъ восемь тысячъ. Гдѣ онѣ теперь? Ушли на наряды, на поѣздку на воды...

— А вы сами не участвовали въ этой поѣздкѣ, да?

— Позво-ольте, позво-ольте!—растянулъ онъ, повелительно размахивая правой рукой. — Позвольте-съ, я этой поѣздки не затѣвалъ, да-съ! А еслибы даже и акъ, пусть даже я въ этомъ виноватъ, пусть! Не въ ъ этомъ дѣло, а въ томъ, что вы меня упрекаете, гревожите, не даете покоя. Лишь только случится акое-либо затрудненіе въ деньгахъ—вы сію же минуту съ упреками. Я бы и самъ могъ васъ упрекнуть з многое, но, однако же, этого не дѣлаю.

— Я не затѣмъ къ вамъ пришла, чтобы слушать упреки. Я пришла требовать объясненія о положеніи дѣлъ... Я все знаю. Я знаю, что и въ губернскій городъ вы ѣздили вовсе не затѣмъ, чтобы отсрочивать долгъ Хохлакову, какъ говорили вы уѣзжая. Къ чему вы секретничаете?

— Ничуть я не секретничаю, Глафира Александровна, а если я молчалъ, то изъ желанія вамъ же покоя, чтобы не пугать и не тревожить. Надняхъ все устроится, и нечего напрасно упрекать...

— Скажите, пожалуйста, что такое устроится? Какіе такіе вы изыскали источники доходовъ? Ужъ не новые ли займы? Не у крестьянъ ли? Можетъ быть, у прежняго вашего крѣпостного, Спиридона Яковлева, у котораго такъ часто проводитъ свои досуги вашъ сынъ Анатолій.

— Онъ настолько же вашъ сынъ, насколько мой,— проворчалъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Ахъ, пожалуйста, безъ упрековъ! — морщась точно отъ непріятнаго лекарства, возразила Глафира Александровна,—я нисколько ни въ чемъ не виню себя...

— Другихъ обвинять, конечно, легче.

— Не возражайте, когда я говорю, какой несносный!.. Я васъ спрашиваю, чѣмъ мы будемъ жить?

— А дядюшка Павелъ Степановичъ, какъ вы полагаете, я не наслѣдникъ послѣ него, не наслѣдникъ?

— Сомнѣваюсь. Дядюшка живъ, здоровъ, и можетъ быть даже васъ переживетъ, и притомъ, имѣйте въ виду, что онъ очень хорошо помнитъ ваше прошлое...

Петръ Ѳедоровичъ развелъ руками и отвѣсилъ женѣ церемонный поклонъ.

— Покорно васъ благодарю,—сказалъ онъ,—еще бы вы припомнили то, что было при царѣ Горохѣ.

— Однако-жъ все такъ живо помнится, и дядюшка очень хорошо знаетъ, какое огромное богатство прошло черезъ ваши руки.

— Повѣрьте, дядюшкѣ очень хорошо извѣстно, что у всякаго бываетъ періодъ бурной молодости... Уди-

вительная важность! Что было, то прошло и теперь ничего подобнаго нѣтъ.

— Нѣтъ!—съ злорадствомъ повторила она:—ну, а если дядюшка узнаетъ, что это имѣніе, послѣднее родовое достояніе, тоже въ залогѣ и даже не въ казнѣ, а у купцовъ—тогда что? Тогда онъ не лишитъ васъ наслѣдства, не вспомнитъ вашей бурной молодости?.. Понимаете ли вы, наконецъ, свое положеніе?

— Я очень хорошо понимаю, Глафира Александровна, что вы мнѣ чортъ знаетъ до чего надоѣли!..

III.

Она наконецъ ушла отъ него.

Только-что затворилась за нею дверь, онъ преобразился: сгорбился, осунулся и пугливо сталъ прислушиваться къ ея шагамъ, видимо опасаясь, не вздумала бы она снова вернуться въ каαинетъ. Въ такомъ положеніи онъ стоялъ около двери до тѣхъ поръ, пока не удостовѣрился въ томъ, что Глафира Александровна прошла уже чрезъ залу и гостиную къ себѣ въ комнату.

— Ну, кажется, на сегодня довольно,—съ глубокимъ вздохомъ рѣшилъ онъ, въ изнеможеніи опускаясь въ кресло предъ письменнымъ столомъ и хватаясь за голову.

Однако же, физическое изнеможеніе и головная боль не пересилили того встревоженнаго душевнаго состоянія, которое его волновало, и онъ, минуту спустя, уже снова былъ на ногахъ и мрачно расхаживалъ по кабинету изъ угла въ уголъ. Волоса его, уже порядочно серебрившіеся, были всклокочены, галстухъ сбился на бокъ, черный бархатный пиджакъ застегнутъ косо и топорщился вверху мѣшкомъ. Долго ходилъ Петръ Ѳедоровичъ и вздыхалъ, и руки его короткія и мясистыя, заложенныя въ карманы пальто, невольно поднимались ко лбу и нервно терли его.

Положеніе, въ самомъ дѣлѣ, было трудное. Купцы,

братья Хохлаковы, или, вѣрнѣе сказать, одинъ изъ двухъ братьевъ, а именно Степанъ Хохлаковъ, заявилъ двѣ недѣли тому назадъ Петру Ѳедоровичу о своемъ непремѣнномъ будто бы намѣреніи получить съ него долгъ, или же немедленно, въ случаѣ неуплаты, представить ко взысканію закладныя. Петръ Ѳедоровичъ этого никакъ не ожидалъ. Уже нѣсколько лѣтъ онъ имѣлъ дѣла съ Хохлаковыми и займы, дѣлаемые у нихъ, преспокойно до сихъ поръ росли и не безпокоили его, и все улаживалось мирно. Правда, онъ имѣлъ всегда дѣло съ старшимъ братомъ Хохлаковымъ, Филаретомъ, но теперь этого брата, какъ на зло, не было дома, а Степанъ не сдавался ни на какія соглашенія. Петръ Ѳедоровичъ собралъ всѣ свои ресурсы, взялъ за два года впередъ арендныя деньги за мельницу, отдалъ въ аренду луга, которые были крайне нужны для его собственнаго сильно разстроеннаго хозяйства, и кое-какъ сколотилъ двѣ тысячи, чтобы уплатить проценты. Но Степанъ Хохлаковъ, отказался отъ процентовъ. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы была уплачена вся сумма долга, и Петру Ѳедоровичу пришлось наскоро искать исхода изъ неожиданнаго и труднаго положенія. Зная, что кромѣ Хохлаковыхъ въ городѣ Малорѣченскѣ нѣтъ богатыхъ купцовъ, Петръ Ѳедоровичъ кинулся въ сосѣдній губернскій городъ. Но въ этомъ губернскомъ городѣ, точно на зло, случилось съ нимъ нѣчто такое, что было ужасно не кстати. Случилось то, что Петръ Ѳедоровичъ забылъ о долгѣ, забылъ о всѣхъ заказахъ, сдѣланныхъ ему изъ дому, и, вмѣсто того, чтобы изыскивать средства къ выходу изъ затруднительнаго положенія, отдался пріятному препровожденію времени съ друзьями. Встрѣча съ ними, старыя привязанности, наконецъ, сознаніе необходимости поддерживать свое дворянское достоинство—все это было причиной того, что дѣло, для котораго Петръ Ѳедоровичъ пріѣхалъ въ губернскій городъ, не только не устраивалось, но еще болѣе запутывалось. На бѣду встрѣтился одинъ изъ заду-

шевнѣйшихъ старинныхъ друзей: онъ взялъ на себя хлопоты по устройству дѣла Петра Ѳедоровича, увѣрилъ, успокоилъ и ничего не сдѣлалъ. Дни между тѣмъ одинъ за однимъ незамѣтно проходили; Петръ Ѳедоровичъ поживалъ себѣ въ свое удовольствіе. Онъ, какъ и прежде бывало, занималъ лучшій нумеръ въ лучшей гостинницѣ, держалъ постояннаго извощика, являвшагося каждое утро къ подъѣзду гостинницы на парѣ вороныхъ, и жилъ, что называется «на всѣ». Утромъ, пока онъ отпивался сельтерской водой, два-три пріятеля были уже его собесѣдниками, потомъ кофе, сигара, новые два-три собесѣдника, — глядишь, утро незамѣтно куда-то скрывалось, на дворѣ полдень, время къ завтраку, а тамъ визиты, обѣдъ, вечеръ въ клубѣ, въ театрѣ—и некогда вспомнить о дѣлѣ. Однако-жъ, изрѣдка наткнувшись на воспоминанія о положеніи своихъ дѣлъ, Петръ Ѳедоровичъ спрашивалъ пріятеля: «а что, какъ дѣла? Смотри, вѣдь время идетъ быстро!» Пріятель такой-же, какъ видно, заботливый и аккуратный человѣкъ, каковымъ былъ самъ Петръ Ѳедоровичъ, успокаивалъ его двумя-тремя словами— и опять мелькали часы, дни, одинъ за однимъ такъ быстро, что и сосчитать ихъ не было никакой возможности. О расходахъ, которые вызывались такимъ образомъ жизни, Петръ Ѳедоровичъ, разумѣется, не задумывался и не считалъ ихъ никогда. Въ карты онъ, однако-жъ, большой игры не держалъ, быть можетъ, впрочемъ, потому, что все въ наше время измельчало и не съ кѣмъ загнуть уголъ на такой кушъ, чтобы у партнера лицо отъ страха перекосило. Случалось, однако же, поиграть «по маленькой», взять двѣсти-триста рублей, или отдать такую же ничтожную сумму Разумѣется, Петръ Ѳедоровичъ безпечно относился «къ ...кимъ пустякамъ». Онъ даже пожертвовалъ пятьсотъ ...блей на добровольный флотъ при бывшей на этотъ ...едметъ въ дворянскомъ клубѣ подпискѣ. Но потомъ, ...акъ-то вдругъ и сразу, оказалось, что всѣ двѣ тычи, взятыя Петромъ Ѳедоровичемъ съ собой въ гу-

бернскій городъ, точно растаяли и по гостинницѣ не былъ уплаченъ значительный долгъ. Время отъѣзда изъ города такимъ образомъ опредѣлилось само собой.

— Выдумали сборъ на добровольный флотъ,—сердился онъ, собираясь къ отъѣзду изъ города:—патріотическія свои чувства выражаютъ. А для чего, спросить, что у нихъ въ виду? Патріотизмъ, что-ли? Да, какъ же! Весь патріотизмъ въ удовлетвореніи собственнаго мизернаго самолюбія!..

Такъ злобствуя, Петръ Ѳедоровичъ, можетъ быть, былъ до нѣкоторой степени справедливъ по отношенію къ другимъ, но опускалъ изъ виду самого себя и пристрастно обвинялъ кого-то, что будто бы къ нему приставали, кланялись и настойчиво просили о пожертвованіи. Впрочемъ, ему было не до справедливости. Въ головѣ его путались самыя разнообразныя представленія, набѣгая одно за другимъ и обрываясь безсвязными клочками. Вспоминались пріятели, вдругъ почему-то оказавшіеся, по его мнѣнію, свиньями и пройдохами, какая-то красивая брюнетка, которую онъ теперь считалъ недостойной вниманія и, наконецъ, ближайшій другъ, товарищъ дѣтства, помѣщикъ, такъ горячо обѣщавшій ему помощь въ запутанныхъ дѣлахъ и вмѣсто того, въ минуту откровенности, вызванной бутылкой вина, самъ обратившійся съ просьбой за помощью. Досадовалъ Петръ Ѳедоровичъ, обвиняя этого друга въ измѣнѣ, и сердился, вспоминая, какъ этотъ другъ самъ ужасно обидѣлся и упрекалъ его въ скупости.

— Кругомъ обманъ, ложь, измельчали людишки, ни на кого положиться нельзя,—ворчалъ онъ, досадливо осматривая свои карманы въ тщетномъ предположеніи найдти тамъ завалившуюся, можетъ быть, сторублевку или, по крайней мѣрѣ, четвертную.

Но не одно ворчанье и жалобы на пріятелей сопровождали его отъѣздъ изъ города. Не мало было раскаянія и вздоховъ, вызванныхъ, впрочемъ, никакъ уже не воспоминаніями о друзьяхъ, а заботами о томъ

что онъ будетъ говорить женѣ въ отвѣтъ на вопросы о заказанныхъ ею покупкахъ.

Онъ ни купилъ ни блондочекъ, ни кружевъ, никакихъ другихъ предметовъ, которые ему такъ настойчиво было заказано купить. Не купилъ онъ просто потому, что огорченный неожиданнымъ открытіемъ о растаявшихъ въ его карманѣ двухъ тысячахъ и разсерженный на все, поспѣшилъ выѣхать изъ губернскаго города. Онъ могъ бы всѣ тѣ разные кружевца и всякіе другіе хозяйственные заказы купить въ кредитъ, стоило только похлопотать немножко и быть пощедрѣе съ торговцами. Но въ то время, когда онъ вспомнилъ о покупкахъ и о возможности сдѣлать ихъ въ кредитъ, у него уже пропало всякое желаніе возиться съ торговцами, хлопотать и улаживать дѣла, и онъ махнулъ на все рукой. Еще во время проѣзда первой станціи ему пришлось не одинъ разъ поколебаться—не лучше ли будетъ повернуть назадъ и сдѣлать, по крайней мѣрѣ, покупки для семьи. Нерѣшительный взглядъ его нѣсколько разъ останавливался на широкой спинѣ ямщика, а версты, между тѣмъ, мелькали одна за другой. Ямщикъ покрикивалъ и посвистывалъ, зная, что везетъ такого барина, о щедрости котораго было извѣстно на всю губернію.

— Ахъ, вы, молодчики-и, поторапливайся-а?—покрикивалъ онъ, махая кнутомъ надъ спинами лошадей.

— Стой!—вдругъ закричалъ Петръ Ѳедоровичъ.

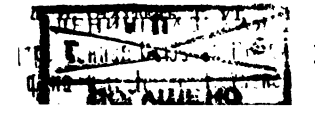
Ямщикъ, не поворачивая головы, откинулся всѣмъ корпусомъ назадъ, натянулъ возжи и остановилъ лошадей. «Видно, баринъ папиросочку закурить хочетъ»,—подумалъ онъ и самъ полѣзъ за пазуху, вынимая оттуда свою «носогрѣйку».

— А что, братъ, вѣдь намъ надо бы назадъ...

— Назадъ? Какъ назадъ?—изумленно переспросилъ щикъ:—ай забыли что?

— Забылъ.

— Ишь ты статья какая! Назадъ вѣдь далеко, банъ,—до станціи только три версты осталось...

Петръ Ѳедоровичъ свиснулъ.

— Ну, чортъ съ ними, когда такъ! Пошолъ!

И тройка снова покатила впередъ, заливаясь колокольчикомъ. Ямщикъ сдвинулъ шапку на бекрень, заткнулъ рукавицы за поясъ и пустилъ лошадей во весь духъ. Окрестный хвойный лѣсъ, черезъ который пролегала почтовая дорога, мрачно хмурился изъ-подъ нависшихъ на немъ хлопьевъ снѣга, точно сердился на что-то. Хмурился и Петръ Ѳедоровичъ, неутѣшенный тѣмъ, что его повозка мчится стрѣлой. Хмурился онъ потомъ во всю дорогу, пока не пріѣхалъ домой.

— Надо бы вернуться, надо бы вернуться,—вздыхалъ онъ и теперь, опускаясь въ изнеможеніи на диванъ и охалъ, и ворчалъ, и совсѣмъ смялъ подъ себя диванную подушку.

— Письмо, письмо, немедленно же завтра письмо отправлю съ нарочнымъ, — рѣшилъ онъ вставая, и опять сталъ ворчать на самого себя за то, что думаетъ о какихъ-то ничтожныхъ ленточкахъ, когда надъ головой готова разразиться гроза.

IV.

Такъ провелъ Петръ Ѳедоровичъ большую половину ночи и проснулся поздно, когда сѣрое зимнее утро мѣстами озолотилось восходомъ солнца. Теперь кабинетъ высматривалъ веселѣе: картины, висѣвшія по стѣнамъ и казавшіяся ночью, при свѣтѣ двухъ горѣвшихъ на письменномъ столѣ свѣчей, темными пятнами, освѣтились и точно выдвинулись впередъ изъ глубины стѣнъ. Длинная тѣнь отъ фигуры Петра Ѳедоровича, слѣдовавшая за нимъ изломанной линіей по стѣнѣ и потолку, ночью, когда онъ мрачный шагалъ изъ угла въ уголъ, разсѣялась, и самъ онъ, хотя и полураздѣтый, но нѣсколько пріободрившійся послѣ сна, казался спокойнѣе.

Кабинетъ Петра Ѳедоровича былъ въ угловой комнатѣ, и теперь свѣтъ въ него падалъ изъ шести оконъ.

По мѣрѣ того, какъ разсѣивались послѣднія тѣни ночи, недавно еще окутывавшей своимъ мракомъ и отдаленный лѣсъ, и окрестныя поля, и крестьянскія избы— изъ оконъ дома открывался видъ на окружающія его постройки: флигеля, кладовыя и каретники, давно впрочемъ опустѣвшіе. Домъ стоялъ на возвышеніи и внизу, такъ сказать, у его подножія, находилась большая въ три улицы деревня, жители которой были когда-то крѣпостными Пояркова. Почти у самыхъ воротъ дома, отдѣляясь отъ него только улицей, стояла высокая каменная церковь, построенная покойнымъ дѣдомъ Петра Ѳедоровича. За деревней съ одной стороны къ полямъ пролегала почтовая дорога, обсаженная правильными рядами березъ, съ другой тянулся лѣсъ, крутымъ обрывомъ склонявшійся къ берегамъ скованной теперь льдомъ и занесенной снѣгомъ рѣки. Сматривали когда-то изъ оконъ этого дома на окружающіе его виды и дѣды Петра Ѳедоровича, и отецъ его, и дядя. Но дѣды и отецъ давно уже окончили свое земное странствіе, а дядя Павелъ Степановичъ, младшій братъ его отца, лѣтъ десять уже не бывалъ въ «Красныхъ Горкахъ». Еслибы онъ теперь пріѣхалъ въ усадьбу и увидѣлъ, въ какомъ запустѣніи она находится, то немедленно уѣхалъ бы обратно, чтобы никогда болѣе не пускать къ себѣ на глаза разорившагося и обманывающаго его племянника.

Объ этомъ теперь думалъ и самъ Петръ Ѳедоровичъ, представляя себѣ дядю брюзгливымъ старикомъ, такъ долго будто бы зажившемся на свѣтѣ въ тягость другимъ. Онъ стоялъ у окна и хмуро смотрѣлъ на свои заложенныя и разоренныя владѣнія, какъ человѣкъ недовольный всѣмъ.

— Снѣгъ да снѣгъ, да голый лѣсъ, да мужицкія бы—ничего въ этомъ нѣтъ хорошаго, —досадовалъ ъ, кусая губы, и потомъ круто повернувшись отъ на, проворчалъ: — какое, однако, чортъ побери, рзкое положеніе!

Остановившись передъ зеркаломъ и замѣтивъ пол-

нѣйшій безпорядокъ въ своемъ туалетѣ, онъ суетливо сталъ приглаживать волоса и одергивать пальто. Угрюмо оглянувъ потомъ комнату, онъ сердито позвонилъ.

Въ дверяхъ кабинета появилась молчаливая фигура лакея, и минуту спустя Петръ Ѳедоровичъ сѣлъ около письменнаго стола за стаканъ кофе, задумчиво помѣшивая въ немъ ложечкой.

— Дядя, дядя! Чортъ его возьми, какая отъ него теперь мнѣ польза,—думалъ онъ:—обратись къ нему съ просьбой — и все пропало и вмѣсто помощи окончательный разрывъ. Какая гадость и какая низость со стороны этихъ отвратительныхъ Хохлаковыхъ!.. Но что же, что же теперь-то дѣлать, гдѣ и въ чемъ искать выхода?

Черезъ минуту-другую старикъ Савелій, неизмѣнно служившій Петру Ѳедоровичу и теперь, какъ служилъ когда-то въ бурное время его молодости, снова вошелъ въ кабинетъ и вкрадчиво доложилъ:

— Посланный отъ Хохлаковыхъ дожидается.

— Услыхалъ уже! Какъ они, черти, скоро все разузнаютъ!—проворчалъ Петръ Ѳедоровичъ и тревожно спросилъ:—давно онъ здѣсь?

— Да, съ часъ времени.

— Что-жъ ты не доложилъ раньше?

— Помилуйте-съ, стоитъ-ли безпокоиться? Народъ неотесанный—дай волю, онъ до разсвѣта притащится и будетъ утруждать.

Старикъ говорилъ шопотомъ и пожималъ плечами, кивая головой на переднюю.

— Но, однако-жъ ты объяснилъ, сказалъ, что я занятъ.

— Не извольте безпокоиться. Вотъ покушаете кофею, тогда можно, если прикажете, впустить его. А то и подождать можетъ. Это такой народъ-съ, ем все равно, онъ недѣлю просидитъ — ни почемъ. Ка прикажете, такъ и сдѣлаю-съ.

Петръ Ѳедоровичъ какъ-то странно, точно укра кой, посмотрѣлъ на Савелія, молча стоявшаго око

кресла въ почтительномъ наклоненномъ положеніи. Морщинистое лицо старика теперь показалось Петру Ѳедоровичу полнымъ необыкновенной доброты и вниманія, и ему вдругъ совѣстно стало, что и сюртукъ-то на немъ старенькій, лоснящійся, и самъ-то онъ такой сухой, костлявый и желтый.

— Знаешь что, Савелій, ты лучше... знаешь... проводи его...

— Понимаю-съ... — шепнулъ Савелій и утвердительно кивнулъ головой.

— Скажи, я самъ буду... сегодня же...

Старикъ услужливо подставилъ подносъ, тщательно имъ до сихъ поръ поддерживаемый подъ локтемъ лѣвой руки, и, получивъ отъ Петра Ѳедоровича стаканъ, тихо вышелъ изъ кабинета, неслышно шевеля старческими губами. Онъ ворчалъ на купеческаго приказчика, недовольный въ немъ всѣмъ, и тѣмъ, что онъ красенъ, и что шея у него толста, какъ у быка, и что отъ сапоговъ его несетъ запахомъ свѣжей кожи и, главнымъ образомъ, недовольный его грубымъ требованіемъ свиданія съ бариномъ.

— Ну, вотъ тебѣ и приказъ,—объявилъ ему Савелій, выходя въ переднюю:—отправляйся обратно.

— Это почему же, напримѣръ, обратно?—заносчиво спросилъ купеческій приказчикъ, встряхивая волосами.

— А потому же, что ты грубъ... Въ васъ этого самаго невѣжества довольно много, да!

— А ежели мнѣ, напримѣръ, поручено, чтобы имѣть личное объясненіе.

Савелій презрительно на него покосился и промолчалъ.

— Слышишь ты, тебѣ говорю, али нѣтъ,—возвысилъ голосъ приказчикъ:—хозяинъ безпремѣнно велѣлъ мнѣ переговорить съ Петромъ Ѳедоровичемъ лично, потому для его же антиреса это требуется. Ты вѣдь не знаешь, какія такія теперь у Петра Ѳедоровича къ примѣру обстоятельства тѣсныя...

— Ну, ну, осторожнѣе... Нечего здѣсь распространяться!

— Да ужъ какъ угодно,—сказалъ, пожавъ плечами, приказчикъ,—шила вѣдь въ мѣшкѣ не утаишь... Туго приходится теперича вашему барину!

Савелій прервалъ его строгимъ шопотомъ.

— Замолчи, ежели ты безъ понятій! Сказано тебѣ, сами изволятъ сегодня пожаловать къ господину Хохлакову.

— А коли такъ, то это совсѣмъ другая статья. Ты бы доложилъ перво-наперво мнѣ это самое, сказалъ то-есть, что повидаться лично съ хозяиномъ желаютъ! И выходитъ, что хоть ты и старый человѣкъ, а безъ разсудку!

Приказчикъ опять тряхнулъ волосами и, погладивъ толстыми, точно опухшими пальцами свою коротенькую черную бородку, вышелъ изъ передней.

Петръ Ѳедоровичъ все это время стоялъ у окна и ждалъ его появленія во дворѣ, видимо сомнѣваясь, согласится ли онъ уѣхать, не видавшись съ нимъ. Онъ видѣлъ, какъ приказчикъ вышелъ во дворъ, какъ отвязалъ отъ столба лошадь, запряженную въ легкія бѣговыя саночки, молодцовато засучилъ рукава своего дубленнаго полушубка и, сдвинувъ на бекрень барашковую черную шапку, выѣхалъ со двора.

— Хороша лошадка! — завистливо думалъ Петръ Ѳедоровичъ, смотря вслѣдъ уѣзжавшему.—Славно бѣжитъ. Замашка хороша... Ишь, пошла какъ... Ахъ, вы, аршинники,—воскликнулъ онъ, все болѣе и болѣе восхищаясь бѣгомъ лошади и завидуя, что купцы, братья Хохлаковы, имѣютъ возможность владѣть тѣмъ прекраснымъ рысакомъ, который, одинъ только годъ тому назадъ, былъ его, Пояркова, собственностью.

V.

— Ахъ да,—вдругъ спохватился онъ, вспомнивъ о ленточкахъ и прочихъ неисполненныхъ заказахъ, и заботливо принялся строчить письмо въ губернскій городъ.

Его безпокоили только ленточки и кружевца, какъ предметы, которыхъ нельзя было пріобрѣсть въ сосѣднемъ Малорѣченскѣ, все остальное онъ рѣшилъ въ это же утро купить въ долгъ въ малорѣченскихъ лавкахъ. Кредитъ его хотя и колебался, но все же не въ такой еще степени, чтобы встрѣтилось въ немъ затрудненіе при покупкѣ на сотню-другую рублей. Нарочный для покупокъ ленточекъ долженъ былъ, по предположеніямъ Петра Ѳедоровича, выѣхать въ губернскій городъ въ этотъ день вечеромъ на одной лошади и возвратиться обратно чрезъ два дня также ночью, чтобы не замѣтила его возвращенія Глафира Александровна. Увлеченный найденною возможностью къ выходу изъ затрудненій, имъ же самимъ созданныхъ, Петръ Ѳедоровичъ принялся строчить письмо къ пріятелю съ просьбою похлопотать о покупкахъ, зайти вмѣстѣ съ посланнымъ въ магазинъ и выбрать, что слѣдуетъ. Оказалось, что написать письмо не такъ легко, какъ полагалъ Петръ Ѳедоровичъ, наскоро присѣвшій-было къ письменному столу. Потребовалось найти тѣ записки, въ которыхъ рукою самой Глафиры Александровны были съ точностію обозначены цвѣта, названія лентъ, кружевъ, и т. п. Записки эти надо было еще поискать въ дорожномъ мѣшкѣ, а дорожный мѣшокъ Савелій уже опросталъ и вещи, бывшія въ немъ, разложилъ по своимъ мѣстамъ. Пришлось объясниться съ Савеліемъ и, наконецъ, кое-какъ разыскать нужныя записки съ приложенными къ нимъ образцами лентъ, кружевъ и проч. Озабоченный письмомъ, Петръ Ѳедоровичъ оставилъ ихъ на столѣ и сталъ писать, убѣдительно прося пріятеля немедленно же помочь посланному и поскорѣе отправить его обратно съ покупками. «Забылъ, братецъ, а теперь жена напустилась, ну, понимаешь, самъ ты женатый человѣкъ»...

Въ это время изъ залы, бывшей рядомъ съ кабинетомъ, послышались чьи-то шаги. Петръ Ѳедоровичъ приподнялъ голову отъ письма. «А, это Настя», рѣ-

шилъ онъ, услыхавъ, какъ дочь раскрыла рояль и стала что-то играть. «Ты самъ женатый человѣкъ», продолжалъ писать Петръ Ѳедоровичъ, увлекаясь темою письма и довольный случаемъ поиронизировать надъ положеніемъ женатыхъ людей. Гнетущее душевное состояніе, за минуту предъ тѣмъ тяготившее его, мало-по-малу облегчилось и онъ сталъ продолжать письмо подъ звуки игравшей на рояли дочери. Но вотъ она запѣла что-то. Петръ Ѳедоровичъ приподнялъ голову, положилъ перо и сталъ слушать, забывая о томъ, что письмо еще не окончено. «Ахъ, это она изъ Фауста,—вздохнулъ Петръ Ѳедоровичъ,—преле-естно!»

Музыку онъ вообще любилъ, пѣніе въ особенности, а женское тѣмъ болѣе. Теперь же, когда дочь запѣла: «О счастье, я любима! какъ сердце полно-о»... Петръ Ѳедоровичъ рѣшительно увлекся ея пѣніемъ и слушалъ его, откинувшись на спинку кресла. «Прелестно! прелестно!» шепталъ онъ. Теперь не только ленточки, кружевца и недописанное письмо, и пріятель были забыты, но даже и долга Хохлаковымъ какъ будто бы не существовало. Онъ только тогда опомнился и схватился за свои бумаги, когда въ кабинетъ вдругъ растворилась дверь изъ залы. Испуганный сразу хлынувшими въ комнату ясными звуками рояля и визгливаго голоса дочери, онъ вздрогнулъ и оглянулся; лицо его мгновенно приняло мрачное выраженіе: онъ увидѣлъ Глафиру Александровну, вошедшую въ кабинетъ еще съ большею, чѣмъ наканунѣ вечеромъ, надменностію.

— Это что такое, Петръ Ѳедоровичъ, что это вы еще выдумали, а?—заговорила она рѣзко, морщась при этомъ отъ громкихъ звуковъ, долетавшихъ изъ залы.

Петръ Ѳедоровичъ моментально вскочилъ съ кресла отъ письменнаго стола, набросилъ, какъ могъ и куда могъ, бумаги и тетради, чтобы скрыть отъ глазъ жены ея записки, кусочки ленточекъ, бахромокъ и блондочекъ, предназначавшихся служить образцами при покупкахъ, и тревожно спросилъ:

— Что такое? что случилось? ты такъ странно смотришь?

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!—воскликнула она, съ пренебреженіемъ смотря на него и показывая ему какое-то письмецо на розовой бумажкѣ.

— Что это? Розовая бумажка... Письмецо?

— Да-съ, Петръ Ѳедоровичъ, письмецо... Вотъ пишутъ, васъ хвалятъ... Сейчасъ ваша мамаша получила и мнѣ прочла... Ахъ вы, тщеславный человѣкъ! И не стыдно это вамъ, не стыдно?

— Да что такое?.. Позвольте... тревожно спрашивалъ Петръ Ѳедоровичъ, кидая въ то же время робкіе взгляды на свой письменный столъ, боясь, чтобы не увидала тамъ жена того, чего ей вовсе не слѣдовало видѣть.

— Безумецъ! Мы здѣсь сидимъ точно въ тюрьмѣ, вотъ уже третій мѣсяцъ, потому что, видите ли, денегъ нѣтъ, чтобы жить зиму въ городѣ, а онъ по пятисотъ рублей бросаетъ на пожертвованіе... Ахъ Боже мой, Боже мой!

— Позвольте, позвольте,—вдругъ хмурясь зашепталъ Петръ Ѳедоровичъ, позвольте... Что за вздоръ, какое тамъ... пожертвованіе...

Онъ схватился обѣими руками за лобъ, какъ будто силясь понять, что это такое странное и не понятное ему говорятъ.

— Ахъ, пожалуйста не притворяйтесь! Я не повѣрю, ни за что не повѣрю.

— Да позво-ольте... Объясните точнѣе, въ чемъ вы меня упрекаете.

— Вотъ, вотъ вамъ письмо, вотъ о васъ пишетъ Серафима Антоновна, сестра вашей мамаши... Сдѣлайте милость, позвольте, не перебивайте... Она не то, что , лгать не будетъ...

Петръ Ѳедоровичъ пожалъ плечами и вздохнулъ, къ-бы жалуясь на свою несчастную судьбу, а самъ, жду тѣмъ, косилъ глаза на письменный столъ, спра[...]ливо опасаясь, что начавшаяся буря можетъ страшно

разъиграться, если Глафира Александровна увидитъ тамъ свои образчики ленточекъ. На его счастье, она пока стояла бокомъ къ столу и свысока смотрѣла на него, держа въ правой рукѣ письмо и легонько потрясая имъ.

— Ну вотъ, ну вотъ... Что вы теперь скажете, а? Тщеславный вы человѣкъ! Говорите же, Боже мой, говорите... Что же это вы такое дѣлаете съ нами, а?

Петръ Өедоровичъ грустно улыбнулся и опять пожалъ плечами.

— Что же я буду говорить, Глафира Александровна, когда вы мнѣ слова не дадите сказать...

— Ну, ну, хорошо, говорите... Я слушаю...

— А вотъ то-то и есть, давно бы такъ... Ну, вотъ садитесь, садитесь вотъ сюда и успокойтесь. Я вамъ все объясню... Вотъ сядьте здѣсь... Попокойнѣе...

— Ну, ну, пожалуйста... безъ навязчивости!

Онъ старался главнымъ образомъ отвести ее подальше отъ письменнаго стола и, въ то же время, придумывалъ, что же ей сказать въ свое оправданіе. Изъ залы, между тѣмъ, не переставая, неслись звуки рояля и голоса дочери; Петръ Өедоровичъ ухватился за новый предлогъ, чтобы оттянуть свое объясненіе и успѣть придумать его.

— Ахъ,—сказалъ онъ хмурясь,—какъ Настя громко играетъ,—и сдѣлалъ шагъ къ дверямъ, чтобы притворить ихъ; но въ этототъ несчастный для него моментъ Глафира Александровна взглянула на письменный столъ и увидала кусочки ленточекъ.

— Это что такое? — почти вскрикнула она, поспѣшно кинувшись къ столу.

— Что, что?—испугался Петръ Өедоровичъ, и дѣйствительно уже растерявшійся остановился у дверей.

Осмотрѣть ленточки и кружевца, и прочесть письмо предназначавшееся къ отправкѣ въ губернскій городъ было дѣломъ полуминуты, въ продолженіе котораго Петръ Өедоровичъ совсѣмъ измѣнился, съежился, озябъ и, засунувъ руки въ карманы своего бархатнаго пальто

принялъ видъ такого растерявшагося и задавленнаго заботами человѣка, какимъ онъ былъ наканунѣ ночью. Глафира Александровна, съ розовымъ письмецомъ въ одной рукѣ и съ ленточками и недоконченнымъ письмомъ мужа въ другой, крикнула: «Настя! Настя, иди сюда!» и, не смотря на растерявшагося Петра Ѳедоровича, въ изнеможеніи опустилась на диванъ.

Дочь скорыми шагами вошла въ кабинетъ.

— Мама, мама! Что съ тобою?

— Ахъ,—въ изнеможеніи простонала Глафира Александровна, приподнимая ослабѣвшія руки и молча показывая дочери и розовое письмецо, и недоконченное письмо мужа съ образчиками.

— Да что же такое, что?

— Вотъ видишь... Онъ... — объясняла она, слабо кивнувъ головой на Петра Ѳедоровича, хмуро что-то перебиравшаго на столѣ бумаги, — онъ тщеславный... Онъ по пятисотъ рублей жертвуетъ на добровольный флотъ... Зачѣмъ ему добровольный флотъ?..

Дочь въ удивленіи посмотрѣла на отца, какъ-бы тоже желая спросить: зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, ему добровольный флотъ, но увидѣла только, что Петръ Ѳедоровичъ грустно покачиваетъ головой и пожимаетъ плечами, стоя къ нимъ спиной.

— Онъ... Настя... ужасный, да!..—слабо продолжала Глафира Александровна, и вдругъ, точно догадалась, что слабостію съ этимъ ужаснымъ человѣкомъ ничего не возьмешь, быстро перемѣнила тонъ и гнѣвно заговорила:

— Ты знаешь, Настя, что онъ намъ не купилъ ни ни кружевъ, ни воротничковъ, ничего... Ты этого не знаешь? А помнишь, помнишь, что онъ вчера говорилъ? Помнишь?.. Оказывается, все это ложь... Вотъ, вотъ, смотри, читай!..

— Ахъ, ахъ, папа! что же это!.. Какъ же мы останемся... Ахъ, какое несчастіе!..

— Пойдемъ, пойдемъ, Настя, къ бабушкѣ, пойдемъ! повелительно и грозно провозгласила Глафира Алексан-

дровна и, взявъ за руку дочь, величественно вышла изъ комнаты, не удостоивъ взглядомъ Петра Θедоровича.

Оставшись одинъ, онъ схватился обѣими руками за голову.

VI.

Бабушка Вѣра Антоновна, мать Петра Θедоровича, сидѣла въ это время въ столовой около камина и грустно покачивала головой, недовольная всѣмъ, что происходило вокругъ нея.

Она съ незапамятныхъ временъ жила безвыходно въ усадьбѣ, ни на что не жаловалась, ничѣмъ не восхищалась и только иной разъ долгимъ, долгимъ взглядомъ всматривалась въ сына или въ его жену, когда они вдругъ оживали, начинали весело и дружелюбно между собою разговаривать. Изъ этого бабушка знала, что, значитъ, появились у Петра Θедоровича деньги и близокъ день, когда домъ вновь опустѣетъ, останется она въ немъ съ внучкой Анютой и будетъ день за днемъ слышать почтительные доклады старика Савелья о томъ, что «Анатолій Петровичъ не изволили дома ночевать и по настоящій часъ неизвѣстно гдѣ отсутствуютъ». Пока Петръ Θедоровичъ жилъ въ усадьбѣ, старикъ Савелій дѣлалъ свои почтительные доклады прямо ему и, всего чаще, въ отвѣтъ на нихъ получалъ только одно нахмуренное недовольное мычаніе. Теперь бабушка, оставшись одна подъ впечатлѣніемъ только-что полученнаго изъ губернскаго города письма, молча положила около себя на маленькій круглый столъ свое вязанье и ждала чѣмъ-то кончится столкновеніе Глафиры Александровны съ Петромъ Θедоровичемъ. Она бы не дала ей полученнаго письма и не разсказала бы его содержанія, еслибъ сама Глафира Александровна не подвернулась къ ней въ это время, а за симъ уже бабушка и опомниться не успѣла, какъ за первой фразой о Петрѣ Θедоровичѣ письмо

оказалось въ рукахъ Глафиры Александровны и она улетѣла съ нимъ къ мужу.

— Точно дѣти,—думала бабушка, смотря вслѣдъ уходившей отъ нея женѣ сына.

Теперь Глафира Александровна, возвращаясь изъ кабинета мужа, шла еще съ большей быстротой чѣмъ давеча, когда шла къ нему въ кабинетъ; лицо ея разгорѣлось яркимъ румянцемъ, глаза сверкали гнѣвомъ. Впередъ она шла, имѣя въ рукахъ одно только розовое письмецо, а теперь въ обѣихъ рукахъ ея были письма и образчики лентъ—вещественныя доказательства вѣроломства мужа. Будучи женщиной солидныхъ размѣровъ и весьма полной, она шла задыхаясь и, при спускѣ съ лѣстницы, ведущей въ первый этажъ дома, даже чуть-было не оступилась и счастливо избѣгла паденія благодаря только тому обстоятельству, что около нея шла дочь Настя, дочь очень предупредительная и услужливая въ особенности въ отношеніи матери, которая такъ любила ее и даже не далѣе какъ три мѣсяца назадъ возила ее съ собой на воды. Настя шла теперь очень разгнѣванная, и ея красивые черные глаза тоже сверкали гнѣвомъ на отца, хотя въ ея рукахъ не было никакихъ вещественныхъ доказательствъ его вѣроломства. Мать прошла мимо комнаты младшей дочери молча и даже не заглянула въ нее, можетъ быть, потому, что эта младшая дочь не умѣла никогда во-время выказать матери услужливой предупредительности и ловко поддержать ее, напримѣръ, на лѣстницѣ. Однако же, сестра Настя, проходя мимо комнаты Анюты, успѣла пріотворить къ ней дверь и крикнула:

— Анюта! Намъ ничего папа не купилъ, ни воротничковъ, ни кружева...

— Фу, какъ испугала!—подумала Анюта, отрываясь отъ книжки, которую въ это время читала,—е купилъ, такъ не купилъ, и Богъ съ нимъ. Правду абушка говоритъ, что въ деревнѣ все это лишнее... хъ, Боже мой!—вздохнула потомъ она, представивъ

себѣ, какое впечатлѣніе эта новость произведетъ и мать—ссоры да упреки, когда все это кончится.

Книжка, положенная на колѣни подъ впечатлѣніемъ этихъ думъ, была чрезъ нѣсколько времени опять въ ея рукахъ, и стоило только взглянуть на выраженіе лица Анюты, чтобы сразу понять, что чтеніе, на которомъ она старалась сосредоточиться, есть не чтеніе, а добровольная мука. Книжка была «Краткое руководство къ всеобщей исторіи». На этажерочкѣ около столика, у котораго Анюта сидѣла, было еще нѣсколько тоненькихъ книжекъ. Она надѣялась, при посредствѣ ихъ, сдать экзаменъ на званіе домашней учительницы, поощряемая къ этому горячо любившей ее бабушкой.

Спустя нѣсколько времени послѣ того, какъ она снова углубилась въ нѣдра краткаго руководства и старалась запоминать имена различныхъ королей по ихъ названіямъ: рыжій, короткій, благочестивый, возлюбленный и т. п. — сестра Настя опять появилась въ дверяхъ и крикнула:

— Иди, Нюта, въ столовую.

— Ахъ, оставь, пожалуйста,—досадливо отвѣтила Анюта,—что мнѣ тамъ дѣлать?

— Ты понимаешь, — горячо возразила сестра, гнѣвно сверкая глазами, — ты понимаешь, папа намъ ничего не купилъ; все, что онъ вчера вечеромъ говорилъ, оказывается неправда.

— Какое-же мнѣ до этого дѣло?

— Ахъ, ты вѣчно, вѣчно глупости отвѣчаешь; иди же, когда тебѣ говорятъ: мамаша зоветъ.

Анюта нехотя поднялась и пошла за сестрой.

Обѣ онѣ были средняго роста, Анюта—нѣсколько повыше, Настя пополнѣе и поживѣе. Анюта всегда скромная и молчаливая, съ потупленнымъ взглядомъ; Настя — бойкая съ черными сверкающими глазами и надменными, заимствованными у матери манерами.

Пока Настя была въ комнатѣ сестры, Глафира Александровна, взволнованная и въ слезахъ, ходила по

столовой, останавливаясь по временамъ около кресла, гдѣ сидѣла бабушка.

— На что это похоже, maman,—жаловалась она,— скажите, пожалуйста, возможно-ли послѣ этого жить съ нимъ, поддерживать его и скрывать отъ дяди Павла Степановича его недостатки? — Нѣтъ, я рѣшительно потеряла терпѣніе. Я все, все открою дядѣ... Я и это письмо отправлю къ нему и это вотъ ваше тоже... Непремѣнно оба, оба отправлю и все напишу, и о дѣлахъ, какъ онъ ихъ разстроилъ и какъ разыгрываетъ предъ дядей роль богатаго человѣка, а самъ весь въ долгахъ. Все, все напишу!

Старушка, упорно до сихъ поръ молчавшая, приподняла голову отъ вязанья.

— Къ чему это все поведетъ?—спокойно замѣтила она.

— А къ тому-же, что дядюшка наконецъ узнаетъ, въ какомъ ужасномъ положеніи мы находимся!

— Кажется, онъ скоро и безъ вашего увѣдомленія все узнаетъ,—вздохнувъ, сказала старушка.

Вошедшія Настя и Анюта прервали ихъ разговоръ.

— Ну вотъ, вотъ видите,—заговорила, обращаясь къ нимъ Глафира Александровна, бросивъ бывшія до сихъ поръ въ рукахъ ея письма на столъ:—ну, вотъ и платья останутся безъ отдѣлки... Пойдите теперь къ нему, жалуйтесь!..

— Ахъ, какъ это несносно, — воскликнула Настя, ломая себѣ пальцы, и хотѣла взять со стола письма отца.

Бабушка, замѣтивъ ея движеніе, протянула руку къ письмамъ и тихо сказала.

— Оставь, ты не можешь это дѣлать.

— Это почему еще, бабушка?—взволновалась Настя.

— Потому что не можешь.

— А мамаша... мамаша читала...

— Оставь, Настя!—повелительно перебила Глафира Александровна.

Анюта съ недоумѣніемъ смотрѣла то на мать, то

на бабушку и на сестру, не понимая, что это за бумаги такія разбросаны на столѣ.

— Что это за письма? — шопотомъ спросила она Настю; но та, недовольная, что ее такъ обрѣзали обѣ, мать и бабушка, разсердилась на сестру и сердито отстранилась отъ нея, шепнувъ:

— Ахъ, отстань, какая ты невыносимая!

— Чѣмъ? Скажи пожалуйста! — изумленно переспросила Анюта.

— Отстань, прошу тебя! Ахъ, это ужасно!—брезгливо отвѣтила Настя, отходя въ другую сторону комнаты.

Анюта съ недоумѣніемъ пожала плечами и стала вслушиваться въ слова матери, начавшей читать вслухъ письмо Петра Ѳедоровича къ пріятелю.

— Видите,—замѣтила старушка,—сами же поторопились его упрекать; онъ бы послалъ нарочнаго и чрезъ два дня всѣ покупки были бы здѣсь...

— Онъ можетъ и теперь это сдѣлать,—возразила Глафира Александровна,—онъ обязанъ! Это его нравственный долгъ!

Въ комнату вошелъ Анатолій Петровичъ. Онъ былъ въ тѣхъ же высокихъ сапогахъ и въ какомъ-то не то сѣренькомъ, не то земляного цвѣта сюртукѣ, въ которомъ былъ вчера въ этой же комнатѣ, но теперь, при дневномъ свѣтѣ, лицо его, смуглое и угреватое, и глаза, горѣвшіе подозрительнымъ огнемъ, производили непріятное впечатлѣніе. Онъ вошелъ почти незамѣченный бывшими въ комнатѣ или, вѣрнѣе сказать, оставленный ими безъ вниманія и, не говоря ни слова, сѣлъ къ столу, облокотившись на него обѣими руками и склонивъ на нихъ голову. Чрезъ нѣсколько времени бабушка кинула на него вопросительный взглядъ, н^ ни слова не сказала; сестры отошли нѣсколько въ ст рону, а мать не удостоила даже взглядомъ и продо жала говорить о возможности поѣздки въ губерск городъ нарочнаго за покупками кружевъ и ленточек

Анатолій молчалъ и слушалъ. По временамъ о

поднималъ голову, улыбался чему-то и потомъ опять склонялъ голову на руки и печально качалъ ею, видимо въ отвѣтъ на свои размышленія.

— Разговаривайте! Время самое подходящее, да!— пробормоталъ онъ и опять смолкъ.

Глафира Александровна презрительно оглянулась въ сторону, гдѣ онъ сидѣлъ.

— Самое хорошее время! Спѣшите!—погромче сказалъ онъ,—самое хорошее... о ленточкахъ только теперь и разговаривать! Вотъ пріѣдетъ приставъ, да какъ начнетъ все описывать—тогда узнаете, куда мы летимъ!

Глафира Александровна прекратила разговоръ о посылкѣ нарочнаго. Сынъ какъ будто заставилъ ее проснуться и изъ области сновидѣній перенесъ въ дѣйствительность. Дочери изумленно смотрѣли на Анатолія и даже старушка, давно знавшая о печальномъ положеніи дѣлъ Петра Ѳедоровича, вздрогнула при словахъ мрачнаго внука и вздохнула, взглянувъ на образъ.

Глафира Александровна, однако не потеряла своего достоинства и, презрительно въ полъ-оборота взглянувъ на сына, сказала:

— Ты уже, кажется, успѣлъ вдохновиться?

— Можетъ быть!—мрачно отвѣтилъ Анатолій.

— Ахъ, Боже мой!—всплеснула она руками, обращаясь къ бабушкѣ: — представьте, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ пьянъ! Съ утра!.. Уже пьянъ! Ну, развѣ же можно такъ—съ утра!

Бабушка посмотрѣла чрезъ очки на Анатолія и не сказала ни слова въ отвѣтъ на восклицаніе его матери.

— Я не съ утра... Я съ вечера,—отрывисто промычалъ онъ, опять склоняя отяжелѣвшую голову на обѣ руки, опиравшіяся локтями на столъ.

— Съ утра пьянъ!—заговорилъ онъ заплетающимся языкомъ, — развѣ можно съ утра? Ха, ха, ха! Какія вы истины провозглашаете! Истины... Съ утра-а!.. Вы бы сказали, напримѣръ, нельзя быть пьянымъ во-

обще—ну, я понимаю... Потому понимаю, что пьянство—это гадость, мерзость! Но почему именно нельзя съ утра и не все-ли равно когда — тутъ дѣло не во времени...

— Ахъ, какое положеніе!.. Анатолій! Зачѣмъ же ты сюда приходишь въ такомъ видѣ? Иди себѣ во флигель! — строго обратилась къ нему Глафира Александровна.

— Не вижу въ этомъ надобности!

— Я вижу надобность!.. Я тебѣ приказываю наконецъ.

— Приказываю!—иронически повторилъ онъ, вставая на ноги. — Власть! Держава! Повелѣваю! — театрально возгласилъ онъ, жестикулируя.—Ха, ха!

— Анюта! Настя! пойдите! — замѣтила дочерямъ Глафира Александровна.

Дочери вышли; въ слѣдъ имъ Анатолій захохоталъ и вдругъ неожиданно началъ бить себя руками въ грудь.

— Вы думаете, я камень? — слезливо заговорилъ онъ,—нѣтъ, я не камень... Душа болитъ—вотъ что! Болитъ!.. Что онъ тутъ вчера вралъ? развѣ я не понимаю?.. Онъ все вралъ и меня обманулъ, никакого мнѣ ружья и не думаетъ купить... А я знаю, знаю, что все разваливается. Вотъ опишутъ имѣніе и по шеѣ насъ всѣхъ... И васъ, почтеннѣйшая мамаша, да! Нужды нѣтъ, что вы барыня нѣжной организаціи и на разныя минеральныя горячія и теплыя воды изволите ѣздить, да!

— Замолчи ты, гадкій!—сердито проворчала Глафира Александровна, и вспомнивъ, что въ самомъ дѣлѣ кромѣ заботъ о нарядахъ предъ ней стоятъ десятки неразрѣшенныхъ вопросовъ по отношенію къ заботамъ о завтрашнемъ днѣ—быстро отвернулась отъ сына и пошла опять въ кабинетъ мужа.

Въ кабинетѣ она его, однако-жъ, не нашла; тамъ былъ только одинъ старикъ Савелій, сметавшій пыль съ мебели.

— Гдѣ Петръ Ѳедоровичъ?—сурово спросила Глафира Александровна.

Савелій почтительно выпрямился, заложивъ за спину обѣ руки, въ которыхъ были метелка и грязная тряпка, и однотонно отвѣтилъ:

— Изволили отбыть въ Малорѣченскъ.

VIII.

Петръ Ѳедоровичъ, «отбывшій въ Малорѣченскъ» въ дурномъ расположеніи духа, возвращался оттуда совсѣмъ уже мрачный. Барскія старинныя сани, запряженныя парой тощихъ лошадей, тихо тащились по почтовой дорогѣ и ныряли въ ея ухабахъ, точно лодка на волнахъ во время бури; старые кони при этомъ замедляли и безъ того медленный бѣгъ свой, и кучеръ, сидѣвшій браво на козлахъ, давалъ имъ нѣсколько ударовъ кнутомъ, величественно покрикивая попадавшимъ на встрѣчу крестьянскимъ санишкамъ: «Береги-ись! ей!» Несмотря на ветхость своего кучерского наряда, онъ по старой привычкѣ сознавалъ, что «его баринъ Петръ Ѳедоровичъ—первый человѣкъ на всю округу». А «первый человѣкъ» сидѣлъ теперь въ саняхъ точно больной старикъ. Енотовая шуба съ поднятымъ воротникомъ закрывала его лицо вмѣстѣ съ головой. Попадавшіеся на встрѣчу крестьяне, ѣхавшіе скорчившись и съежившись на своихъ жалкихъ санишкахъ и мелкихъ какъ жеребята, лошаденкахъ, замѣчали въ барскихъ саняхъ только одну сгорбленную спину Петра Ѳедоровича и ей кланялись, наскоро стаскивая съ нечесанныхъ головъ грязныя и оборванныя шапки.

Петръ Ѳедоровичъ томился и вздыхалъ, въ сущности даже не зная, о чемъ вздыхаетъ. Пока проѣзжалъ онъ трехверстное разстояніе отъ Малорѣченока до своей усадьбы, чего-чего ему не лѣзло въ голову,—то вспоминалась молодость беспечная и веселая, когда онъ, молодой наслѣдникъ богатствъ своего отца, веселился [illegible] Петербургѣ

въ которой онъ былъ «безъ году недѣлю» чиновникомъ и оставилъ службу, впавъ за это въ немилость дядюшки Павла Степановича.

— Вздорный старичишка,—отзывался теперь Петръ Ѳедоровичъ о дядѣ, и точно видѣлъ передъ собой его отвисшія толстыя губы, сѣрые оловянные глаза и щетинистые сѣдые волосы. Теперь вотъ вывертывайся передъ нимъ какимъ хочешь бѣсомъ, хоть мелкимъ, хоть крупнымъ—все равно не повѣритъ, потому что не знаетъ, что такое нужда! И гдѣ эта скотина старшій братъ Хохлаковъ! Пропалъ, чортъ его побери!.. Съ тѣмъ, по крайней мѣрѣ, можно разговаривать,—досадовалъ Петръ Ѳедоровичъ.—Разумѣется, огромная свинья и онъ: увѣряетъ, что не сомнѣвается во мнѣ, а самъ между тѣмъ въ прошломъ году гроша не хотѣлъ давать, пока весь долгъ не будетъ вписанъ въ закладныя. Ну, да чортъ съ нимъ: всѣ эти акты и закладныя на усадьбу и на лѣсную дачу въ свое время уничтожатся, не заживется же дядя на свѣтѣ... Но теперь, теперь что дѣлать, когда этотъ другой братъ Хохлаковъ, Степанъ, слышать ничего не хочетъ ни объ отсрочкѣ, ни о процентахъ. Дубина какая-то неотесанная.

Петръ Ѳедоровичъ брезгливо морщился, припоминая разговоръ съ Степаномъ Хохлаковымъ и еще глубже прятался въ свой енотъ. Высокій и сухощавый Степанъ Хохлаковъ, длинноносый, съ острымъ бритымъ подбородкомъ и съ черными усами, рисовался теперь въ его воображеніи, напоминая собою какого-то цыгана, котораго Петръ Ѳедоровичъ когда-то въ дни своей веселой молодости видалъ въ главѣ хора съ гитарою въ рукахъ. Чортъ его знаетъ, какое удивительное сходство, подумалъ онъ и тотчасъ же досадливо упрекнулъ себя за такія праздныя мысл Лѣзетъ въ голову какая-то гиль, — какое мнѣ тепе дѣло до сходства? Долгъ отсрочить надо... И вѣдь в разбойникъ сваливаетъ на братца Филарета, «если братецъ»... Что мнѣ твой братецъ, когда его до

нѣтъ и ты, пользуясь этимъ, притѣсняешь меня!.. «Выкушайте еще чайку!..» Тьфу ты, гадость какая! И вѣдь врощается, соболѣзнованіе какое въ лицѣ, скорбные вздохи... «Извините, простите, съ искреннею бы готовностію, но окончательно невозможно, потому братецъ Филаретъ Павловичъ будутъ въ неудовольствіи»... Этакій вздоръ человѣкъ городитъ! Я же знаю, что все это чистѣйшій вздоръ: Филаретъ Павловичъ не первый годъ увѣряетъ, что будетъ поддерживать кредитъ до смерти дяди Павла Степановича. Однако же, если въ самомъ дѣлѣ Филаретъ скоро не возвратится, этотъ цыганъ можетъ большія непріятности мнѣ надѣлать: сколько я съ нимъ времени потратилъ и все напрасно.

Петру Ѳедоровичу вспомнился кабинетъ Степана Хохлакова, кіотъ краснаго дерева съ образами въ золоченныхъ ризахъ, свѣтъ лампады; и вдругъ ему стало совѣстно, что онъ такъ низко поступилъ, когда входилъ въ кабинетъ этого глупаго человѣка и изъ угожденія ему, именно изъ угожденія, перекрестился, взглянувъ на образъ, думалъ, что этимъ задобритъ его, найдетъ въ немъ сочувствіе своему безпомощному положенію. Краска стыда выступила на его лицѣ и онъ еще глубже спрятался въ енотъ, какъ будто хотѣлъ спуститься на самое дно саней.

— Береги-ись! Эй!—опять раздался въ его ушахъ окликъ кучера. Петръ Ѳедоровичъ высунулъ голову изъ воротника и увидалъ, что они уже въѣзжаютъ въ усадьбу и какія-то жалкія санишки съ дровами застряли въ ухабѣ и мѣшаютъ его санямъ проѣхать. Оборванный мужичонко пугливо нахлестывалъ карлика лошаденку хворостиной и силился другой рукой помочь ей вывезти изъ сугроба санишки.

— Вотъ она жизнь-то,—подумалъ Петръ Ѳедоровичъ, когда сани его, протащившись по сугробу мимо [illegible]аба, въѣзжали опять на дорогу.

— Да что мнѣ за дѣло, какъ другіе люди живутъ. [illegible]ъ, можетъ быть, въ сто разъ меня счастливѣе. У

него нѣтъ такихъ долговъ, какіе меня мучатъ... Разбойникъ!—вдругъ рѣшилъ онъ, вспомнивъ опять, какъ любезно угощалъ его Степанъ Хохлаковъ чаемъ.

Когда сани въѣзжали въ ворота усадьбы и кучеръ остановилъ лошадей у подъѣзда, тотчасъ же явился къ услугамъ барина старый Савелій и высадилъ его изъ саней. Что-то толстое, закутанное съ головы до ногъ въ шубу и сгорбившееся поплелось вверхъ по лѣстницѣ, стуча высокими зимними калошами и путаясь въ полахъ шубы. Савелій, слѣдуя за нимъ, былъ озабоченъ и внимательно наблюдалъ за каждымъ шагомъ Петра Ѳедоровича. Многолѣтній опытъ научилъ его узнавать расположеніе духа барина, и теперь, смотря на его сгорбленную спину и медленную походку, Савелій безъ всякихъ объясненій понялъ, что поѣздка въ Малорѣченокъ кончилась для Петра Ѳедоровича нехорошо.

Молча раздѣвшись въ передней, Петръ Ѳедоровичъ, хмурясь и охая, прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, и идя, нѣсколько прихрамывалъ на лѣвую ногу. И по этому прихрамыванью и оханью Савелій точно такъ-же догадывался о положеніи дѣлъ барина—онъ тоже замѣчалъ, что оханье и прихрамыванье обыкновенно одолѣвали Петра Ѳедоровича въ такое время, когда его дѣла ужъ очень запутывались. Какъ только онъ вошелъ въ кабинетъ чрезъ правую дверь изъ передней, тотчасъ же почти и встрѣтился съ Глафирой Александровной, вошедшей къ нему чрезъ дверь изъ залы. Она давно уже сидѣла въ залѣ у окна и ждала его пріѣзда и даже поплакала, вспоминая прошлые счастливые годы ихъ жизни, когда они весело проводили день за днемъ, не находя почти ни въ чемъ препятствія къ исполненію своихъ желаній и не задумываясь о будущемъ.

— Ахъ, я боленъ, боленъ... Оставьте меня, Глафира Александровна,—торопливо проговорилъ Петръ Ѳедоровичъ, увидя жену и хватаясь за голову.

— Болѣзнь ваша мнѣ давно извѣстна,—насмѣшливо

возразила она,—вѣроятно друзья ваши господа Хохлаковы, которые васъ такъ долго и такъ успѣшно обирали до настоящаго времени, теперь находятъ, что больше обирать нечего.

Онъ старался видимо удержаться отъ возраженій; замѣтно было, какъ его лицо краснѣло и губы вздрагивали. Переложивъ на столѣ съ одного мѣста на другое какія-то книги, онъ сталъ потомъ ихъ перелистывать, не видя ни буквъ, ни листовъ. Глафира Александровна, очевидно тѣшась его сдерживаемой злобой, продолжала подливать масла въ огонь.

— Вѣроятно, теперь,—иронически говорила она,— вы уже отложили переѣздъ въ губернскій городъ и будете до весны любоваться изъ оконъ вашего дома прелестными зимними пейзажами, пока, впрочемъ, этотъ домъ не продадутъ съ аукціона, что, кажется, уже близко.

И у ней губы тоже нѣсколько вздрагивали отъ злобы, кипѣвшей въ ея сердцѣ, но она продолжала говорить не спѣша и улыбаясь.

Онъ все еще отмалчивался.

— Что-жъ вы не отвѣчаете?—спросила она, возвысивъ нѣсколько голосъ:—или вы думаете въ самомъ дѣлѣ я буду здѣсь съ вами сидѣть, скучать всю зиму. Merci.

— Замолчите!—вдругъ зашипѣлъ онъ, потерявъ терпѣніе, и отчаянно замахалъ руками.—Вы ничего не видите, что кругомъ дѣлается, вы не обращаете вниманія на положеніе мужа, вы только думаете о себѣ, о своихъ нарядахъ... Вы просто истерзали меня, да! истерзали!

Онъ взмахнулъ руками надъ своей всклокоченной головой и торопливо зашагалъ по комнатѣ, продолжая упрекать жену.

— Какъ вы отвратительно шипите..., — брезгливо теребила она.

—Вы что думаете, вы думаете, вѣчно можно такъ безумно мотать деньги, да? Вы думаете у меня неисчислимыя богатства, золотыя розсыпи...

— Позвольте, позвольте!—язвительно воскликнула Глафира Александровна:—вы не за свою роль взялись. Это я должна вамъ говорить.

Въ залѣ въ это время Настя намѣренно или не намѣренно раскрыла рояль и стала играть. Супруги упрекая другъ друга въ расточительности, не замѣчали, что ихъ громкій разговоръ ясно можетъ быть слышимъ дочерью, и договорились, наконецъ, до того, что Петръ Ѳедоровичъ началъ горячиться и, трагически потрясая руками, грозилъ Глафирѣ Александровнѣ разводомъ.

— Оч-чень хорошо! Отъ васъ всего можно ждать!—иронизировала она:—ха, ха! какая страшная угроза!

Съ этими словами она пошла къ дверямъ, кинувъ на мужа взглядъ, полный презрѣнія.

Онъ на минуту опомнился и сообразилъ, что нельзя же въ самомъ дѣлѣ городить всякій вздоръ, а тѣмъ болѣе о разводѣ, когда ему уже перевалило за пятьдесятъ. Уйди она молча изъ кабинета, гнѣвъ его на этой вспышкѣ и окончился бы, но она, дойдя до дверей, нашла нужнымъ напомнить ему, что будетъ искать покровительства у дяди Павла Степановича. Это его окончательно взорвало. Лицо побагровѣло, глаза налились кровью и онъ гнѣвно закричалъ.

— Да уйдите же, наконецъ, отсюда! Что я вамъ, мальчишка что-ли какой достался?

И вдругъ, точно для акомпанимента этимъ отчаянно высокимъ нотамъ его гнѣвнаго и хриплаго голоса, раздались изъ залы звуки сопрано: «Вы шепните тайкомъ, цвѣты мои, про любовь мою ей!» Петръ Ѳедоровичъ остановился на мѣстѣ, умолкнувъ и безсильно опустивъ жирныя руки. Онъ совсѣмъ пришелъ въ себя и ему совѣстно стало при мысли о томъ, что дочь слышала его отчаянный крикъ.

IX.

Прошло дня три въ какомъ-то странномъ и для всѣхъ неопредѣленномъ положеніи. Анатолій Петро-

вичъ въ это время гдѣ-то пропадалъ и о немъ, при общей печали и разстройствѣ дѣлъ, никто даже и не вспоминалъ. Однажды какъ-то послѣ обѣда онъ вдругъ появился въ столовой, гдѣ сидѣла только одна бабушка.

Бабушка мрачно оглянула его, вздохнула, но ни слова не сказала. Онъ посидѣлъ, посопѣлъ себѣ подъ носъ и угрюмо спросилъ.

— Что, бабушка,—отецъ дома?

— Дома.

— Угрюмый?

— Да.

— Значитъ, Хохлаковъ ему не отстрочилъ?

— Не знаю.

Въ это время въ комнату вошла Анюта, но, увидя растрепаннаго Анатолія, тотчасъ же ушла обратно.

— Спугнулъ!—мрачно сказалъ Анатолій, оглядывая комнату блуждающими глазами.

Бабушка молчала и снова принялась за свое вязанье, точно въ комнатѣ никого не было.

— Вы, бабушка, думаете, я не чувствую? Вы думаете, я такъ себѣ отъ бездѣлья пью,—вдругъ заговорилъ онъ плачевнымъ голосомъ, нѣтъ, не то-съ... Да-съ... Я вижу, я очень хорошо все вижу... Развѣ я не знаю, какое состояніе осталось отъ дѣдушки... Гдѣ теперь оно, а? Позвольте спросить?

— Пойди, выспись лучше,—тихо замѣтила бабушка.

— Нѣтъ, позвольте. Я высплюсь и это все равно. Я и такъ не спавши могу очень хорошо все различать, да-съ! Мнѣ развѣ не больно, когда я все вижу... Вы вспомните-ка, вспомните, какая была жизнь, а? У меня былъ гувернеръ французъ, у сестеръ двѣ гувернантки... А кони какіе были, а маленькіе пони, парочка, помните, сестры катались на нихъ въ коляскѣ, легонькая такая, плетеная? Помните? Былъ даже оселъ для верховой ѣзды... А теперь мы сами стали ослами и на насъ верхомъ поѣхали купцы, ха, ха!

— Тише, какъ ты громко говоришь! — хмурясь, замѣтила бабушка.

— Виноватъ! — расшаркнулся Анатолій, приподнимаясь со стула и покачнулся. — Вы, бабушка, — продолжалъ онъ, садясь на другой стулъ, — вы все еще думаете, что прислуга ничего не знаетъ и нельзя громко говорить... Ошибаетесь, да! Знаютъ всѣ, что вылетаемъ въ трубу, знаетъ даже деревня и самъ Спиридонъ Яковлевъ Березкинъ, у котораго я напился.

Онъ опять поднялся со стула и перешелъ еще ближе къ бабушкѣ

— Пойди, ради Бога къ себѣ... — хмурясь, сказала она.

— Вы думаете, я пьянъ? — вдругъ обидчиво спросилъ онъ, — вовсе нѣтъ! Это вамъ только такъ кажется.

Онъ покачнулся, расшаркиваясь, и взялъ съ окна свою фуражку. Фуражка эта была тоже въ достаточной степени измятая и грязная, какъ и весь остальной его костюмъ, и теперь онъ смялъ ее въ комокъ.

— Я уйду, уйду, не хмурьтесь... Я очень хорошо знаю, что вамъ непріятно то, что я говорю правду, да! Вы думаете, никто ничего не знаетъ о нашихъ дѣлахъ? ха, ха! Нѣ-ѣ-тъ, не такъ. Послушайте-ка вотъ, что говоритъ Спиридонъ Яковлевъ. Онъ, не бойсь, не по нашему живетъ. Посмотрите-ка, каковъ у него теперь домикъ-то! Да-съ! Дѣйствительно, у него этого нѣтъ, нашего развитого вкуса, изящества этого, домъ-то хотя и большой, а все-таки избой смотритъ. Дуракъ! Взялъ срубъ срубилъ, другой срубилъ, третій, да всѣ одинъ къ одному и приставилъ. Какая въ этомъ красота? Не красиво, говоритъ, да крѣпко. Ха, ха! И правъ онъ, правъ! Уменъ, бестія, охъ, уменъ какъ! Что вы какъ улыбнулись? Вы думаете, я пьянъ? Извините — ничуть!

Онъ взялся за ручку двери и растворилъ ее, намѣреваясь уходить, а самъ между тѣмъ стоялъ на одномъ мѣстѣ и продолжалъ разсказывать бабушкѣ о Спиридонѣ Яковлевѣ, восхваляя его какія-то особенныя и очень хорошо будто бы извѣстныя не только жите-

лямъ сосѣдняго городка Малорѣченька, но и всему свѣту достоинства.

— Дочь у него, я вамъ скажу, бабушка, дочь такая... Такая—не выговорить... Полная, румяная!..

— Ты или уходи, или затвори дверь. Слышишь? Анатолій!—возвысила, наконецъ, голосъ бабушка,— слышишь, что я говорю?

— Красота!—воскликнулъ онъ, скрываясь за дверью.

Выйдя изъ столовой въ сосѣднюю комнату, составлявшую продолженіе передней, Анатолій остановился и постоялъ нѣкоторое время въ нерѣшительности, куда идти:—обратно ли къ бабушкѣ, или прямо въ двери, и еще разъ покачнувшись, вышелъ на крыльцо.

Широко разставивъ ноги и сдѣлавъ руки фертомъ, Анатолій ворчалъ, стоя на крыльцѣ, и мрачно смотрѣлъ впередъ: предъ нимъ была обширная площадка, на которой лѣтомъ красовались клумбы цвѣтовъ, а теперь лежалъ снѣгъ. Площадка замыкалась рѣшетчатымъ заборомъ, съ такими же рѣшетчатыми воротами, около которыхъ недавняя вьюга намѣтала большіе сугробы снѣга. Сойдя съ крыльца и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, онъ повернулся лицомъ къ дому и, опять широко разставивъ ноги, покачалъ головой, блуждая глазами то по многочисленнымъ окнамъ дома, то по его флигелямъ, построеннымъ справа и слѣва и связанными съ домомъ длинными стеклянными галлереями.

— Вылетаемъ!—борметалъ онъ, поглядывая на домъ и на флигеля и на занесенныя снѣгомъ деревья сада, примыкавшаго къ дому съ обѣихъ его сторонъ.

— Анатолій Петровичъ!—крикнулъ вдругъ кто-то за воротами и заставилъ Анатолія оглянуться.

— А, Березкинъ!—оживляясь отвѣтилъ Анатолій.

— Я самый, Анатолій Петровичъ.

— Стой, Спиридонъ Яковлевъ, подожди!—тономъ приказанія крикнулъ Анатолій.

— Слушаю, Анатолій Петровичъ.

Спиридонъ Яковлевъ тронулъ рукой свою мохнатую черную шапку, какъ бы кланяясь Анатолію.

Анатолій подошелъ къ нему, пріятельски протянулъ руку и потрясъ ее, немного при этомъ покачиваясь и блуждая глазами.

— Шелъ я, Анатолій Петровичъ, признаться, мимо, вижу, будто сумлѣваетесь...

— Дѣла, братъ, плохи... Отецъ совсѣмъ... понимаешь?—Въ трубу!..

— То-то вижу и вы какъ будто головой покачиваете...

— Закачаешь, небойсь, головой,—продолжалъ Анатолій заплетающимся языкомъ.

— Какъ не закачать! — поддакнулъ Березкинъ, — помилуйте! Этакое, можно сказать, зданіе и вдругъ, на тебѣ, расшатывается... Очення мы хорошо это понимаемъ и, признаться, жаль!.. Въ особенности, значитъ, знавши, какое состояніе отъ дѣдушки родителю вашему было оставлено.

Спиридонъ Яковлевъ былъ крестьянинъ, когда-то крѣпостной Поярковыхъ, а теперь торгующій по купеческому свидѣтельству. Онъ имѣлъ въ усадьбѣ кабакъ и лавочку съ краснымъ товаромъ, являлся всегда первымъ тамъ, гдѣ можно было что бы то ни было дешево купить, дать взаймы подъ работы, подъ урожай будущаго года и т. п., и, словомъ, опутывалъ крестьянъ выдачами имъ ссудъ «въ трудное время». Съ Анатоліемъ онъ подружился, какъ видно, тоже не спроста и тоже опутывалъ его, но осторожно, такъ осторожно, что въ описываемое время никто, кромѣ самого Спиридона, не зналъ истинной цѣли его ухаживанья за Анатоліемъ Петровичемъ.

— А я къ тебѣ хотѣлъ идти,—сказалъ Анатолій.

— Ну, что-жъ, дѣло хорошее... Да какъ же эт вы такъ налегкѣ, вѣдь пожалуй, мудренаго нѣтъ, ли хорадка встряхнетъ.

— Ну вотъ, выдумывай еще!

— Оно точно бываетъ всяко, все же не ровен

часъ...—отвѣтилъ Спиридонъ Яковлевъ, а самъ между тѣмъ пугливо поглядывалъ по сторонамъ, высматривая, нѣтъ ли по близости кого лишняго. По его словамъ, онъ былъ «человѣкъ съ понятіемъ» и зналъ, что господа—«народъ жидкій», хотя въ данномъ случаѣ вовсе не потому озаботился о здоровьѣ Анатолія, что его можетъ встряхнуть лихорадка. Будучи самъ не изъ крѣпкихъ, сухой и костлявый, сутуловатый и низкорослый, онъ вообще не столько заботился о здоровьѣ, сколько о разныхъ денежныхъ выгодахъ и доходахъ.

— Глядите, Анатолій Петровичъ, ладно ли будетъ, —сказалъ, онъ, оглядываясь,—мы здѣсь съ вами стоимъ на виду у всѣхъ, не лучше ли идти поскорѣе...

— Ну, ладно. Я сейчасъ... Зайди со мной во флигель, я только захвачу пальто.

— Опасаюсь я, Анатолій Петровичъ,—прошепталъ Спиридонъ Яковлевъ.

— Ну вотъ еще,—ничего, зайди.

— Оченно опасаюсь, не извольте гнѣваться, а невозможно, потому, сами знаете, папаша вашъ человѣкъ властительный и въ большомъ ко мнѣ нерасположеніи. Въ позапрошлый разъ, когда впередъ за аренду мельницы отъ меня деньги брали и лужокъ мнѣ въ аренду отдали, чуть въ шею не наклали. Ей-Богу! Горячительный человѣкъ!.. А вѣдь мнѣ, сами изволите знать, ужъ подъ пятьдесятъ—обидно будетъ, ежели, то-есть, въ шею-то.

Однакожъ ему не хотѣлось теперь выпускать изъ рукъ Анатолія, изъ опасенія, что онъ пожалуй пойдетъ къ себѣ во флигель за пальто и не выйдетъ обратно. Онъ предложилъ ему идти не одѣваясь, только, чтобы «скорымъ маршемъ», но теперь Анатолій самъ капризничалъ и сталъ настаивать на необходимости захватить пальто. Спиридонъ Яковлевъ что-то очень злобливо на него взглядывалъ и нервно дергалъ свою жидкую рыжую бороденку, росшую у него только на подбородкѣ.

— Въ такомъ разѣ, Анатолій Петровичъ, я вамъ

скажу вотъ что: самое настоящее дѣло теперь идти къ попу. Вотъ вѣдь только спуститься подъ гору, за церковь, тутъ и есть.

— Не стоитъ къ нему идти.

— Угоститъ въ лучшемъ видѣ! Пойдемъ, Анатолій Петровичъ, чтожъ въ самомъ дѣлѣ понапрасну время терять!

— Ну, чортъ съ тобой, пойдемъ!

Минуту спустя, они скрылись за церковью.

— Здѣсь поостерегись, Анатолій Петровичъ, слышь! поддержалъ его Спиридонъ,—видишь тутъ на спускѣ-то заледенѣло малость, какъ бы грѣхомъ не кувыркнуться.

— Не разговаривай! Самъ смотри въ оба, я еще и тебя могу поддержать.

Однако же, онъ поскользнулся и свалился бы, еслибъ Спиридонъ не подхватилъ его за руку.

— Видитя-я, Анатолій Петровичъ, надо осторожнѣя!..

— Молчи!

Они подошли къ покосившемуся старому домику, въ которомъ жилъ священникъ, отецъ Захаръ.

— Миръ дому сему! — провозгласилъ Спиридонъ Яковлевъ, входя и улыбаясь.

— И живущимъ въ немъ,—добавилъ отецъ Захаръ, наскоро надѣвая поверхъ длинной холщевой рубахи подрясникъ.

— Здравствуй, попъ!—сказалъ Анатолій, подавая руку и покачиваясь,—мы, братъ, къ тебѣ... Вотъ вѣдь онъ, все онъ, Спиридонъ злочестивый, надоумилъ.

— Чтожъ! Я радъ, во всякое время радъ! Милости прошу садиться!..

Отецъ Захаръ торопился застегнуть пуговицы подрясника и въ то же время сновалъ глазами по комнатѣ

— Милости прошу садиться! Милости прошу! Только вотъ извините все у меня въ небреженіи такомъ...

— Ничего, отецъ Захарія, это ничего: мы люди

свои—ободрялъ Спиридонъ Яковлевъ, самодовольно поглаживая бородку.

— Ничего, попъ!—подсказалъ и Анатолій, встряхивая длинными волосами и окидывая комнату мутнымъ взглядомъ.

Обстановка жилища отца Захара была непривѣтливая, грязноватая и бѣдная. Комната, въ которой теперь они всѣ трое находились, была низкая съ маленькими занесенными снѣгомъ окошечками. Около стѣнъ были простыя деревянныя скамьи, въ переднемъ углу, какъ и въ обыкновенныхъ крестьянскихъ домахъ, стояли на полочкѣ нѣсколько образовъ, не освѣщенныхъ, какъ бы подобало въ домѣ священника, лампадкою; столъ, стоялъ въ этомъ углу тоже обыкновенный крестьянскій, некрытый холщевой скатертью, не безукоризненной чистоты. При входѣ гостей, отецъ Захаръ наскоро притворилъ дверь въ сосѣднюю комнату, гдѣ «матушка» спряталась отъ нихъ, будучи тоже полураздѣта и съ нечесанными волосами.

— Матушка, распорядись!—зашепталъ онъ, просунувъ голову въ полуотворенную дверь.

— Ну, что тамъ еще выдумываешь!—заворчала матушка,—затворяй дверь-то, куда лѣзешь, видишь, я не одѣта.

Она хотѣла притворить дверь передъ носомъ мужа; но онъ, несмотря на ея видимое недружелюбіе, проскользнулъ къ ней въ комнату бокомъ, успокоительно шепнувъ гостямъ:

— Повремените, я сейчасъ.

При такомъ рѣшительномъ натискѣ о. Захара, матушка отступила отъ двери и заворчала, но однако же такъ умѣренно, что ухмылявшіеся гости не могли понять, о чемъ она ворчитъ.

— Что ты съ ними дружишься? Неужели отъ этого козла Спиридона прокъ какой тебѣ будетъ?—сердито наговаривала она о. Захару.

Онъ махалъ на нее обѣими руками и морщился, причемъ лицо его, и безъ того имѣвшее какой-то

странный сѣроватый цвѣтъ, сдѣлалось еще темнѣе.

— Не сомнѣвайся, прошу тебя, — шепталъ онъ, почти прикасаясь своимъ лицомъ къ ея рябому и блѣдно-желтому лицу,—возьми во вниманіе, какіе дни наступаютъ!

— Не вижу я, какіе дни,—ворчала она,—только бражничаете.

— Не сомнѣвайся, молю тебя не сомнѣвайся,— продолжалъ онъ шептать,—сей самый козелъ, Спиридонъ Яковлевъ, уже пасть свою раскрываетъ на поярковское добро... Достань огурчиковъ десяточекъ — и довольно.

— Ну-ну, — сердито отмахнулась она отъ него локтемъ, изъ чего о. Захаръ понялъ, что домашнія непріятности устранены и вопросъ о десяткѣ соленыхъ огурцовъ разрѣшенъ въ благопріятномъ для него смыслѣ.

— Простите великодушно, — засуетился онъ, выходя къ гостямъ и заправляя космы волосъ за уши:— признаться, неожиданно пожаловали, а впрочемъ, я очень радъ и покорнѣйше благодарю.

— Не разводи, попъ, пустяковъ,—мрачно перебилъ Анатолій, уже усѣвшійся въ переднемъ углу:—дай-ка лучше что-нибудь выпить.

— А ты какого о семъ мнѣнія?—обратился о. Захаръ къ Спиридону и вопросительно посмотрѣлъ на него, какъ-бы спрашивая, желаетъ ли онъ еще поить и безъ того уже достаточно пьянаго Анатолія.

Отецъ Захарія, не поскупись,—подсказалъ Спиридонъ Яковлевъ въ отвѣтъ на его вопросительный взглядъ.

— Чтожъ, я съ удовольствіемъ! Возможно и во благовременіи разрѣшается.

Изъ этихъ переглядываній и подсказываній можно было замѣтить, что между о. Захаромъ и Спиридономъ есть что-то общее, неизвѣстное Анатолію.

Получивъ поощрительную поддержку отъ Спири-

дона, о. Захаръ опять проскользнулъ въ дверь сосѣдней комнаты и, спустя нѣсколько времени, появился оттуда съ тарелкой чернаго хлѣба.

— Я не замедлю... Сейчасъ!—успокоительно замѣтилъ онъ и опять скрылся за дверью.

— Что онъ шмыгаетъ взадъ и впередъ!—сердито проворчалъ Анатолій.

— Сейчасъ, сейчасъ, Анатолій Петровичъ, — утѣшилъ Спиридонъ.

О. Захаръ вновь появился въ комнатѣ съ тарелкой огурцовъ и графиномъ водки.

— Надлежало бы что-либо еще предложить вамъ, но соблаговолите чѣмъ Богъ послалъ, — сказалъ онъ, привѣтливо улыбаясь.

— Отчетливо! Закуска въ самый разъ, чтожъ! Анатолій Петровичъ, дерябнемъ по рюмашечкѣ!—ободрительно возгласилъ Спиридонъ Яковлевъ, кивая отцу Захарію глазами на поникшаго головой Анатолія.

— Предлагаемое да піемъ, — подсказалъ и отецъ Захаръ, поглаживая руки и умилительно смотря на Анатолія, точно любуясь его безпомощнымъ положеніемъ.

Анаталій пріободрился и выпилъ рюмку водки, чокнувшись съ Спиридономъ Яковлевымъ.

— А вы, отецъ Захарія, что же?—спросилъ Спиридонъ Яковлевъ.

— Вѣдь я, знаете, не вкушаю...

— Одну-то ужъ будто нельзя! Что ты, отецъ Захарія,—съ упрекомъ возразилъ Спиридонъ Яковлевъ.

— Единую-то, полагаю, позволительно, тѣмъ паче ради достопочтенной компаніи.

О. Захаръ выпилъ, крякнулъ и, погладивъ сѣдоватую бороду, сталъ расхаживать по избѣ. Онъ дѣлалъ видъ, что не обращаетъ вниманія на разговоры гостей и болѣе всего интересуется низкимъ потолкомъ избы и ея покосившимися полами, а самъ, между тѣмъ, не переставалъ косить глаза на Спиридона и Анатолія, слѣдя за ихъ разговоромъ.

Спиридонъ Яковлевъ сидѣлъ за столомъ рядомъ съ Анатоліемъ и вкрадчиво его спрашивалъ:

— А что, Анатолій Петровичъ, я слыхалъ стороной, что будто бы вашъ родитель изъ губерніи-то возвратился что-то скучноватъ... Должно, дѣлишки-то туговаты...

— Вылетаемъ! — мрачно отвѣтилъ Анатолій и потянулся рукой къ графинчику.

— Гм., гм., ничего, Анатолій Петровичъ, — успокоительно покрикивалъ Спиридонъ Яковлевъ, — на вашъ вѣкъ хватитъ...

— Опишутъ да продадутъ все съ аукціона, вотъ-те и хватитъ, — мрачно отвѣтилъ Анатолій.

— Ничего! Не сумлѣвайтесь, это ничего. Есть еще впереди много: дядюшка Павелъ Степановичъ не оставитъ васъ... Такъ-то-съ... А ежели бы къ примѣру и назначили аукціонъ — не суть важное... Вы, законный, значитъ, наслѣдникъ и родовое имѣніе безпрепятственно могите выкупить обратно. Такъ-ли-съ!

Анатолій остановилъ на Спиридонѣ Яковлевѣ сосредоточенный взглядъ, точно разсматривая его впалые глаза и тонкія длинныя морщины, рѣзавшія его лицо.

— Какъ же я выкуплю? На какія средства? — задумчиво спросилъ онъ.

— Эхъ, чудакъ человѣкъ! А Богъ-то на что? — весело подхватилъ Спиридонъ Яковлевъ, ударяя Анатолія по плечу. — Такъ ли я говорю, отецъ Захарія?

— Такъ, такъ... конечно... Отъ Господа всегда просящій пріемлетъ и толкущему отверзется..., — авторитетно подсказалъ отецъ Захаръ, останавливаясь около стола и заложивъ руки за спину.

— Погоди..., попъ, погоди, — вдругъ возвысилъ голосъ Анатолій и повелительно приподнялъ руку вверхъ, грозя священнику указательнымъ пальцемъ, — ты н то, не то...

— Ну, ну ладно... какъ хотите! — поспѣшилъ успокоить отецъ Захаръ! — мнѣ все равно. Я согласенъ.. Какъ угодно...

— То-то,—укоризненно замѣтилъ Анатолій,—ты, отецъ попъ, такіе поучительные разговоры разводи вонъ тамъ, у бабушки, она любитъ, а меня оставь... Нѣтъ, ты скажи мнѣ основательно, Спиридонъ Яковлевъ, скажи мнѣ, на какія-же средства я выкуплю имѣніе, если его будутъ продавать съ аукціона.

— Для чего теперече объ этомъ... авось не умремъ еще... Будетъ рожь, будетъ ей и мѣра. Помилуй, неужели-же такъ теперь все тебѣ и выкладывать!—прошепталъ Спиридонъ Яковлевъ.

— Погоди, погоди! остановилъ его Анатолій, кладя обѣ ладони своихъ рукъ на его впалую грудь,—погоди, это не то... А еще говоришь, что ты человѣкъ съ понятіемъ...

— Я-то?—оживился Спиридонъ Яковлевъ: — я то-есть такъ это все довольно хорошо понимаю, что...

Онъ приложилъ руку къ сердцу, но вдругъ тонъ рѣчи его понизился, и оглянувшись на дверь, онъ сказалъ:

— Выпьемъ лучше по-рюмочкѣ, огурчики у батьки первый сортъ.

Анатолій не отказывался отъ выпивки. Спиридонъ подливалъ ему и подмигивалъ украдкой отцу Захару; отецъ Захаръ улыбался, отвѣчалъ тоже подмигиваньемъ, какъ-бы одобряя этимъ дѣйствія Спиридона Яковлева. Но по неестественности и натянутости улыбки о. Захара замѣтно было, что онъ смутно понимаетъ планы Спиридона. «Вижу, давно усматриваю,—томился о. Захаръ,—что Спиридонъ дѣйствуетъ политически и явно питаетъ надежду на возможность поживиться въ дни разрѣшенія поярковской фамилій. Предполагаю, что, владѣя нѣкоторыми капиталами, онъ въ самомъ дѣлѣ можетъ ихъ усугубить, ведя дружбу съ симъ рохвостомъ; но зачѣмъ-же въ эти послѣдніе дни онъ съ такой неумѣренностію спаиваетъ его. Вотъ что мнѣ странно!» думалъ о. Захаръ.

Томясь неизвѣстностью о причинахъ этого непонятнаго ему обстоятельства, о. Захаръ пытался про-

никнуть въ душу Спиридона Яковлева, но тотъ на всѣ вопросы отдѣлывался пока подмигиваньемъ.

Спустя нѣсколько времени, Анатолій прилегъ на лавкѣ въ избѣ о. Захара и захрапѣлъ. Спиридонъ сталъ прощаться.

— Зайди чрезъ полчасика ко мнѣ, — шепнулъ онъ уходя.

— Что за исторія такая? Говори теперь-же,—настаивалъ о. Захаръ, выйдя вслѣдъ за Спиридономъ на крыльцо,—подслушивать некому: говори.

Но Спиридонъ оглянувшись и удостовѣрившись, что дѣйствительно никто ихъ не подслушиваетъ, все-таки ничего не сказалъ отцу Захару и только тревожно задергалъ свою рыжую бороденку, уходя торопливыми шагами отъ его покосившейся избы.

О чемъ они говорили чрезъ полчаса въ лавочкѣ Спиридона Яковлева—это ихъ тайна.

X.

Спиридонъ Яковлевъ давно и съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за положеніемъ дѣлъ разстраивающагося хозяйства Поярковыхъ и завидовалъ братьямъ Хохлаковымъ, замѣчая, что они мало-по-малу забираютъ въ руки Петра Ѳедоровича. Онъ сознавалъ, что и самъ не хуже ихъ съумѣлъ-бы накинуть петлю на шею Петра Ѳедоровича и съ не меньшею, чѣмъ они, осторожностію ее затягивать. Но ему этого сдѣлать не удалось, несмотря на то, что онъ очень хорошо зналъ, какія отъ этого могли представиться ему выгоды. Бороться съ Хохлаковыми онъ былъ не въ силахъ и только издали слѣдилъ за ихъ успѣхами и завидовалъ. Въ этой зависти онъ по-своему и ошибочно объяснялъ себѣ планъ Хохлаковыхъ, думая, что они, представивъ закладныя Пояркова ко взысканію, намѣреваются купить его усадьбу и лѣсную дачу на аукціонѣ за болѣе или менѣе дешевую цѣну.

Между тѣмъ планы старшаго Хохлакова заходили далеко за предѣлы мечтаній Спиридона.

Случилось, впрочемъ, такое неожиданное совпаденіе обстоятельствъ, что Спиридонъ Яковлевъ сталъ задумываться, нельзя-ли этимъ обстоятельствомъ воспользоваться и вырвать изъ рукъ Хохлаковыхъ хоть кусокъ того аппетитнаго пирога, который они готовились забрать себѣ. Случилось, что заболѣлъ Филаретъ Хохлаковъ. Уѣхалъ онъ по дѣламъ въ Москву, оттуда проѣхалъ въ Кіевъ и гдѣ-то на дорогѣ слегъ, да такъ ловко, что возвращеніе его въ Малорѣченскъ, противъ всякаго ожиданія, замедлилось на два мѣсяца. Въ это время подошелъ срокъ полученія денегъ съ Пояркова по закладнымъ, и Степанъ Хохлаковъ растерялся, не зная, какъ поступить съ нимъ, и не имѣя отъ брата никакихъ инструкцій. «Милая сестрица,—писалъ онъ женѣ Филарета, уѣхавшей къ больному мужу,—узнайте, милая сестрица, какъ братецъ прикажетъ поступить съ Поярковымъ: подать-ли ко взысканію или отсрочить». А милая сестрица въ отвѣтъ написала: «лежитъ въ горячкѣ и Господу одному извѣстно, какое меня, несчастную старуху, съ малыми дѣтьми ждетъ впереди испытаніе». Степанъ, получивъ телаграмму, повѣсилъ голову. Незнакомый съ дальновидными планами брата, онъ по простотѣ души рѣшилъ, что если братецъ Филаретъ далъ Петру Ѳедоровичу деньги на срокъ, то значитъ въ срокъ ихъ и получить слѣдуетъ, и неумолимо сталъ требовать съ Пояркова уплаты долга.

Спиридонъ Яковлевъ слѣдилъ за дѣйствіями Степана Хохлакова какъ кошка за птичкой и придумывалъ, какъ-бы его половчѣе обойти, пока старшаго брата дома нѣтъ. Имѣя съ Хохлаковыми дѣла по покупкѣ у нихъ красныхъ товаровъ, онъ рѣшился попробовать подойти къ Степану Хохлакову поближе и удостовѣриться, на сколько онъ простъ.

— А что я вдругъ надумалъ, Степанъ Павлычъ,—предложилъ онъ:—не помочь-ли мнѣ вамъ въ поярковскомъ-то дѣлѣ?

— Какъ-же это, напримѣръ, помочь?—съ удивленіемъ спросилъ Степанъ Павловичъ:—вѣдь уже дѣло все окончено, листы получены, теперича только къ приставу, а тамъ объявка и назначатъ продажу.

— Всяко бываетъ, Степанъ Павлычъ,—задумчиво добавилъ Спиридонъ Яковлевъ,—въ лѣсу сучья, въ судѣ крючья. Сами знаете, какъ и что, когда ежели съ чиновниками, а мнѣ сподручнѣе: живу близко, свободнаго времени довольно, самъ могу во всѣ стороны... я для вашей милости съ удовольствіемъ. Я и къ приставу, я и къ исправнику — вездѣ самъ: никто и опомниться не успѣетъ, какъ укціонъ назначатъ.

Степанъ Павловичъ зачесалъ въ головѣ и этимъ явнымъ выраженіемъ сомнѣній и колебаній испугалъ Березкина, страстно желавшаго ускорить дѣло по продажѣ имущества Пояркова.

— Вы какъ будто чего-то сумлѣваетесь, Степанъ Павлычъ?—вкрадчиво спросилъ онъ.

— Сомнѣваться не въ чемъ, а надо о томъ подумать, не повредить бы торопливостью-то...

— Господь съ вами, что вы!—увѣрялъ Березкинъ:— чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. — Прижать только хорошенько, сейчасъ заплатятъ, ей-ей! Деньги найдутся,— горячо зашепталъ онъ,—у старухи есть деньги, я знаю, право, ей-Богу, есть, Степанъ Павлычъ, надо только поприжать хорошенько.

— Взыщемъ, разумѣется, взыщемъ,—отвѣчалъ Степанъ Павловичъ, воодушевленный Спиридономъ.

А Спиридонъ Яковлевъ думалъ про себя: «Слава Богу, что ты такой простакъ, съ Филаретомъ-то мнѣ бы не сладить. Хитеръ! Дай только Господи, чтобы онъ подольше похворалъ».

Говоря такъ, Спиридонъ Яковлевъ строилъ свои планы, онъ надѣялся, что, при отсутствіи Филарета Павловича, ему удастся обдѣлать дѣло по-своему и купить на торгахъ поярковскую лѣсную дачу. «Подѣлюсь съ приставомъ, авось поможетъ»...—думалъ онъ.

Но утромъ слѣдующаго дня отношенія Спиридона

Яковлева къ Степану Павловичу круто измѣнились. Отъ Филарета Павловича получилась телеграмма: «Слава Богу полегче, пришелъ въ себя. Съ Березкинымъ не разговаривай. Взысканіе денегъ съ Пояркова отложи до моего пріѣзда».

Спиридонъ Яковлевъ получилъ отказъ и едва удержался, чтобы скрыть свое волненіе.

— Что-же такое, Степанъ Павловичъ, вдругъ за перемѣна такая вышла въ вашихъ мысляхъ?—удивлялся онъ, приставая съ разспросами.

— Ничего не вышло, — сухо отвѣчалъ Степанъ Павловичъ,—я раздумалъ.

— Но почему, напримѣръ? Какая такая вдругъ черная кошка между нами пробѣжала, что вы какъ будто даже на меня въ гнѣвѣ?

— Ни чуть не въ гнѣвѣ, а раздумалъ и больше ничего,—сердито отвѣчалъ Степанъ Павловичъ.

Онъ понялъ наконецъ, хотя и не съ достаточною ясностью, что Спиридонъ Яковлевъ подводилъ подъ него какую-то механику.

— Кто-то его, дурака, надоумилъ, — злобствовалъ Спиридонъ Яковлевъ, отправляясь отъ Хохлакова съ пустыми руками: — кто-то надоумилъ, вижу, что не свои онъ слова говоритъ. Нѣтъ, шутъ васъ побери, нѣтъ, я не дамъ вамъ однимъ обирать Пояркова. Ишь, канальи, ровно волки, заслышали, что падалью пахнетъ, и одни хотятъ все забрать.

Спиридонъ Яковлевъ ничуть не стѣснялся тѣмъ, что самъ уподоблялся волку, заслышавшему запахъ трупа, и злобствовалъ только на Хохлаковыхъ, зачѣмъ они стали ему поперекъ дороги въ этомъ привлекательномъ дѣлѣ. Теперь убѣдившись, что больше нечего ждать отъ Степана Хохлакова, онъ рѣшился прибѣгнуть къ другому способу, будучи внѣ всякаго сомнѣнія, что Филаретъ Хохлаковъ самъ точитъ зубы на лѣсную дачу Пояркова.

— Гдѣ мнѣ съ нимъ бороться на аукціонѣ,—досадовалъ онъ: — накинетъ пожалуй лишнюю тысячу, а

то и двѣ—все барышъ; дача-то стоитъ добрыхъ пятнадцать тысячъ, а у меня-то всего капиталовъ тысячъ восемь наскребется. Нѣтъ, надо какъ-нибудь стороной потихоньку перехитрить ихъ въ этомъ дѣлѣ.

Перехитрить дѣйствительно было можно. Спиридонъ Яковлевъ сталъ ухаживать за молодымъ Поярковымъ, пользуясь его слабостью къ рюмочкѣ. Дѣло въ томъ, что по закону сынъ могъ отклонить аукціонъ, назначенный на продажу родового имѣнія за долги, и, заплагивъ ихъ, сдѣлаться собственникомъ имѣнія. Это именно и имѣлъ въ виду Спиридонъ Яковлевъ. Но какъ довѣриться Анатолію? Онъ человѣкъ слабый къ вину и притомъ добродушный и довѣрчивый, его могутъ также легко завлечь и другіе, какъ завлекаетъ онъ, Спиридонъ Яковлевъ. И вотъ мало-по-малу слагается въ головѣ бывшаго крѣпостного — планъ женить на своей дочери дворянскаго сына. Въ первый моментъ, когда эта мысль охватила Спиридона Яковлева, онъ даже самъ испугался.

— Я, крестьянинъ, простой, такъ сказать, сиволапъ и вдругъ родство съ господами — избави Богъ, засудятъ!

Но потомъ онъ малу-по-малу свыкся съ этой мыслью.

Все это происходило незадолго до возвращенія Петра Ѳедоровича изъ губернскаго города и въ первые дни послѣ его пріѣзда, когда онъ еще не имѣлъ извѣстія о томъ, что Филаретъ Павловичъ прислалъ телеграмму о своемъ выздоровленіи.

Въ эти именно дни Спиридонъ Яковлевъ окончательно рѣшился на осуществленіе своего смѣлаго замысла и настойчивѣе прежняго сталъ слѣдить за Анатоліемъ, заботясь, чтобы онъ не отрезвлялся до поры до времени. Для этой цѣли вечеромъ слѣдующаго дня, послѣ попойки у отца Захара, была устроена снова попойка, но уже не въ избѣ о. Захара и не въ его присутствіи, а въ избѣ самого Спиридона Яковлева.

Изба у Спиридона Яковлева была свѣтлая и про

сторная, пахло въ ней свѣжимъ лѣсомъ; широкія скамьи около стѣнъ были новыя, какъ и оконныя рамы, въ чистыя стекла которыхъ открывался видъ на большую дорогу. Отъ печи несло жаромъ, и нечего было удивляться, что Анатолій, выспавшійся въ избѣ о. Захара, опять скоро опьянѣлъ и завалился спать на кровать Спиридона Яковлева, стоявшую въ этой же избѣ и прикрытой ситцевой занавѣской съ красными и желтыми разводами.

Спиридонъ Яковлевъ смотрѣлъ теперь на него какъ на вѣрное средство къ достиженію той добычи, овладѣть которой онъ такъ горячо желалъ; но добыча на этотъ разъ была отъ него гораздо далѣе, чѣмъ онъ думалъ: вскорѣ возвратился въ Малорѣченскъ Филаретъ Павловичъ Хохлаковъ, и положеніе дѣлъ Поярковыхъ круто измѣнилось.

XI.

Купцы братья Хохлаковы, Филаретъ и Степанъ Павловичи, были единственные состоятельные люди во всемъ малорѣченскомъ уѣздѣ и вели торговлю мануфактурными, бакалейными и хлѣбными товарами. Остальные купцы города перебивались, какъ говорится, изъ кулька въ рогожку.

Малорѣченскъ былъ городъ маленькій, грязненькій и самъ по себѣ торговаго значенія почти никакого не имѣлъ. Прежде, въ дни крѣпостного права, когда помѣщики окружныхъ имѣній жили на широкую ногу, тогда и малорѣченскій гостиный дворъ былъ полонъ «господскими товарами». Подъѣзжали къ нему барыни и барышни въ колясках и шарабанахъ, господа въ цилиндрахъ и въ самомоднѣйшихъ костюмахъ, корчившіе изъ себя англичанъ съ рыжими баками, французовъ съ усами, вытянутыми въ ниточку, и испанцевъ въ плащахъ, и всѣ эти русскіе иностранцы сорили деньгами, болтали по-французски и съ пренебреженіемъ относились къ купцамъ. Купцы снимали передъ

ними фуражки, отвѣшивали низкіе поклоны и, подсчитывая потомъ свои барыши, подсмѣивались надъ господской простотой и дурью.

Когда Петръ Ѳедоровичъ Поярковъ былъ во всей силѣ и славѣ своего наслѣдственнаго благосостоянія, гулялъ по заграницамъ и появлялся въ Красныя-Горки на одинъ или на два лѣтніе мѣсяца, братья Хохлаковы тоже отвѣшивали предъ нимъ почтительные поклоны. Бывало онъ катался по улицамъ Малорѣченска въ какомъ-нибудь замысловатомъ экипажѣ или верхомъ на лошади, у которой былъ обрѣзанъ хвостъ, и съ подобающею важностію кивалъ головой «купцамъ», сознавая свое надъ ними превосходство. Онъ не замѣчалъ тогда, какъ смотритъ на него Филаретъ Павловичъ Хохлаковъ, какъ покашливаетъ, прикрывая ротъ рукой, и какъ потомъ долго, долго провожаетъ глазами его безхвостую лошадь. Поярковъ въ своемъ величіи не думалъ, что Филаретъ Павловичъ не только успѣвалъ осмотрѣть во всей подробности его усы, вытянутые въ ниточку, его глянцовитую шляпу, его лакированные ботфорты, но и дѣлалъ вычисленіе—сколько еще пройдетъ времени, пока цѣнный конь, везущій Петра Ѳедоровича, будетъ стоять на его хохлаковской конюшнѣ и отроститъ себѣ хвостъ.

Младшій братъ Хохлакова, Степанъ Павловичъ, никакими подобными вычисленіями о времени поярковскаго разоренія не занимался. Онъ былъ, что называется, «простота-мужикъ», большой хлопотунъ, вѣчно озабоченный дѣлами. Филаретъ Павловичъ былъ прямой ему противоположностью. Всегда спокойный, неторопливый и ничѣмъ, казалось, не возмущающійся, онъ направлялъ дѣятельность Степана въ ту или другую сторону, смотря по тому, куда находилъ нужнымъ е^ направить.

Жили они въ разныхъ домахъ; каждый имѣлъ большое семейство и особое хозяйство; но дѣла у нихъ были общія и видались они ежедневно по утрамъ и вечерамъ. Утромъ Степанъ шелъ къ Филарету, пилъ

тамъ чай и незамѣтно для самого себя получалъ инструкцію на цѣлый день; вечеромъ Филаретъ шелъ къ Степану, пилъ тамъ чай и, не торопясь, разспрашивалъ, что и какъ сдѣлано въ этотъ день. По воскресеньямъ и по большимъ праздникамъ, братья обѣдали одинъ у другого съ женами и дѣтьми и на этотъ разъ разговоры ихъ были не столько о дѣлахъ, сколько о благочестіи и т. п. предметахъ, приличествующихъ празднику и званому обѣду.

Дома у нихъ были каменные, двухъ-этажные, съ прочными окованными желѣзомъ воротами; конюшни, кладовыя, амбары, бани тоже каменныя, крыши желѣзныя. Часть первыхъ этажей въ обоихъ домахъ была занята подъ склады товаровъ, и потому нѣкоторыя изъ оконъ имѣли желѣзныя рѣшетки и желѣзныя ставни. Въ общемъ, дома, при отсутствіи въ нихъ всякихъ украшеній, напоминали тюремные замки и дѣйствительно, по своей замѣчательной прочности, могли смѣло съ ними поспорить.

Братья Хохлаковы унаслѣдовали любовь къ такимъ капитальнымъ постройкамъ отъ отца, умершаго купца Павла Никифоровича Хохлакова, который купилъ мѣста для будущихъ домовъ дѣтямъ еще въ то время, когда они бѣгали по малорѣченскимъ улицамъ въ однѣхъ рубашкахъ и играли съ товарищами въ бабки. Умирая, онъ завѣщалъ имъ вести общее дѣло, а жить въ разныхъ домахъ во избѣжаніе семейныхъ ссоръ, причемъ младшему брату было вмѣнено въ обязанность слушаться и почитать старшаго брата, какъ отца. Такъ, согласно завѣщанію, братья жили въ мирѣ, и Степанъ Павловичъ подчинялся Филарету.

Когда дѣла Петра Өедоровича замѣтно разстроились — не только его безхвостый скакунъ давно отростилъ востъ на конюшнѣ Хохлаковыхъ, но и усадьба и лѣная дача были уже въ залогѣ у нихъ — Степанъ Павовичъ все еще не понималъ плановъ брата. Онъ недорчиво относился къ долгу, который они имѣли на эярковѣ, и теперь, когда, согласно телеграммѣ Фила-

рета, ему пришлось пріостановить взысканіе этого долга, онъ сильно опечалился, озабоченный думами о здоровьѣ брата. «Можетъ быть, отъ болѣзни братецъ такую несообразительную и депешу послалъ», томился онъ сомнѣніями, не рѣшаясь однако же отступить отъ приказаній брата. Онъ ждалъ, не пришлетъ ли уплаты долга самъ Петръ Ѳедоровичъ, напуганный его настойчивостію.

— Вотъ бы хорошо-то было, — мечталъ онъ, поглаживая свои цыганскіе усы, — братецъ ко мнѣ съ вопросами о домѣ Пояркова, а я ему денежки на столъ—бѣлыхъ голубей, сторублевыхъ, этакъ тысячъ на двадцать пять! Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, можетъ, у старухи есть деньги.

Но Петръ Ѳедоровичъ какъ ни былъ напуганъ энергическою дѣятельностію Степана Павловича, а денегъ ему не присылалъ, разумѣется по той простой причинѣ, что у него ихъ не было.

Онъ въ свою очередь томился непріятнымъ ожиданіемъ пріѣзда пристава и не разъ уже посматривалъ въ окно, ожидая, что вотъ-вотъ появится вдали большой дороги противная ему фигура Степана Хохлакова вмѣстѣ съ приставомъ, и готовился немедленно же скрыться изъ усадьбы чрезъ садъ. Однако-жъ непріятной фигуры пока еще не появлялось и утомленный тяжелымъ душевнымъ состояніемъ, Петръ Ѳедоровичъ послалъ къ Хохлаковымъ записку, что очень нездоровъ и проситъ «уважаемаго Степана Павловича» побывать у него въ усадьбѣ по «важному дѣлу». Получилъ эту записку Степанъ Павловичъ, и лучъ надежды снова прокрался въ его душу. «Авось заплатитъ», утѣшался онъ. Записка была получена передъ вечеромъ, и только-что Степанъ Павловичъ хотѣлъ на-скоро собраться въ усадьбу Пояркова, какъ изъ дома брата Филарета Павловича прибѣжала запыхавшаяся и раскраснѣвшаяся горничная съ радостнымъ извѣстіемъ, что «Филаретъ Павловичъ и Марья Ильинишна пріѣхали».

Само собой разумѣется, поѣздку къ Пояркову

пришлось отложить до утра и ѣхать поскорѣе къ брату.

— Любезный братецъ! сестрица! — радостно привѣтствовалъ Степанъ Павловичъ, входя къ нимъ въ домъ,—вотъ не ожидалъ-то такъ скоро, думалъ, еще недѣли двѣ придется ждать.

Они троекратно поцѣловались.

— Здравствуй, Степа! здравствуй, братецъ хлопотунъ! — привѣтствовалъ его Филаретъ Павловичъ, но привѣствовалъ спокойно, не торопясь и даже покровительственно.

— Я хотѣлъ бы, признаться, прожить еще недѣльки двѣ, продолжалъ онъ,—да ужъ больно ты мнѣ телеграммами-то надоѣлъ.

Онъ милостиво улыбнулся, пріятельски потрепалъ брата по плечу и сказалъ женѣ, чтобы поскорѣе давали чаю.

И въ отношеніи къ брату, и по словамъ, обращеннымъ къ женѣ, Филаретъ Павловичъ былъ все тотъ же спокойный и неторопливый человѣкъ. Движенія его были медленны, плавны, рѣчь тихая, обстоятельная. Росту онъ былъ средняго; толстый, лысый, носъ картофелиной, борода длинная, сѣдая—во всемъ степенность и сановитость.

— Похворали, братецъ! Вотъ оказія, а! — заговорилъ Степанъ,—я, признаться, испугался сильно.

— Ничего, Степа, слава Богу, похворалъ,—отвѣтилъ Филаретъ Павловичъ, вздохнувъ и возводя глаза на образъ.

— Похудѣли, братецъ, немного... И въ глазахъ истома.

— Теперь ничего, Степа...

— Сильно я испугался,—продолжалъ Степанъ,—а тутъ, какъ на грѣхъ, путаница съ Поярковымъ.

При этихъ словахъ, по лицу Филарета Павловича скользнула, точно тѣнь, досада; быстро скрывъ ее, онъ съ сдержаннымъ спокойствіемъ спросилъ:

— Пріостановилъ взысканіе-то?

— Да-съ, братецъ, какъ получилъ депешу, такъ и пріостановилъ.

— И хорошо сдѣлалъ.

Степанъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него, но возразить не рѣшился. Филаретъ Павловичъ погладилъ свою сѣдую бороду, помолчалъ и потомъ, покосившись на брата, сказалъ:

— Крутенекъ ты, Степа,—гнешь дуги безъ толку.

— Иначе нельзя было, братецъ, — оправдывался Степанъ,—и теперь, я думаю, безъ хлопотъ не обойдется.

— Конечно, какъ знать...—задумчиво проговорилъ Филаретъ и уже болѣе оживленнымъ тономъ спросилъ:

— Ну, а какъ Спиридонъ?

— Ничего, торгуетъ...

— Гм... гм... Умной мужикъ, умной...

— Вотъ, братецъ,—началъ Степанъ: — только передъ самымъ вашимъ пріѣздомъ получилъ отъ Петра Ѳедоровича записку,—зоветъ къ себѣ,—думаю, все по тому же дѣлу; иначе за чѣмъ, за другимъ, онъ будетъ звать.

— Ну, объ этомъ, Степа, послѣ,—перебилъ Филаретъ Павловичъ,—растолкуй-ка лучше какъ дѣла, какъ на пристаняхъ. Я что-то изъ писемъ твоихъ мало понялъ. Садись-ка,—предложилъ онъ, опускаясь на диванъ и показывая рукой брату мѣсто около себя.

При разговорѣ братьевъ о другихъ торговыхъ дѣлахъ, поярковское дѣло, само собою, отодвинулось на задній планъ. Степанъ Павловичъ, однако-жъ, напомнилъ снова о запискѣ Пояркова; но Филаретъ уклонился отъ прямого отвѣта и отложилъ разговоръ о Поярковѣ до утра.

XII.

Утромъ Степанъ Павловичъ долго и озабоченно перебиралъ на своемъ письменномъ столѣ бумаги, относившіяся къ долгу Пояркова. Онъ читалъ ихъ, свертывалъ и вновь развертывалъ, хмурясь и вздыхая

«Нѣтъ ужъ, какъ угодно будетъ братцу,—размышлялъ онъ,—а съѣздить къ Пояркову надо. Можетъ, братецъ въ самомъ дѣлѣ съ дороги утомился и не придалъ настоящаго значенія письму Петра Ѳедоровича. Нѣтъ ужъ, я съѣзжу», рѣшилъ онъ и велѣлъ поскорѣе запречь лошадь побойчѣе. Онъ бережно свернулъ поярковскія обязательства, осторожно уложилъ ихъ въ боковой карманъ и застегнулъ сюртукъ на всѣ пуговицы. Минуту спустя, онъ въ енотовой шубѣ, подпоясанный цвѣтнымъ кушакомъ и въ замшевыхъ черныхъ перчаткахъ, отправился въ легкихъ бѣговыхъ саночкахъ въ Красныя-Горки. Но рѣшившись съѣздить туда самостоятельно, безъ предварительнаго совѣщанія объ этомъ съ братомъ, онъ тотчасъ же измѣнилъ свое рѣшеніе, какъ только выѣхалъ за ворота дома и, вмѣсто того, чтобы ѣхать къ Пояркову, отправился сначала къ брату.

— А, Степа! Куда это?—въ недоумѣніи спросилъ Филаретъ Павловичъ, встрѣчая подпоясаннаго брата.

— Да вотъ, братецъ, къ Пояркову. Я говорилъ вамъ вчера. Хочу поскорѣй съѣздить.

— Ахъ, да,—лѣниво протянулъ Филаретъ.

— Кто его знаетъ, авось, можетъ быть, что-нибудь й хорошее выйдетъ.

— Мудреное дѣло!

— Оно точно, что трудно... — продолжалъ Степанъ, впадая въ тонъ брата. — Ну, я по крайности, братецъ, узнаю окончательно и тогда можно будетъ дѣйствовать прямо.

— Можно! Отчего же!.. Ничего... Надо какъ-никакъ дѣйствовать,—медленно говорилъ Филаретъ Павловичъ, всматриваясь въ его озабоченное лицо.

Степанъ Павловичъ сдернулъ на-скоро съ правой руки замшевую рукавицу и подалъ руку брату, добавивъ:—ну, братецъ, благословляйте, поѣду.

Филаретъ Павловичъ съ тою же неповоротливостію и спокойствіемъ, съ которыми встрѣтилъ приходъ брата, подалъ ему руку, но вмѣсто того, чтобы тот-

часъ же и отпустить ее, взялся другой рукой за воротникъ его шубы и потянулъ Степана Павловича на себя, приговаривая:

— Суета ты, суета! Не суетись ты, суета!..

— Полноте, братецъ... Ѣхать вѣдь надо... Звалъ къ десяти утра.

— Подожди, погоди... Распоясывайся-ка.

— Да вѣдь подумайте, вѣдь ежели теперь у него завелись деньги, вѣдь можно случай упустить, другіе перехватятъ... Мало ли у него долговъ...

— Пусть ихъ, Степа... Пусть перехватываютъ.

— Я, братецъ, васъ не понимаю,—тревожно сказалъ Степанъ Павловичъ, все еще стоя посреди комнаты подпоясанный въ шубѣ.

— Нужды нѣтъ, Степа, нужды нѣтъ,—медленно проговорилъ Филаретъ Павловичъ и сталъ обѣими руками расправлять свою большую сѣдую бороду на двѣ равныя части, — нужды нѣтъ... Пусть перехватываютъ... Сядь-ка, поговоримъ съ перво-наперво, да распоясывайся.

Степанъ Павловичъ нехотя распоясался, недоумѣвая, съ чего это братъ такъ беззаботно относится къ долгу, который они имѣли за Поярковымъ, и положилъ шубу на стулъ тутъ же въ кабинетѣ.

— Ну, распоясывайся-ка да садись,—лучше безъ шубы-то, свободнѣе не въ примѣръ.

Степанъ Павловичъ сѣлъ и приготовился слушать, что будетъ говорить ему братъ, но братъ вмѣсто всякаго разговору предложилъ напиться съ нимъ чаю какого-то особеннаго сорта, будто бы полученнаго прямо изъ какихъ-то ханскихъ садовъ.

— Изъ Москвы захватилъ, братецъ, чудесный чай, ей-ей! Ароматъ такой понесло по комнатѣ—страсть... Попьемъ-ка, а потомъ и съ Богомъ со Христомъ.

— Лошадь на дворѣ зазябнетъ, — озаботился Степанъ Павловичъ, — морозно сегодня... Какъ бы послѣ не понесла...

— Ничего... здоровъ, удержишь! — безстрастно за

мѣтилъ Филаретъ Павловичъ, но, однако, крикнулъ прислугу и далъ порученіе, чтобы лошадь брата прикрыли толстой попоной.

Степанъ Павловичъ все еще недоумѣвалъ, почему братъ задержалъ его, когда, какъ казалось ему, нужно было возможно скорѣе ѣхать къ Пояркову.

— Ну-съ, братецъ, такъ какъ же... что же?—тревожно спросилъ Степанъ Павловичъ, усаживаясь рядомъ съ братомъ на диванъ.

Филаретъ Павловичъ промолчалъ, вздохнулъ и потомъ, откинувъ голову къ спинкѣ дивана и сложивъ руки на животѣ, сталъ упорно смотрѣть въ потолокъ, точно на немъ Богъ вѣсть какіе узоры были нарисованы.

Въ ожиданіи отвѣта брата, Степанъ вынулъ изъ бокового кармана пачку бумагъ, заботливо ихъ пересмотрѣлъ, похмурился, почесалъ затылокъ и опять сталъ ихъ свертывать, чтобъ уложить обратно въ бумажникъ. Филаретъ Павловичъ, не поворачивая головы, искоса поглядѣлъ на эти бумаги и лѣниво протянулъ за ними руку, вяло спросивъ при этомъ:

— Документы Поярковы, что ли?

— Да-съ, братецъ... Исполнительные листы...

Филаретъ Павловичъ развернулъ поданныя Степаномъ бумаги и, медленно пересмотрѣвъ ихъ, отдалъ брату, сказавъ со вздохомъ:

— Пустое дѣло!

— Это о чемъ же вы, братецъ? — въ недоумѣніи спросилъ Степанъ Павловичъ.

— Да все, Степа, о томъ же, о Поярковѣ.—Пустое, говорю, это дѣло!.. Не зачѣмъ, пожалуй, и ѣхать... Все равно не заплатитъ теперь...

— Все же, братецъ, надо съѣздить... Авось...

— Оно точно... — задумчиво протянулъ Филаретъ и, помолчавъ, добавилъ, поглаживая бороду:—Вотъ что, братецъ, ты поѣзжай... Это хорошо... Поѣзжай. Но только денегъ съ Пояркова не проси.

Горничная дѣвушка въ темномъ ситцевомъ платьѣ

вошла въ комнату съ подносомъ, на которомъ стояли два стакана чаю, и подходя къ Степану Павловичу, поклонилась ему. Степанъ Павловичъ отвѣтилъ ей молчаливымъ кивкомъ головы и, взявъ стаканъ, продолжалъ разговоръ съ братомъ.

— Ежели, братецъ, денегъ не проситъ, то въ такомъ разѣ зачѣмъ же, напримѣръ, мнѣ и ѣхать къ Пояркову.

Филаретъ прихлебывая изъ стакана и улыбаясь, отвѣтилъ ему вопросомъ.

— Каковъ чаекъ-то, а? Ханскій вѣдь!

Но эти слова были сказаны только потому, что изъ комнаты еще не вышла горничная съ подносомъ, а потомъ, какъ только дверь въ кабинетъ за нею затворилась, Филаретъ Павловичъ отвѣтилъ на вопросъ брата шопотомъ:

— Нѣтъ ты, Степа, поѣзжай, вотъ что! Поѣзжай ты къ Петру Ѳедоровичу и будь поласковѣе, и ежели онъ, Степа, замѣсто того, чтобы платить старый долгъ, попроситъ у тебя еще денегъ,—ты, Степа, ему обѣщай, слышь, ты обѣщай...

— Какъ же это, братецъ, зачѣмъ же обѣщать? Вѣдь ежели, напримѣръ, слово дать, вѣдь его положительно надо исполнить.

— Видимое дѣло! Ежели дано слово, то окончательно надо его исполнить,—задумчиво сказалъ Филаретъ Павловичъ и замолчалъ.

Степанъ смотрѣлъ на него, удивляясь, что за охота давать слово Пояркову и что же можетъ быть дѣльнаго, если къ суммѣ долга, который они на немъ имѣли, еще прибавить новую сумму. Онъ думалъ, что самая лучшая и вѣрная развязка съ Поярковымъ—получить тѣмъ или другимъ путемъ съ него долгъ и разъ навсегда закаяться имѣть дѣла съ такими людьми какъ онъ.

Такой взглядъ на Пояркова выразилъ, наконецъ Степанъ брату, но тотъ покачалъ головой и задумчиво отвѣтилъ:

— Нѣтъ, братецъ, ты не такъ судишь... не здраво.

— Можетъ статься, братецъ, только я думаю, что не стоитъ съ такими людьми связываться.

— А какъ же на счетъ жалости? По чувству-то христіанскому?—Вѣдь нельзя же такъ сразу въ разоръ пущать людей. Надо же иной разъ и о смертномъ часѣ вспомнить. Не лишнее это.

— Совсѣмъ иная статья, смертный часъ, — возразилъ Степанъ.

— Ну, хорошо, ладно, — перебилъ братъ, улыбаясь: — ежели ужъ ты такой на счетъ этого самаго часа беззаботный, такъ посмотри по крайности на дѣло съ другой стороны.

— Я не вижу вовсе, къ чему вы разговоръ-то клоните, братецъ.

— А вотъ къ тому же, что разсчету нѣтъ безъ толку крутить. Ты самъ посуди, усадьба заложена въ тридцать тысячъ — развѣ она тридцать стоитъ? Да ежели дядюшка Петра Ѳедоровича, Павелъ Степановичъ, узнаетъ, что за такую цѣну усадьба въ залогѣ, онъ не только Петра Ѳедоровича скрутитъ, да и намъ-то съ тобой достанется, потому что вельможа первостатейный и для него законы не писаны.

— Ну, это вы, братецъ, что-то чудное говорите,— нерѣшительно замѣтилъ Степанъ: —въ наше время законы, кажись, для всѣхъ въ силѣ...

— Этого тоже говорить, братецъ, не слѣдуетъ,— авторитетно замѣтилъ Филаретъ Павловичъ,—да и не наше дѣло о законахъ разсуждать; кромѣ того, братецъ, надо помнить, что ежели можно человѣку помочь, и притомъ безъ риску и безо всякаго убытку,—отчего въ такомъ разѣ не помочь?

— А по-моему такъ: чѣмъ скорѣй развязка,—тѣмъ лучше.

— Помолчи, не торопись, — остановилъ его Филаретъ, медленно приподнявъ правую руку, — всегда и во всемъ надо поблагороднѣе. Другое дѣло—Спиридонъ Яковлевъ; онъ, точно, грубоватъ. Попадись ему въ

руки Поярковъ, онъ бы его живо скрутилъ. Я и то жалѣю бѣднаго Петра Ѳедоровича, что онъ мельницу-то въ аренду Спиридону дешево отдалъ. Я такъ понимаю, что это свинство. По-моему, можно бы дать за аренду-то вдвое. Ну, что дѣлать! Жаль!

Братья помолчали. Степанъ понялъ изъ этого молчанія, что ему пора ѣхать къ Пояркову.

— Такъ предложить ему, братецъ, денегъ, что ли?—нерѣшительно спросилъ онъ, поднимаясь со стула.

— Самъ ты не начинай объ этомъ, а ежели онъ заговоритъ,—не отказывай прямо-то; сошлись на меня. Пожалуй, скажи такъ пока не окончательно, а только въ видѣ утѣшенія, что вотъ-молъ теперь братецъ пріѣхалъ и навѣрно-молъ вы съ нимъ поладите. Однако, попроси денька два-три пообождать, скажи, что я еще не совсѣмъ послѣ болѣзни оправился и желаю отдохнуть. Денька черезъ три, молъ, пожалуйте, а то ежели угодно, братецъ, отдохнувши, сами у васъ побываютъ.

Степанъ Павловичъ сталъ надѣвать шубу. Филаретъ подошелъ къ нему близко и, опять взявъ его за воротникъ, потянулъ къ себѣ, приговаривая:

— Суетишься, торопишься, а настоящей сути дѣла не знаешь.

— Я вѣдь, братецъ, смотрю тоже какъ чтобы лучше.

— Смотрѣть-то ты смотришь, а видишь, мало. Припомни-ка, съ какого времени мы ведемъ дѣла съ Петромъ-то Ѳедоровичемъ. Можетъ, лѣтъ десять я его кредитовалъ до прошлаго года по однѣмъ только простымъ записочкамъ и закладныя-то сдѣлалъ только потому, что ужъ очень большая за нимъ сумма накопилась. Неровенъ часъ — помретъ, только по этому я и оформилъ дѣло... А ты взялъ вдругъ да и скрутилъ его.

— Я думалъ, братецъ, что для того и закладнь сдѣлали, чтобы скрутить.

— А знаешь ли что,—вдругъ заговорилъ Филаретъ

Павловичъ шопотомъ, — вѣдь если до аукціона дѣло довести, можетъ выйдти то, чего ты вовсе и не ждешь.

— А что же такое?—спросилъ Степанъ Павловичъ, пугливо оглядываясь.

— А тоже, что имѣніе — родовое. Найдется кто-нибудь, да хоть тотъ же Спиридонъ Яковлевъ войдетъ въ сдѣлку съ сыномъ Петра Ѳедоровича — и прощай лѣсная дача. На усадьбу-то у него силъ не хватитъ, а на дачу-то наскребетъ. Пока дядюшка Петра Ѳедоровича узнаетъ, да пока захочетъ родовое добро возвратить — глядишь, въ дачѣ-то и одного бревна не останется. Такъ-то-съ! Все это надо имѣть въ виду и поддержать Петра Ѳедоровича. Рано-ли, поздно-ли, Богъ дастъ, онъ разбогатѣетъ и насъ поддержитъ. Такъ-то-съ!.. Поѣзжай съ Богомъ, да много-то не разговаривай.

Онъ проводилъ Степана Павловича за двери и, вернувшись обратно, со вздохомъ сказалъ:

— Дуракъ вислоухій! Напуталъ тутъ безъ меня.

XIII.

Два, три денька ожиданія, о которыхъ Филаретъ Павловичъ просилъ передать Пояркову, нужны были, кажется, не столько для отдыха послѣ болѣзни и дорожной усталости, сколько по необходимости имѣть время ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, какъ Петра Ѳедоровича, такъ и вообще малорѣченскихъ купцовъ. Хотя Филаретъ Павловичъ зналъ, что особой перемѣны въ положеніи торговыхъ дѣлъ въ Малорѣченскѣ въ его отсутствіи не могло случиться, но все-таки, какъ человѣкъ аккуратный, онъ внимательно всматривался во все, что его окружало. Положимъ, малорѣченскіе купцы были люди не капитальные, жались поближе къ мужику и сосали понемногу доходы изъ перекупки и продажи его трудового добра и сновали около общественныхъ сундуковъ, съ жадностью голоднаго волка засматриваясь на ихъ желѣзные замки; но Филаретъ

Павловичъ, можетъ быть, по собственнымъ своимъ ощущеніямъ, зная мѣру ихъ жадности, старался собрать свѣдѣнія на счетъ того, что можетъ грозить ему въ томъ случаѣ, если онъ захочетъ прижать Пояркова покрѣпче.

Самъ онъ, со времени своего пріѣзда, почти не выходилъ изъ дому, но у него въ кабинетѣ въ продолженіе этихъ трехъ дней перебывало десятка два человѣкъ разнаго народу. Самоваръ не сходилъ со стола, и какъ только хозяйка замѣчала, что воды въ немъ остается уже немного, сейчасъ же на смѣну его являлся другой, и замедленія въ согрѣваніи не было, потому что въ кухнѣ была устроена такая большая желѣзная труба, подъ которой самоваръ, наполненный углями, шумѣлъ какъ пароходъ. Былъ у Филарета Павловича и Спиридонъ Яковлевъ. За нимъ, впрочемъ, онъ посылалъ нарочнаго, имѣя будто бы очень спѣшную и неотложную надобность разспросить о положеніи дѣлъ Пояркова, въ дѣйствительности же хотѣлъ посмотрѣть повнимательнѣе на Спиридона и вывѣдать, какіе у него замыслы на счетъ поярковской дачи и нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ опасности отъ того, что онъ очень уменъ и чутокъ къ наживѣ. Однако же, изъ разговора съ Спиридономъ, Филаретъ Павловичъ вынесъ немного, узналъ только, что Поярковъ имѣлъ двѣ тысячи недавно и спустилъ ихъ въ губернскомъ городѣ; но за то Спиридонъ уѣхалъ въ увѣренности, что Хохлаковъ на дняхъ же рѣшительно скрутитъ Петра Ѳедоровича и доведетъ свое взысканіе до аукціона.

Такое заключеніе несомнѣнно слѣдовало вывести изъ таинственной бесѣды Филарета Павловича о томъ, «какъ надоѣлъ ему Поярковъ и какъ онъ радъ, наконецъ, тому, что братъ Степанъ не поцеремонился съ нимъ и повелъ дѣло по суду». Отправляясь домс Спиридонъ Яковлевъ былъ озабоченъ тѣмъ, какъ (поскорѣе осуществить свой планъ относительно я нитьбы Анатолія и придумывалъ благовидные предлс для того, чтобы свою жену и жену отца Захара ку

нибудь спровадить на нѣкоторое время подальше отъ Красныхъ-Горокъ.

Между тѣмъ Филаретъ Павловичъ, минутъ шесть-семь послѣ его ухода, слѣдилъ за нимъ изъ окна и, медленно поглаживая свою пушистую бороду, чему-то улыбался.

Въ этотъ же день, и спустя какихъ-нибудь часа два послѣ отъѣзда Спиридона Яковлева, Филаретъ Павловичъ тоже отправился изъ Малорѣченска. Онъ поѣхалъ съ женой и двумя дочерьми «прокатиться«. Дочери и жена стали-было возражать, что лучше бы ѣхать послѣ обѣда, но Филаретъ Павловичъ посмѣялся надъ ними и настоялъ на своемъ, находя, что прокатиться передъ обѣдомъ полезно «для аппетиту». Они поѣхали въ просторныхъ четырехмѣстныхъ саняхъ, на парѣ вороныхъ лошадей. Эти сани и эта вороная пара были пріобрѣтены Филаретомъ Павловичемъ отъ помѣщика, жившаго тоже въ сосѣдствѣ съ Малорѣченскомъ, но уже до такой степени обѣднѣвшаго, что онъ имъ больше не интересовался и никого о немъ и о положеніи его дѣлъ не разспрашивалъ. Другое дѣло—Петръ Ѳедоровичъ: о немъ или, по крайней мѣрѣ, о положеніи его дѣлъ, онъ не переставалъ заботиться и теперь.

— Поверни-ка, братъ, лучше по большой дорогѣ,— сказалъ онъ кучеру,—тамъ не въ примѣръ удобнѣе.

— Что это, папенька, куда же мы ѣдемъ? — въ удивленіи спрашивали дочери, видя, что ихъ везутъ куда-то за городъ.

— Ничего, ничего...—успокоивалъ, смѣясь, Филаретъ Павловичъ,—за городомъ воздухъ чище.

— Однако же, чѣмъ далѣе они отъѣзжали отъ города, тѣмъ хуже становилась дорога, избитая въ ухабы, и не только дочери стали взвизгивать отъ испуга, когда сани ныряли въ ухабахъ, но и жена Филарета Павловича стала жаловаться на то, что онъ ихъ повезъ не на прогулку, а на муку. Но Филаретъ Павловичъ не смущался и только посмѣивался, внушая, между прочимъ, кучеру ѣхать осторожнѣе.

— Да куда же мы въ самомъ дѣлѣ будемъ нырять изъ ухаба въ ухабъ?

— Ничего!—утѣшалъ Филаретъ Павловичъ, —что за важность, за то прогулка самая загородная. Вонъ ужъ и Красныя-Горки видать. Хорошее имѣньице это, Марья Ильинишна,—сказалъ онъ, обращаясь къ женѣ,— хорошее! И землицы у помѣщика достаточно, и лѣску; есть, слава Богу, всего въ избыткѣ. Только хозяйство, кажется, не въ большомъ порядкѣ у г. Пояркова.

— Какой тамъ порядокъ!—ворчливо отвѣтила жена, —проживается, пока еще есть, что проживать.

— Ну, этого сказать нельзя,—возразилъ Филаретъ Павловичъ,—г. Поярковъ человѣкъ богатый и притомъ дядюшка его въ значительной силѣ капиталами...

— Ты больше знаешь, — нехотя отвѣтила жена и замолчала.

Они въѣхали въ деревню. Филаретъ Павловичъ велѣлъ кучеру повернуть влѣво на горку, гдѣ стоялъ господскій домъ и ѣхать шагомъ. Онъ съ большимъ вниманіемъ всматривался въ домъ Пояркова, оглянулъ крышу, дворъ, ворота, стекла въ окнахъ и галлереяхъ, соединявшихъ флигеля съ домомъ и, обратясь къ женѣ, замѣтилъ:

— Большое помѣщеніе! Садъ за домомъ-то хорошій. Превосходно хорошъ. Ну, только все въ запущеніи. Сами господа живутъ рѣдко, больше по заграницамъ и въ столицахъ—мало интересуются имѣніемъ.

— Прислугѣ у нихъ, говорятъ, ноньче трудно стало, — сказалъ кучеръ, обернувшись къ Филарету Павловичу въ полъ-оборота.

— Что такъ?

— Да изъ-за того, сказываютъ, дѣлами позапутались и баринъ сталъ лютъ, никому житья нѣтъ.

— Такъ зря врутъ.

— Вѣрно-съ, Филаретъ Павловичъ; потому сами извольте разсудить, прежде, бывало, народу на кухнѣ-ли, на конюшнѣ-ли десятки, а теперь, ежели сосчитать, четыре души всего.

— Пустое! Поѣзжай рысью.

Жена Филарета Павловича въ это время крестилась на церковь, мимо которой они проѣзжали; Филаретъ Павловичъ тоже перекрестился, причемъ и дочери осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ, но замѣтно не столько изъ религіознаго чувства, сколько изъ уваженія къ родителямъ.

— Храмъ ничего,—замѣтилъ Филаретъ Павловичъ, —только попъ здѣсь плохъ... Худой попъ, не хорошій...

— Куда же мы ѣдемъ еще?—опять въ недоумѣніи спрашивали дочери и жена, когда сани выѣхали за деревню.

— Ничего, ничего, до обѣда-то еще далеко...— утѣшалъ Филаретъ Павловичъ,—поверни-ка вотъ сюда на проселокъ, — обратился онъ къ кучеру, и сани, круто повернувъ съ большой дороги, потащились по проселку.

— Ежели, Филаретъ Павловичъ, ѣхать такъ рысью, тяжело же конямъ будетъ,—заявилъ кучеръ.

— Ничего, кони сытые. Вотъ еще тутъ недалеко... Дѣло не къ спѣху, поѣзжай шагомъ.

Они подъѣхали къ мельницѣ и остановились. Филаретъ Павловичъ вылѣзъ изъ саней, обошелъ мельницу со всѣхъ сторонъ, оглядѣлъ дорогу, крутымъ наклономъ спускавшуюся внизъ къ плотинѣ, и вернувшись къ санямъ, хмуро сказалъ кучеру:

— Поѣзжай дальше!

Жена и дочери, замѣтивъ, что Филаретъ Павловичъ нахмурился, не рѣшились его спросить, куда же еще дальше онъ хочетъ ихъ везти. Но онъ самъ, видя, что его спутницы впадаютъ уже въ уныніе, смѣясь, утѣшилъ ихъ:

— Сейчасъ, сейчасъ! Сію минуту назадъ повернемъ, вотъ только здѣсь полюбопытствуемъ. Вотъ около избушечки. Видите, вонъ тамъ вдали чернѣется.

Они поѣхали по опушкѣ лѣса. Дорожка была узенькая, только для проѣзда деревенскихъ санишекъ въ

одну лошадь, и уставшая пара лошадей Хохлакова съ усиліемъ тянула по снѣгу четырехъ-мѣстныя сани. Впереди дѣйствительно виднѣлась примкнувшая къ опушкѣ лѣса маленькая, занесенная снѣгомъ избушка, около которой мужикъ что-то работалъ топоромъ. Увидѣвъ подъѣхавшіе сани, онъ ткнулъ топоръ за опояску и поспѣшно сдернулъ шапку, кланяясь Филарету Павловичу.

— Здравствуй, здравствуй, — милостиво отвѣтилъ Филаретъ Павловичъ, едва дотрогиваясь рукою до своей бобровой шапки,—ну, что, какъ?

— Ничего.!. все слава-Богу.

— Не зябнешь?—улыбнулся Филаретъ Павловичъ.

— Нѣтъ, ничего, тепло.

— Обходишь лѣсъ-то часто?

— Ничего, обхожу... Оно и тово, по просѣкамъ-то, далеко видно.

— Порубокъ не было?

— Нѣтъ, не было. Какъ теперь просѣки съ осени сдѣлали, такъ и ничего...

— Опасаются?

— Должно такъ.

— Такъ, значитъ, все благополучно?

— Ничего. Все, какъ есть...

— Ну, и слава-Богу!

Однако-же, Филаретъ Павловичъ этимъ отвѣтомъ не удовольствовался и почему-то съ большимъ вниманіемъ всматривался въ лѣсъ, около опушки котораго теперь стояли его сани, и потомъ, выйдя изъ саней и приказавъ кучеру заворачивать назадъ, онъ прошелъ по снѣгу къ избушкѣ, заглянулъ въ нее и потомъ опять оглядѣлъ лѣсъ, насколько могъ оглядѣть его, раскинувшагося на значительное пространство.

— Такъ ты говоришь, ходитъ къ тебѣ хозяйка-то? смѣясь, спросилъ онъ мужика, идя обратно къ санямъ

— Ничего, ходитъ...

— Ну, хорошо, если ходитъ. Придетъ—пошли ко мнѣ.

— Я и то хотѣлъ, Филаретъ Павловичъ, — робко заговорилъ мужикъ, снимая шапку, — деньжонки-то, признаться... Онамедни хозяйка ходила, говоритъ, къ Степану Павловичу, просила, такъ не далъ, до васъ оставилъ

— Ладно, ладно, пусть зайдетъ... Да сегодня у насъ что—авторникъ?

— Да, будто такъ.

— Ну, вотъ и ладно. Пусть денька черезъ два зайдетъ...

Онъ усѣлся въ сани, немного покрякивая отъ своей тучности и приближающейся старости. Крестьянинъ запахнулъ полость саней, застегнулъ ее на петлю, и сани тронулись въ обратный путь.

— Это, папенька, что-же? Мужикъ-то зачѣмъ-же тутъ живетъ?—въ недоумѣніи спросила одна изъ дочерей.

— Спасается!—улыбаясь, отвѣтилъ Филаретъ Павловичъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, папенька?

— Глупыя!—возразила мать,—видите, это лѣсной сторожъ...

— Такъ зачѣмъ же мы къ нему ѣздили, а?

— Въ гости, въ гости...—пояснилъ Филаретъ Павловичъ,—хорошій онъ мужикъ, смирный и не любитъ много говорить, не такъ, какъ вы...

— Закрывайте щеки-то муфтами, закрывайте. Ишь, какъ зарумянились!—заботливо посовѣтовала мать, оглядывая лица дочерей.

Когда они снова проѣзжали чрезъ деревню, Филаретъ Павловичъ опять велѣлъ кучеру повернуть по той улицѣ, которая пролегала мимо поярковскаго дома, и сталъ всматриваться въ усадебныя постройки. Потомъ, когда наконецъ, господскій домъ остался позади, и они, спустившись подъ горку, выѣхали на большую дорогу, Филаретъ Павловичъ со вздохомъ сказалъ женѣ:

— Признаться, есть дѣйствительно теперь у господина Пояркова маленькія непріятности.

— Самъ, чай, виноватъ, Филаретъ Павловичъ,— отвѣтила жена,—широко больно живутъ.

— Не безъ того! Главная причина, времена ноньче тугія, уклончиво отвѣтилъ онъ. Ну-съ, дочки, что пріумолкли?—обратился онъ, смѣясь, къ дочерямъ,—вотъ и свозилъ васъ къ старцу въ келью, а? Хорошо живетъ онъ, ладно! Это мы съ братцемъ келейку-то ему наладили.

— Зачѣмъ же, папенька? — оживляясь, спросили дочери.

— А чтобы вамъ показывать, какъ старцы въ лѣсахъ живутъ...

— Хи-хи...

— А хорошъ поярковскій лѣсъ!—похвалилъ Филаретъ Павловичъ, обращаясь опять къ женѣ, задремавшей уже подъ однообразное движеніе саней.—Хорошъ лѣсъ, дорогого стоитъ. Рѣка сплавная тутъ и есть: вырубай да сплавляй безъ хлопотъ. Вообще богатое имѣніе. Дѣйствительно, оно Петру Ѳедоровичу не по характеру. Ну, что дѣлать! И намъ-то съ нимъ, признаться, тоже не безъ хлопотъ: есть кое-какіе разсчетишки, теперь вотъ и бережемъ лѣсъ-то, чтобы онъ какъ-нибудь по ошибкѣ его не вырубилъ. Ежели хозяйственнымъ порядкомъ дѣла вести,—прибавилъ онъ, помолчавъ,—такъ безъ присмотру по нонѣшнему времени невозможно. Сказано: свой глазъ — алмазъ; чужой—стекло. Такъ-то, дочки. Вотъ мы съ вами и прокатились. Вотъ и наша отчизна милая видна. Видите, вонъ наша приходская церковь изъ-за березокъ выглядываетъ.

Сани въѣхали въ Малорѣченскъ. Встрѣчавшіеся жители города кланялись Филарету Павловичу и его семьѣ. Онъ отвѣчалъ имъ поклонами и улыбался и кивалъ головой на жену и дѣтей, говоря этими кивкам и улыбками, что вотъ-молъ семью балую—возилъ ка таться.

Часа два спустя, онъ послалъ къ Пояркову увѣ домленіе, что если ему угодно, то въ этотъ же ден

вечеромъ можно «окончательно» переговорить о дѣлахъ.

XIV.

И безъ такого увѣдомленія Петръ Ѳедоровичъ поѣхалъ бы къ Филарету Павловичу въ этотъ вечеръ, потому что оставаться долѣе въ неопредѣленномъ положеніи ему было просто нестерпимо. Обрадованный извѣстіемъ о его пріѣздѣ и намѣревавшійся немедленно съ нимъ увидаться, чтобы разрѣшить скорѣе всѣ сомнѣнія, онъ вдругъ опять завялъ, услышавъ, что Хохлаковъ проситъ денька три пообождать — и всѣ эти три дня находился въ уныніи. «Въ самомъ дѣлѣ, чортъ знаетъ, что можетъ произойти,—мрачно раздумывалъ онъ о своемъ положеніи,—не рѣшалась же эта сытая скотина на такія дерзости прежде, когда не было совершено закладныхъ актовъ и когда мои займы у него обезпечивались только росписками. Съ чего-же теперь такая важность?.. А можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ еще не совсѣмъ оправился послѣ болѣзни и дороги и хочетъ отдохнуть? Но почему-же, въ такомъ случаѣ этотъ длинноногій цыганъ, Степанъ, неопредѣленно и какъ-то даже двусмысленно говоритъ со мной, и на мои настойчивые вопросы отвѣчалъ какими-то странными и загадочными улыбками? Что это все значитъ?..» Такъ досадуя и томясь подозрѣніями, Петръ Ѳедоровичъ всѣ три дня былъ разстроенъ, избѣгалъ разговоровъ съ матерью, и хотя покушался на примиреніе съ женой, но безуспѣшно. Глафира Александровна оставалась все время у себя въ комнатѣ подъ предлогомъ болѣзни и къ столу не выходила. Примиреніе это, между тѣмъ, было, по его соображеніямъ, необходимо для того, чтобы въ самомъ дѣлѣ Глафира Александровна не отправила въ досадѣ и гнѣвѣ письма къ дядюшкѣ Павлу Степановичу. «Женщины, — думалъ онъ,—отъ нихъ всякая глупость возможна, и въ отвращеніе возможной по его мнѣнію глупости, каждый день предупреждалъ Савелія, что если барыня будетъ

отправлять нарочнаго въ городъ, доложить ему объ этомъ, и онъ самъ поѣдетъ. Однако же, Глафира Александровна какъ ни грозила письмомъ къ дядѣ, но почему-то все-таки колебалась его послать.

Петръ Ѳедоровичъ потерялъ наконецъ терпѣніе, ждать письма отъ Хохлакова, и рѣшился къ нему ѣхать въ ту минуту, когда хохлаковскій приказчикъ привезъ письмо отъ Филарета Павловича. Савелій, какъ всегда молчаливый и почтительный, тихо вошелъ съ этимъ письмомъ въ кабинетъ и, не безъ нѣкотораго унынія, подалъ его Петру Ѳедоровичу.

— А-га! наконецъ-то! — оживленно воскликнулъ Петръ Ѳедоровичъ, быстро вскакивая съ кушетки, на которой до сихъ поръ лежалъ, томимый тяжелыми думами.

Онъ моментально разорвалъ конвертъ, швырнулъ его въ сторону и жадно впился глазами въ письмо. Савелій, не спѣша, наклонился, подобралъ съ полу конвертъ и не успѣлъ еще взглянуть на барина, какъ уже догадался, что онъ повеселѣлъ.

— Хорошо! скажи, буду!—бойко сказалъ Петръ Ѳедоровичъ и, поворачиваясь, прибавилъ: слышишь, скорѣе лошадь!

Спустя полчаса, часъ, онъ, оживленный и почти веселый, подъѣзжалъ къ дому Филарета Павловича.

— Дома?

— У себя,—шопотомъ отвѣтила отворившая ему дверь дѣвушка.

— Доложите: Поярковъ.

Онъ бойко прошелъ въ залу, оглянулъ себя въ зеркало, оправилъ галстукъ и подернулъ какъ-то особенно плечами, въ родѣ того, какъ подергиваютъ ими молодые генералы, рисуясь передъ барынями густыми эполетами. Онъ былъ въ черномъ сюртукѣ, въ цв ныхъ перчаткахъ и отъ него пахло немножко духам

— Чортъ возьми, еще заставляетъ себя ждать, возроптал онъ, окидывая надменнымъ взглядомъ п стынную комнату, въ которой, кромѣ образа съ гор

щей лампадой и ломберныхъ столовъ съ длинными рядами стульевъ, ничего не было.

— Пожалуйте,—пѣвуче проговорила дѣвушка, неслышными шагами вошедшая въ залъ.

— Гм... гм...—пріободрился Петръ Ѳедоровичъ и съ сознаніемъ собственнаго достоинства прошелъ въ кабинетъ хозяина. Но и здѣсь пришлось ему нѣкоторое время оставаться одному, такъ какъ Филаретъ Павловичъ былъ гдѣ-то въ другихъ комнатахъ.

— Извините, немного позамѣшкался... Пожалуйте, Петръ Ѳедоровичъ, милости прошу,—пригласилъ онъ, входя въ кабинетъ.

Петръ Ѳедоровичъ былъ полонъ оживленія и нѣкоторой даже надменности.

— Скажите пожалуйста, что это такое выдумываетъ вашъ братъ,—началъ онъ, не обращая вниманія на приглашеніе садиться:—развѣ возможно такъ, помилуйте! Я съ вами сколько лѣтъ имѣю дѣло и вдругъ такія выходки. Неужели вы не порицаете его за это?

Филаретъ Павловичъ повторилъ:

— Садитесь, пожалуйста, покорнѣйше прошу... Эй! дѣвушка! — позвалъ онъ, — подайте сюда свѣчей: что-то ужъ сумеречно больно.

— Нѣтъ, позвольте, я оскорбленъ дѣйствіями вашего брата, — продолжалъ Петръ Ѳедоровичъ: — онъ мнѣ надѣлалъ кучу непріятностей и вы пожалуйста мнѣ рѣшительно отвѣчайте на мой вопросъ, иначе я не сяду.

— Какъ вамъ будетъ угодно!

— То-есть какъ это, что такое? Я собственно васъ спрашиваю,—началъ Петръ Ѳедоровичъ, теряясь и значительно понизивъ тонъ, — я собственно хочу знать, чѣмъ же, наконецъ, вызванъ такой образъ дѣйствій!

Филаретъ Павловичъ помолчалъ, вопросительно оглянулъ гостя и спокойно отвѣтилъ:

— Нельзя такъ, уважаемый Петръ Ѳедоровичъ, закручивать, чтобы то-есть ребромъ. Вездѣ и во всемъ,

напримѣръ, нужна обдуманность, а не то, чтобы какъ зря.

Его невозмутимое спокойствіе дѣйствительно охладило возбужденное состояніе Петра Өедоровича, и онъ еще понизилъ тонъ, хотя и продолжалъ высказывать жалобы на Степана Павловича.

— Согласитесь сами,—говорилъ онъ, пожимая плечами:—не могъ-же я ожидать отъ вашего брата такихъ выходокъ. Я не допускаю той мысли, чтобы онъ не зналъ, какія между нами существуютъ отношенія.

— Это точно-съ, Петръ Өедоровичъ, — отвѣчалъ Филаретъ Павловичъ,—оно дѣйствительно нельзя такъ, чтобы вполнѣ одобрить братца...

— То-есть какъ одобрить, помилуйте! Развѣ возможно говорить объ одобреніи, когда онъ надѣлалъ мнѣ столько непріятностей! — обиженно возразилъ Петръ Өедоровичъ.

— Оно конечно... да дѣло, признаться, такого сорту, что невозможно даже и судить,—продолжалъ Филаретъ Павловичъ. — Садитесь-ка вотъ лучше сюда, здѣсь удобнѣе,—предложилъ онъ.

Петръ Өедоровичъ сѣлъ. Самъ Филаретъ Павловичъ, поглаживая бороду, тоже опустился въ кресло и круто перемѣнилъ разговоръ.

— Расхворался-было окончательно, да вотъ, слава Богу, теперь какъ будто и полегчало. А ваше здоровье каково, Петръ Өедоровичъ? Кажется, изволили быть на теплыхъ водахъ? Помогли ли вашему здоровью?

— Ничего, я здоровъ, — коротко отвѣтилъ Петръ Өедоровичъ.

— Супруга ваша? Дѣточки? Старушка матушка?

— Здоровы всѣ, благодарю васъ.

Филаретъ Павловичъ какъ будто не замѣчалъ сухости отвѣтовъ Петра Өедоровича. Онъ продолжал съ пріятной улыбкой разговоръ о здоровьѣ и медленнымъ наклоненіемъ головы отвѣчалъ на каждый короткій и почти сердитый отвѣтъ Петра Өедоровича.

— Да-съ, да-съ, ветхая старушка ваша матушка,—

вздохнувъ, сказалъ онъ,—но все-таки онъ еще до сей поры въ значительныхъ силахъ, и дай имъ Господи здоровья—прекрасная душа.

Петръ Ѳедоровичъ на это ничего не отвѣтилъ. Онъ чувствовалъ, что съ каждымъ словомъ Филарета Павловича имъ все болѣе и болѣе овладѣваетъ мрачное настроеніе.

— Эй, кто тамъ! Дѣвушка! — крикнулъ Филаретъ Павловичъ, повернувшись лицомъ къ дверямъ; и когда въ дверяхъ показалась прислуга, онъ тихо и съ оттѣнкомъ грусти въ голосѣ добавилъ:

— Давайте чаю.

Подали чай.

— Да-съ, да-съ, Петръ Ѳедоровичъ, и я похворалъ,—продолжалъ онъ,—похворалъ! И какая, знаете, со мной оказія приключилась. Вѣдь это, я вамъ доложу-съ, сущая бѣда. Невралгія-съ, изволите видѣть, завелась въ ногѣ и вотъ въ самомъ этомъ мѣстѣ.

Онъ распахнулъ свой бѣличій халатъ, въ которомъ остался при гостѣ, по случаю будто бы нездоровья, и вытянувъ правую ногу, нагнулся, указывая пальцемъ на пятку.

— Пошла эта невралгія вотъ съ самаго этого мѣста и пошла, сударь ты мой, пошла, пошла и начала, знаете, подниматься все выше да выше, да-а-съ!.. Въ нутро, сударь, забралась и зачала меня коробить,—да вѣдь какъ! То-есть, я вамъ доложу-съ, моченьки моей нѣтъ! Пролежалъ вѣдь почти безъ малаго три мѣсяца. Одинъ докторъ все говорилъ, что это ревматизма, а другой, знаете, нашелъ невралгію. Признаться, она меня доѣхала, проклятая, окончательно.

Петръ Ѳедоровичъ уныло хмурился, измученный похожденіями невралгіи, но находилъ неловкимъ прерывать рѣчь хозяина, тѣмъ болѣе потому, что отъ него ждалъ теперь отсрочки долга. Филаретъ Павловичъ чуть ли даже не намѣренно тянулъ слово за словомъ, разсказывая о своей болѣзни, о городахъ, въ которыхъ пришлось ему побывать, о кіевской лаврѣ,

о мощахъ, о монахахъ и т. под. Не разъ Петръ Ѳедоровичъ смотрѣлъ на карманные часы, напоминая о позднемъ времени и дальней дорогѣ въ усадьбу.

— Ничего-съ,—успокоивалъ Филаретъ Павловичъ, —дорога хорошая, докатите живо.

Зналъ Петръ Ѳедоровичъ, что дорога ухабъ на ухабѣ, но смолчалъ, чтобы не растягивать праздной болтовни.

— Я хотѣлъ бы, — замѣтилъ онъ, поймавъ удобную минуту,—я хотѣлъ бы, если можно, сегодня же рѣшить наше запутавшееся дѣло.

— Да, можетъ быть, вамъ и въ самомъ дѣлѣ некогда,—заботливо спросилъ Филаретъ Павловичъ, приподнимаясь и идя къ стѣннымъ часамъ.

— Нѣтъ, ничего, я только такъ... вообще...

— Дѣйствительно поздненько, — продолжалъ онъ, не слушая гостя, и стоя у часовъ со свѣчей въ рукѣ, долго почему-то всматривался въ циферблатъ.

— Знаете что, — вдругъ обратился онъ къ Петру Ѳедоровичу,—можно, если угодно, отложить до завтра

— Нѣтъ, зачѣмъ-же!—стѣсняясь отвѣтилъ Петръ Ѳедоровичъ,—собственно говоря, еще не очень поздно.

— Да-съ, да-съ! Въ столицахъ можно сказать въ этотъ часъ только къ обѣденному столу готовятся.

— Положимъ, тамъ обѣдаютъ пораньше часа на три...

— А случается можетъ и запаздываютъ до девяти-то, хе-хе!—смѣясь, оправдался Филаретъ Павловичъ.

Идя отъ стѣнныхъ часовъ, онъ долгимъ, пытливымъ взглядомъ окинулъ Петра Ѳедоровича.

— Случается, я полагаю,—продолжалъ онъ съ улыбкой,—что нѣкоторые не только запаздываютъ, но даже и не обѣдаютъ. Тамъ въ столицахъ, полагаю, случается многое, о чемъ мы здѣсь въ тихомъ и безмолвно житіи вовсе не вѣдаемъ.

Его пытливый взглядъ снова сосредоточился уныломъ лицѣ Петра Ѳедоровича, и ясно было, ч весь разговоръ ведется имъ вовсе не для обмѣна мь

лей, а только для того, чтобы изучать гостя и измѣрять степень его душевнаго разстройства. Собственно для этого измѣренія онъ помянулъ и о томъ, что разговоръ о дѣлѣ можно отложить до утра. Теперь, послѣ того, какъ гость повторилъ просьбу не откладывать дѣла до утра, онъ, какъ видно, понялъ, что наступило настоящее время для дѣлового разговора.

— Н-да-съ, Петръ Θедоровичъ, это вы дѣйствительно справедливо замѣтили, что дѣло рѣшить надо,—сказалъ онъ, садясь опять къ письменному столу, около котораго сидѣлъ и Петръ Θедоровичъ.—Мудреное только наше дѣло,—продолжалъ онъ, вздохнувъ,—нельзя о немъ какъ-нибудь наскоро; я, признаться вамъ, Петръ Θедоровичъ, теперича и самъ сильно позапутался въ дѣлишкахъ и ужъ не знаю, какъ теперь и распутываться. Времена ныньче такія, куда ни сунься—вездѣ одни безпорядки. Только пріѣхалъ, а ужъ жалобъ не оберешься. Давеча, вотъ передъ вашимъ пріѣздомъ лѣсникъ приходилъ, жалуется, мужичонки, говоритъ, то-и-дѣло норовятъ порубку въ лѣсу сдѣлать.

— Какіе это, какой деревни?—удивленно спросилъ Петръ Θедоровичъ.

— Да разные... На красногорскихъ ссылается и на другихъ... Ночью, говоритъ, больше, не умѣтишь, а поймать не удастся, увертываются...

— Не слыхалъ,—уныло отвѣтилъ Петръ Θедоровичъ, чувствуя, что не къ добру заводитъ хозяинъ такой разговоръ.

— Да-съ, Петръ Θедоревичъ, вотъ и подумаешь, не напрасно ли, молъ, въ это дѣло втерся. Теперь вотъ съ лѣсникомъ хлопоты, проситъ прибавки, а вѣдь по справедливости-то ежели судить, вѣдь этотъ расходъ по обереганію лѣса вамъ слѣдовало бы на себя взять...

— Что-жъ, я пожалуй... Тутъ разсчетъ небольшой.

— Да оно точно что небольшой, да окромя того непріятности-съ... Теперь, признаться, не до отсро-

чекъ — самимъ деньги нужны, и я очень огорчился, когда узналъ, что братъ Степанъ не взялъ отъ васъ двухъ тысячъ, которыя вы предлагали. Такъ что теперича, Петръ Ѳедоровичъ, пожалуй что еще и не поздно ошибку брата поправить.

— Позвольте, какъ-же это, я не понимаю? — тревожно спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— То-есть, я насчетъ двухъ тысячъ... Ежели бы вы, значитъ, могли ихъ уплатить.

— Какъ уплатить? Развѣ вы не помните нашего условія?

— Извините, что-то изъ головы вонъ...

— Какъ, извините?—волнуясь, спрашивалъ Петръ Ѳедоровичъ, — позвольте! Вы-же мнѣ сами обѣщались не отказывать въ кредитѣ до тѣхъ поръ, пока я не получу наслѣдства.

— Ахъ, да, вы объ этомъ... Да, дѣйствительно разговоръ между нами такого роду бывалъ. Я, признаться, съ дѣлами-то и позабылъ. Это точно, теперь припоминаю. Ну, что-жъ, я не отказываюсь отъ своего слова, потому ежели слово дано, надобно его соблюсти. Только, Петръ Ѳедоровичъ, возьмите во вниманіе, вѣдь вы сами предлагали брату двѣ тысячи въ уплату процентовъ, такъ отчего же вы мнѣ отказываете?

— Я собственно... былъ вынужденъ... Онъ такъ стѣснилъ меня, — смущенно отвѣтилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Можетъ быть, васъ не стѣснитъ теперь эта уплата двухъ тысячъ въ погашеніе?—продолжалъ Филаретъ Павловичъ, не обращая вниманія на смущеніе Пояркова.

— Теперь я не могу.

— А у меня, повѣрите-ли, видитъ Богъ, такое г рячее время, что деньги очень бы кстати.

Поярковъ, наконецъ, не выдержалъ и въ волнені поднялся со стула.

— Послушайте, я рѣшительно не понимаю, къ чем

вы все это говорите,—горячо зашепталъ онъ,—мнѣ отъ васъ нужны деньги, а не вамъ отъ меня.

— Какъ это такъ, Петръ Ѳедоровичъ?—изумленно спросилъ Хохлаковъ,—нешто я вамъ долженъ?

— Вы же обѣщались кредитовать меня.

— Да-съ, да-съ, это правда. Отчего же. Ну, только теперича мнѣ немного стѣснительно. У меня, признаться, свободныхъ теперь пожалуй почти и нѣту, всѣ деньги въ дѣлѣ и плывутъ между пальцами какъ вода.

— Если вы не можете дать теперь, то черезъ недѣлю, черезъ двѣ наконецъ. Мнѣ всего тысячи три... А по закладнымъ само собою припишите проценты.

— Стѣснительно мнѣ это все...

— Но у меня нѣтъ въ настоящее время денегъ и крайне нужно,—прошепталъ съ досадой Петръ Ѳедоровичъ.

— Гм... Такъ у васъ нѣту,—задумчиво протянулъ Хохлаковъ, поглаживая бороду и поникнувъ головой, какъ-будто опечаленный такимъ извѣстіемъ.—Непріятная статья выходитъ, — продолжалъ онъ, и потомъ помолчавъ, вдругъ рѣшительно заявилъ: — въ такомъ разѣ, Петръ Ѳедоровичъ, намъ съ вами не поладить.

— Какъ не поладить? что вы, отчего?

— Не поладить, Петръ Ѳедоровичъ, намъ потому, что разсчету нѣтъ. Понимаете-съ, ни вамъ, ни мнѣ разсчету нѣтъ—вотъ что-съ! Ежели я теперича соглашусь приписать проценты, то сильно стѣсню себя въ своихъ дѣлахъ; мнѣ очень самому деньги нужны. Значитъ, я долженъ взять съ васъ много, чтобы не было мнѣ самому въ убытокъ, а вамъ это не составитъ разсчета, да и мнѣ, признаться, совѣстно, точно я въ самомъ дѣлѣ васъ хочу тѣснить.

— Но мнѣ крайность... Понимаете,—прошепталъ Петръ Ѳедоровичъ, пожимая плечами.

— Да, трудненько вамъ, трудненько, что дѣлать,—все отъ Бога. Терпѣть надо.

— Но позвольте,—перебилъ Петръ Ѳедоровичъ,—вы какъ-нибудь устройте. Я же нисколько не претен-

дую противъ суммы процентовъ. Берите, сколько нужно по вашимъ соображеніямъ, и конецъ дѣлу.

При этихъ словахъ Филаретъ Павловичъ приподнялся отъ письменнаго стола и сѣлъ рядомъ въ Петромъ Ѳедоровичемъ, видимо сознавъ, что онъ уже теперь въ достаточной степени подготовленъ къ настоящему разговору.

— Вы извольте, Петръ Ѳедоровичъ, сообразить теперь то, что я, напримѣръ, въ вашихъ глазахъ, развѣ я злой человѣкъ какой. Я не хочу, чтобы вы обо мнѣ такъ думали. А выходитъ по дѣлу-то такъ, что ежели вамъ дать, то я самъ по своимъ дѣламъ потеряю много... И значитъ нужно и мои дѣла принять въ соображеніе, вотъ что!

— Но что для васъ значатъ какія-нибудь три тысячи—пустяки! У васъ, я думаю, въ пятьдесятъ разъ больше есть...

— Объ этомъ вамъ трудно судить,—задумчиво отвѣтилъ Филаретъ Павловичъ.—Про насъ купцовъ, знаете, справедливо говорятъ, что смерть открываетъ наши животы. Разумѣется, какъ деньгамъ не быть, на то торговля. Только вѣдь, помните, и дыръ много: вездѣ требуются деньги. Признаться, я о вашемъ дѣлѣ много соображалъ, и обидно мнѣ было на брата, что онъ такъ, можно сказать, очертя голову сталъ ломить. Этого тоже одобрить нельзя. Ну, и кромѣ того, я думалъ, что на мѣсто того, чтобы по мелочамъ брать, не лучше-ли вамъ сразу взять порядочныя деньги и жить на нихъ, пока отъ дядюшки наслѣдство получите. По-моему это не въ примѣръ удобнѣе.

— Я недостаточно ясно понимаю васъ,—смущенно проговорилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Извините,—продолжалъ Филаретъ Павловичъ,— я дѣйствительно очень медлительный человѣкъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и иной разъ именно по причинѣ этой медленности много теряю. Теперь вотъ, разговорившись съ вами, я начинаю по-маленьку раскидывать умомъ и соображать,—дѣйствительно, пожалуй можно

кое-какія торговыя операціи оставить и вступить съ вами въ соглашеніе. Повѣрьте, Петръ Ѳедоровичъ, вы должны во мнѣ видѣть во всякомъ разѣ не врага, а, можно сказать, истиннаго друга—вотъ что! Извольте сами судить, нельзя-же мнѣ назначать за отсрочку вашего долга большое вознагражденіе, когда я знаю, что у васъ денегъ въ настоящее время нѣтъ. Выходитъ, какъ будто вы въ моихъ рукахъ и я васъ хочу тѣснить, а замѣсто того, я совсѣмъ напротивъ. Я даже, какъ уже сказалъ вамъ, желаю, чтобы вы сразу поправили дѣла и не безпокоились насчетъ денегъ. Есть у меня, признаться, десять тысячъ, назначенныя на одну операцію,—очень выгодная операція, можно разсчитывать прямо на рубль два получить, вѣрныхъ... Пожалуй, я могу для васъ ее отложить и эти деньги предоставить вамъ

Петръ Ѳедоровичъ встрепенулся при этихъ словахъ; лицо вспыхнуло яркимъ румянцемъ, глаза оживились, и онъ весь въ одну минуту преобразился. Филаретъ Павловичъ уже окончательно убѣдился въ томъ, что теперь можно съ нимъ дѣлать все, что угодно.

— Позвольте, однако, — сказалъ онъ, торопливо принимаясь писать какую-то коротенькую записочку, и свернувъ ее, вышелъ изъ кабинета, сказавъ:—знаете, дѣлъ-то много, куча... Не оберешься хлопотъ... Хорошо, что вспомнилъ во-время...

— Я вамъ долгъ отсрочу, началъ онъ тотчасъ-же почти вернувшись къ гостю,—но отсрочку пока только на полгода, больше не могу. Потомъ, Богъ дастъ, можемъ опять закладныя переписать, разсчетъ въ этомъ небольшой. Главное, Петръ Ѳедоровичъ, не къ чему далеко забираться: не вѣкъ же вашъ дядюшка будетъ скупиться на наслѣдство.

XV.

Филаретъ Павловичъ вздохнулъ, погладилъ бороду, икнулъ потомъ горничную, чтобы поправила у образа

лампадку, которая погасла, и потомъ, по уходѣ горничной, сталъ, наконецъ, объяснять свои условія. Должно быть, эти условія были очень удивительны для Петра Ѳедоровича, когда онъ, такъ жаждавшій денегъ, вдругъ поколебался — не отказаться-ли ужъ лучше отъ добросердечной помощи Филарета Павловича, и сталъ его упрашивать о снисхожденіи.

— Разсчету нѣтъ,—холодно отвѣтилъ Хохлаковъ.

— Но вы предлагаете такое... неисполнимое. Подумайте, какую цѣнность будетъ имѣть усадьба, если я продамъ вамъ въ собственность луга и мельницу.

— Не все-ли вамъ равно—они-же у васъ въ долгосрочной арендѣ.

— Но это разница: аренда все-таки когда-нибудь кончится.

— Старая кончится, новая начнется.

Петръ Ѳедоровичъ порывисто поднялся съ кресла и зашагалъ по комнатѣ, схватываясь по временамъ за голову и не замѣчая, что Филаретъ Павловичъ искоса слѣдитъ за всѣми его движеніями.

Повидимому, Филаретъ Павловичъ былъ совершенно спокоенъ, сидѣлъ онъ нѣсколько сгорбившись, бороду поглаживалъ медленно, слова произносилъ одно за однимъ тихо и не торопясь, но по тѣмъ взглядамъ, которыми онъ украдкой измѣрялъ волненіе Петра Ѳедоровича, можно было судить, насколько онъ самъ взволнованъ и только скрываетъ это волненіе подъ личиной невозмутимаго спокойствія.

Петръ Ѳедоровичъ нѣсколько разъ останавливался предъ его кресломъ, сильно жестикулировалъ, доказывая страстнымъ шопотомъ свою невозможность согласиться на продажу луговъ и мельницы. Но Филаретъ Павловичъ точно утратилъ способность многорѣчиво и красно разговаривать и на всѣ длинныя возраженія Петра Ѳедоровича отдѣлывался односложными словами.

— Но вы поймите наконецъ, что мое положені просто безвыходное!—шепталъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Ваше дѣло.

— Поймите, я рѣшительно не въ состояніи принять такого предложенія...

— Какъ угодно.

— И неужели, неужели, Филаретъ Павловичъ, вы ни на какія другія условія не согласитесь?

— Не могу. Отсрочить долгъ, если угодно, отсрочу, только не иначе какъ за двойную цѣну, а денегъ дать ни на какихъ другихъ условіяхъ не могу.

Петръ Ѳедоровичъ задумался.

Онъ находился въ крайне неудобномъ положеніи— съ одной стороны томили его подозрѣнія, хотя и смутныя, но все-таки подозрѣнія насчетъ того, что продажей луговъ и мельницы онъ обезцѣниваетъ свою усадьбу; съ другой, что если не согласиться на предложеніе Хохлакова, то все равно онъ страшно увеличитъ свой долгъ по закладнымъ и притомъ денегъ не дастъ ни теперь, ни послѣ. «Потомъ пожалуй и отсрочивать не будетъ, доведетъ до аукціона... Дядюшка узнаетъ... Ахъ, онъ свинья! скотина! жадный»,—мелькало въ головѣ Петра Ѳедоровича и въ то же самое время рисовалась впереди пріятная перспектива имѣть отъ этого жаднаго человѣка десять тысячъ рублей и произвести ими удивительное впечатлѣніе въ Красныхъ-Горкахъ.

— Дайте по крайней мѣрѣ двѣнадцать! такъ и быть соглашусь,—рѣшительно сказалъ онъ, наконецъ.

У Филарета Павловича отъ этихъ словъ снова открылся даръ краснорѣчія и возвратилось къ нему благодушное расположеніе.

— Многовато, Петръ Ѳедоровичъ, ей-ей многовато,—началъ онъ, приложивъ руку къ сердцу.—Вотъ видитъ Богъ, разсчету нѣтъ! Согласитесь сами, сколько теперича лѣтъ мнѣ ждать окончанія арендного срока и на луга и на мельницу. Вамъ, напримѣръ, сейчасъже и денежки, а вѣдь мы еще должны подождать, да и довольно порядочное время.

— Но тѣмъ не менѣе вы очень тяжелыя условія назначаете...

— Да вамъ какая тяжесть отъ этого, Петръ Ѳедоровичъ, извольте сообразить,—ласково заговорилъ Филаретъ Павловичъ, запахивая халатъ и прикладывая руку къ сердцу. — Не сегодня — завтра получите наслѣдство; тогда для васъ нашъ братъ съ нашими мелкими разсчетишками все равно, что ничего... Ваше дѣло отъ нашего большое отличіе составляетъ. Вѣдь мы, Петръ Ѳедоровичъ, такъ сказать, горбомъ добываемъ, а вамъ ужъ такъ видно назначена особая милость Божія. Такъ и быть, ужъ извольте, сотеньку одну накину, но больше ни копѣйки. Если угодно, такъ я и за нотаріусомъ пошлю.

Петръ Ѳедоровичъ даже вздрогнулъ, испуганный тѣмъ, что Хохлаковъ сейчасъ же и покончить все хочетъ. Подъ вліяніемъ этого испуга онъ рѣзко замѣтилъ:

— Не поздно-ли?

— Какъ хотите! завтра, можетъ быть, другой разговоръ будетъ... Какъ хотите...

Въ голосѣ Хохлакова опять послышалось равнодушіе и холодность.

— Нѣтъ, зачѣмъ же откладывать, — поправился Петръ Ѳедоровичъ,—я только сомнѣваюсь, застанутъ-ли его дома.

— Застанутъ, чай. Онъ, надо полагать, дома. Пошлемъ узнать.

Филаретъ Павловичъ присѣлъ къ столу и написалъ другую записочку, которой, впрочемъ, и писать нечего было, потому-что первая записка была отправлена къ этому-же нотаріусу съ просьбой быть дома, такъ какъ можетъ случиться въ немъ надобность. Теперь Филаретъ Павловичъ приглашалъ нотаріуса немедленно же прибыть съ книгами. Онъ не находилъ нужнымъ съ нимъ церемониться и что-либо обѣщать за труды потому-что уже несчетное число разъ имѣлъ съ нимъ дѣла.

— Изволите видѣть, Петръ Ѳедоровичъ, уговоръ лучше денегъ, — сказалъ онъ, держа въ рукахъ записку, предназначавшуюся нотаріусу;—вы теперь по написаніи запродажной записи получите только пятьсотъ рублей, а остальныя въ губернскомъ, по совершеніи купчей, иначе, сами знаете, невозможно.

— Но когда же въ губернскомъ это кончится? Пожалуй придется ждать.

— О, это живой рукой. Если угодно завтра же можно и ѣхать. Самъ я, признаться, не могу, но у меня есть тамъ довѣренный человѣкъ—объ этомъ ужъ вы не безпокойтесь, и деньги я прикажу вамъ немедленно же выдать. Признаться, я бы и теперь далъ, да есть нѣкоторыя стѣсненія.

— Дайте по крайней мѣрѣ пять тысячъ!

Филаретъ Павловичъ почесалъ затылокъ, соображая: давать ли ему теперь денегъ, и рѣшилъ, что хорошо и дать дѣло было бы крѣпче, но хорошо и не дать, потому что съ деньгами его пожалуй не скоро найдешь и тогда жди, пока онъ ихъ всѣ спуститъ.

Видя его смущеніе, Петръ Ѳедоровичъ немного сдался.

— Ну, дайте теперь хотя три тысячи.

— Окончательно невозможно! Потерпите малость время и всю сумму разомъ получите сполна.

— Такъ слѣдовательно завтра можно будетъ и ѣхать?

— Полагаю, такъ.

Была еще минута колебанія въ душѣ Петра Ѳедоровича, однако, онъ ее переборолъ и рѣшительно сказалъ:

— Хорошо, я согласенъ.

— И чудесное дѣло!—одобрилъ Филаретъ Павлочъ, легонько тронувъ его за плечо, въ видѣ выраенія особаго дружескаго къ нему расположенія.

— Книги я велѣлъ сюда принести, — сказалъ онъ, правивъ записку,—это удобнѣе и знаете, чтобы не іло лишнихъ глазъ. Все тихо, скромно сдѣлаемъ.

— Но не очень ли это долго протянется, — спросилъ Петръ Ѳедоровичъ, задумчиво смотря на часы.

— Скоро наскоро, всего часъ мѣста возьметъ, не больше... Вотъ почитайте пока газетку.

Онъ подалъ ему какую-то маленькую сѣренькую газетку. Петръ Ѳедоровичъ взялъ ее, но читать не сталъ.

— Нѣтъ ли у васъ другой?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не держимъ, да и на эту, признаться, напрасно тратимся. Такъ баловство! Она въ самомъ дѣлѣ плоховата, мы и не смотримъ, признаться, въ нее, развѣ такъ иногда отъ скуки цѣны биржевыя глянешь, и то часто врутъ...

Пришелъ нотаріусъ, молчаливый, гладко причесанный, въ очкахъ. За нимъ слѣдомъ вошелъ тоненькій помощникъ съ длинными и толстыми книгами подъ мышкой. Нотаріусъ поздоровался съ хозяиномъ, взявъ его за руку, и, молча, поклонился Пояркову, едва кивнувшему головой на его привѣтствіе. Помощникъ нотаріуса, какъ видно, тоже бывавшій уже въ кабинетѣ Хохлакова, направился прямо къ одному изъ столовъ, разложилъ на немъ книги,—зажегъ свѣчи и сѣлъ, упершись въ столъ локтями, въ ожиданіи работы.

Когда нотаріусъ составилъ нужныя бумаги, занесъ ихъ въ книги, Петръ Ѳедоровичъ бойко расписался въ указанныхъ мѣстахъ и нетерпѣливо ждалъ той счастливой минуты, когда задаточные пятьсотъ рублей будутъ у него въ карманѣ. Получивъ ихъ, онъ немедленно же поѣхалъ къ себѣ въ усадьбу, покрикивая на кучера:

— Спишь, каналья, на козлахъ! Пошелъ, пошелъ.

Филаретъ Павловичъ, спустя нѣсколько времени послѣ отъѣзда Пояркова, сводилъ итоги его долга и соображалъ, въ какихъ комнатахъ Поярковскаго дома онъ помѣститъ одну изъ дочерей съ ея будущимъ мужемъ, который былъ уже для нея присмотрѣнъ, и въ какихъ будетъ помѣщаться самъ, когда изволитъ пріѣзжать къ нимъ на отдыхъ.

Онъ уже считалъ имѣніе Пояркова своимъ, и было у него на это много основаній. Во-первыхъ, долгъ Петра Ѳедоровича на усадьбу и лѣсную дачу теперь возросъ почти вдвое; во-вторыхъ, мельница и луга, отданные имъ въ аренду Спиридону Яковлеву, перешли теперь въ полную его, Хохлакова, собственность. Теперь онъ былъ увѣренъ, что не только на аукціонѣ никто не найдетъ выгоднымъ давать за усадьбу и лѣсную дачу сумму, равную долгу, но и наслѣдники, имѣющіе право выкупить имѣніе изъ залога, не найдутъ разсчета выкупать его безъ луговъ и безъ мельницы.

— Да и гдѣ имъ выкупать — сами на ладонъ дышатъ,—раздумывалъ Филаретъ Павловичъ,—вотъ развѣ дядюшка Петра Ѳедоровича захотѣлъ бы выкупить, да и то едва ли: чай, по нынѣшнему времени и ему тугонько приходится—жизнь-то ведетъ широкую, барскую... Пусть выкупаетъ — я въ убыткѣ не буду. Такъ-то вотъ, ропщемъ да жалуемся,—заключилъ онъ,— а Господь насъ все не забываетъ и устрояетъ наши дѣла лучше лучшаго.

— Пошелъ! пошелъ!—покрикивалъ Поярковъ, возвращаясь въ Красныя-Горки,—что уши-то развѣсилъ, съ горшками, что ли, ѣдешь?

— Больно ухабисто, Петръ Ѳедоровичъ,—какъ бы грѣхомъ не сковырнуться.

— Вздоръ! Смотри въ оба!

Было два часа ночи, когда онъ возвратился домой. Въ усадьбѣ всѣ уже спали и некому было видѣть, съ какой молодцоватостью сидѣлъ Петръ Ѳедоровичъ въ саняхъ, когда они въѣхали во дворъ его дома. Окинувъ быстрымъ взглядомъ окна столовой и окна второго этажа, гдѣ была комната Глафиры Александровны, онъ пожалѣлъ, что немного запоздалъ домой, что едва ли будетъ возможно сегодня же удивить семью неожиданной и пріятной новостью.

Бойко выпрыгнувъ изъ саней, онъ повелительно сказалъ кучеру:

— Приготовить возокъ. Завтра я ѣду.

— Слушаю-съ.

Савелій, заснувшій въ передней въ ожиданіи возвращенія барина, пугливо выскочилъ на крыльцо, заслышавъ его голосъ.

— Что, братъ, Савелій, вздремнулъ, а? — весело сказалъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Виноватъ, забылся немного,—смущенно отвѣтилъ Савелій, спѣша снять съ него шубу.

Петръ Ѳедоровичъ бравымъ соколомъ поднялся вверхъ по лѣстницѣ, такъ-что Савелій едва успѣвалъ идти слѣдомъ за нимъ. Однако же, замѣтивъ, что въ кабинетѣ темно, Петръ Ѳедоровичъ пропустилъ его впередъ, и пока Савелій зажигалъ тамъ огонь, онъ тихонько насвистывалъ какую-то арію.

— Закусить прикажете? — спросилъ Савелій.

— Хорошо, хорошо, давай, только поживѣе.

— Слушаю, сію минуту.

Савелій тоже оживился, видя барина въ такомъ хорошемъ состояніи духа, и понялъ, что дѣла, значитъ, поправились. Онъ скоро снарядилъ закуску и подалъ на подносѣ прямо въ кабинетъ сыръ, масло и бутылку вина.

— Чудесно! — похвалилъ Петръ Ѳедоровичъ,—гм... гм... иди, старикъ, спи! Мнѣ больше ничего не надо!

Онъ присѣлъ къ закускѣ, выпилъ вина, съѣлъ что-то, еще глотнулъ изъ стакана, потомъ закурилъ и сталъ легонько напѣвать изъ Фауста.

— Чудесно это у него выходитъ: «Я въ да-аль-ній пу-уть иду, друзья!» Гм... гм... Чортъ побери, досадно: всѣ спятъ!..

Изъ бутылки убыло уже больше половины и онъ зѣвнулъ раза два-три, сонно посматривая на часы. Къ тремъ часамъ онъ уже спалъ крѣпкимъ сномъ, спа-- и Савелій и вся усадебная прислуга. Судя по тако: позднему часу, можно бы предположить, что не толь въ усадьбѣ, но и во всѣхъ крестьянскихъ избахъ дав всѣ спали. но такое предположеніе не оправдывалос однако же, дѣйствительностію.

XVI.

Ночь эта была избрана Спиридономъ Яковлевымъ для осуществленія своего замысла «породниться съ господами». Съ утра онъ заботливо хлопоталъ, отправляя жену и приказчика куда-то дней на шесть, на семь, по торговымъ дѣламъ. Потомъ, отправивъ ихъ и нѣсколько оживившись отъ этого, какъ замѣтно было, пріятнаго для него обстоятельства, онъ оставался часъ-другой въ своей лавочкѣ, расхаживая около нея взадъ и впередъ неторопливыми шагами и постукивая нога объ ногу какъ-бы въ ожиданіи покупателей. Въ дѣйствительности онъ поджидалъ Анатолія, котораго успѣлъ уже приманить къ себѣ и обильными угощеніями и красивой дочерью. Какъ только Анатолій, не знавшій, куда дѣвать праздное время, появился на улицѣ, идя по дорогѣ къ его лавочкѣ, Спиридонъ Яковлевъ просіялъ и съ большимъ удовольствіемъ подергалъ свою рыжую бороденку. Потомъ съ приходомъ Анатолія сталъ жаться, ссылаясь на холодъ и заперъ лавочку, предложивъ ему зайти погрѣться. Такъ почти съ полудня и до вечера онъ угощалъ его виномъ, водкой и закусками, о которыхъ, какъ видно, заблаговременно позаботился. Не разъ онъ уходилъ изъ избы, оставляя гостя наединѣ съ своей молодой дочерью и внушая ей кланяться барину ниже. Дочь, послушная отцовскому приказу, волей-неволей оставалась наединѣ съ Анатоліемъ, жалась и стыдливо потупляла глаза отъ его любезностей, но только что онъ, воодушевленный ея присутствіемъ, подсаживался къ ней поближе и начиналъ заплетающимся языкомъ просить поцѣлуя — въ избѣ появлялся снова Спиридонъ Яковлевъ и наставительно заявлялъ: «нѣтъ, ужъ это, Анатолій Петровичъ, оставьте, этого не моги: потому дочь у меня—цѣнная вещь».

Подобныя угощенія и прежде сопровождались неожиданными появленіями Спиридона Яковлева въ избѣ въ то самое время, когда его вовсе не было нужно,

но въ этотъ вечеръ онъ появлялся чаще, дѣлая Анатолію отеческія внушенія на счетъ того, что «дочери не трожь». Въ сумерки онъ предложилъ гостю прокатиться, возилъ его куда-то достаточно уже пьянаго, и возвратившись съ нимъ вмѣстѣ къ себѣ въ избу, подбавилъ ему хмѣлю настолько, что могъ уложить его спать, какъ малаго ребенка, а самъ опять куда-то отправился хлопотать и устроивать дѣло.

Дочь его Маѳуша была всю эту ночь въ сильномъ волненіи, то принималась плакать и даже подвывать сидя гдѣ-то въ уголкѣ за печкой, но, впрочемъ, негромко, потому что боялась какъ бы не разбудить гостя, о чемъ ей отецъ, уѣзжая, строго-на строго наказалъ и внушительно при этомъ пригрозилъ кулакомъ. То вдругъ ея слезливое настроеніе исчезало, и она, вертя въ рукахъ маленькое въ жестяной оправѣ зеркальце, улыбалась и охорашивалась; — то опять впадала въ тоску и пряталась за печку, легонько подвывая. Анатолій между тѣмъ спалъ крѣпкимъ сномъ и храпѣлъ на всю избу. Не храпѣть, впрочемъ, было рѣшительно невозможно, потому что изба была натоплена жарко, кровать стояла около печки и притомъ еще украшалась ситцевой съ красными и желтыми разводами занавѣской, за которой царила такая жара и духота, что нужно было удивляться крѣпости человѣческаго организма, способнаго выносить такую пытку.

Пока Спиридонъ гдѣ-то разъѣзжалъ, попъ Захаръ, подобно Анатолію, спалъ крѣпкимъ сномъ, съ тою только разницею, что не храпѣлъ и не былъ пьянъ. Въ избѣ его не только никто не подвывалъ въ это время, но даже никого въ ней и не было. «Матушку» свою онъ отправилъ подъ благовиднымъ предлогомъ къ родственникамъ, жившимъ въ сосѣднемъ селѣ верстъ за двадцать-пять, и «для ея спокойствія» отпустилъ съ нею работника, единственнаго посторонняго человѣка въ его домѣ. Благодаря такой предусмотрительности, онъ остался одинъ, чего собственно и желалъ.

Проснулся отецъ Захаръ часовъ въ одиннадцать, самъ согрѣлъ самоваръ и сталъ себѣ спокойно, не торопясь, попивать чаекъ. Долго онъ сидѣлъ за самоваромъ, задумчиво раскалывалъ сахаръ на маленькіе кусочки, не торопясь наливалъ чай изъ чашки въ блюдце и медленно тянулъ его потомъ, изрѣдка взглядывая на стѣнные часы. Торопиться ему, какъ видно, было некуда и добрыхъ два часа онъ сидѣлъ за чаемъ, пока самоваръ уже совсѣмъ не остылъ. Вымывъ потомъ посуду и уставивъ самоваръ на его постоянное мѣсто на полочкѣ, около крашенаго шкафика съ посудой, стоявшаго въ комнатѣ «матушки», онъ съ видимой пріятностію сталъ что-то соображать, похаживая по кривымъ половицамъ избы, заложивъ руки за спину. Стѣнные часы однообразно постукивали маятникомъ; по временамъ въ нихъ что-то шипѣло, потомъ раздавались глухіе, точно откуда-то изъ подземелья, удары, и снова слышался однообразный стукъ маятника. Отецъ Захаръ взглядывалъ на движеніе стрѣлокъ, видимо не довѣряя числу подземныхъ ударовъ часовъ, и потиралъ свои грубыя морщинистыя руки.

Такъ прошло часа два времени. Хотя, повидимому, онъ былъ въ благодушномъ настроеніи, но все-таки его что-то безпокоило. То онъ поглаживалъ свои жиденькія космы волосъ, заправляя ихъ за уши, то опять начиналъ потирать руки, какъ будто въ предвкушеніи какихъ-то удовольствій. Въ общемъ, изъ всего этого получалось впечатлѣніе отталкивающее. Видно было, что на умѣ у о. Захара что-то недоброе.

Спустя нѣкоторое время, онъ одѣлся въ подрясникъ, надѣлъ сверхъ него рясу и досталъ съ кровати изъ-подъ подушки, какъ видно, временно туда положенныя двѣ большія книги, завернулъ ихъ въ фуляровый полинявшій платокъ и положилъ на столъ. Затѣмъ онъ сѣлъ около стола, сложилъ обѣ руки на завязанныя въ фуляръ книги и сталъ ждать наступленія пріятнаго времени, когда должны были осуществиться его какія-то завѣтныя мечты. Одинокая свѣча тускло мерцала

на столѣ и сгорбленная спина о. Захара темнымъ пятномъ отражалась на кривыхъ бревнахъ избы. Дверь въ сосѣднюю комнату на этотъ разъ была отворена и тамъ царила тьма, такъ какъ тусклый свѣтъ сальной свѣчи туда не достигалъ. Ряса о. Захара была широко распахнута, полы расползлись далеко по обѣ стороны и воротъ не застегнутъ. О внѣшнемъ своемъ благообразіи онъ не заботился, занятый всего болѣе движеніями часовыхъ стрѣлокъ.

Часы пробили три.

Въ четыре часа предполагалось обвѣнчать Анатолія Пояркова съ дочерью Спиридона Яковлева, Мареой. Пока о. Захаръ посиживалъ за столомъ, Спиридонъ все уже подготовилъ къ тому, чтобы «устроить дѣло чисто». Лицъ, необходимыхъ для присутствованія при совершеніи брачнаго обряда и засвидѣтельствованія объ этомъ въ церковныхъ книгахъ, онъ уже подготовилъ. Въ поискѣ ихъ для него не предстояло никакой трудности, потому что, опутывая крестьянъ ссудами, онъ могъ выбрать свидѣтелей изъ шести окружныхъ деревень кого угодно: всѣ были его должники, платили ему льномъ, коноплей, мукой, масломъ, и никакъ не могли освободиться отъ долга, превращавшагося изъ копѣекъ въ рубли.

Опасаясь на счетъ того, что церковь въ усадьбѣ Красныя-Горки была очень близко отъ помѣщичьяго дома, Спиридонъ Яковлевъ намекнулъ объ этомъ о. Захару, и они рѣшили обвѣнчать Пояркова въ ветхой кладбищенской церкви, въ которой, со времени постройки вмѣсто нея каменной церкви, служба почти не совершалась. Церковь эта по своему мѣстоположенію представляла для ихъ цѣли большія удобства. Во-первыхъ, она находилась въ концѣ деревни, окружен[illegible] была высокими ивами и въ нихъ почти скрывалас[illegible] Правда, въ послѣднее время ивы нѣсколько порѣдѣл[illegible] такъ какъ Спиридонъ Яковлевъ, взявшій въ долгосро[illegible]ную аренду въ сосѣдствѣ съ этою церковью мельниц[illegible] вырубилъ около нея весь лѣсъ, да кстати ужъ забрал[illegible]

и въ церковную ограду. Но все-таки еще достаточно деревьевъ было оставлено около церкви; конечно, не столько съ дальновидною цѣлію воспользоваться ихъ прикрытіемъ для сохраненія въ тайнѣ обряда вѣнчанія, сколько изъ предосторожности, чтобы не очень ясно было замѣтно воровство лѣса.

Въ то время, когда всѣ спали не только въ домѣ Петра Ѳедоровича Пояркова, но и въ большей части крестьянскихъ избъ селенія Красныя-Горки, между деревьями кладбищенской церкви толпилось нѣсколько мужиковъ, въ числѣ ихъ Спиридонъ Яковлевъ и съ нимъ его дочь.

Пара крестьянскихъ лошадей въ саняхъ стояли привязанными внутри церковной ограды и изъ глубины саней слышался легкій храпъ спящаго человѣка. Ночь была неморозная, но дулъ легкій вѣтерокъ и сдувалъ снѣжные хлопья съ вѣтвей ивъ въ сани, въ которыхъ спалъ Анатолій, опять въ достаточной степени напоенный спиртными напитками. Всѣ молча ждали кого-то и перешептывались. Около Спиридона Яковлева стояла дочь.

— Тятенька, что это ты задумалъ, а? Тятенька, лучше ты меня пусти,—робко прошептала она.

Въ отвѣтъ на этотъ шопотъ Спиридонъ Яковлевъ коротко шепнулъ ей: — дура! — и дернулъ за рукавъ цвѣтной шубейки, въ которую она была одѣта.

— Что-то попъ долго, — промолвилъ кто-то изъ кучки мужиковъ:—сказано ему—въ четыре часа.

— Сейчасъ, сейчасъ... Онъ будетъ сейчасъ. Дѣло налажено,—торопливо отвѣтилъ Спиридонъ Яковлевъ, тревожно всматриваясь въ темную даль.

— Тятенька, чего же это будетъ такое? — опять зашептала дочь.

Спиридонъ Яковлевъ дернулъ ее за рукавъ и, наклонившись къ ея лицу, что-то долго шепталъ ей подъ ухо. Окружающіе не могли разслышать его словъ, потому что онъ шепталъ что-то несвязно и торопливо, и только яснѣе другихъ выдѣлились слова: «барыня будешь»,

— Тятенька... да вѣдь я озябла,—отвѣтила на его продолжительный шопотъ дочь.

На такой убѣдительный доводъ онъ не нашелся что отвѣтить и только дернулъ опять дочь за шубейку, продолжая всматриваться въ даль. Анатолій спалъ, мужики переминались съ ноги на ногу, и лунный свѣтъ, прорываясь по временамъ между темно-сѣрыхъ облачныхъ массъ, падалъ на покрытыя снѣгомъ кладбищенскія деревья и освѣщалъ унылыя головы деревенскихъ лошаденекъ, сани, группы мужиковъ и фигуру дѣвушки, одѣтой въ нарядную шубейку.

— Нѣтъ, робята, что-то не ладно,—замѣтилъ, наконецъ, кто-то изъ сообразительныхъ,—гляди, мѣсяцъ-то ужъ эвона гдѣ, пора бы попу-то давно быть здѣся...

— Гм... гм... это пожалуй... Чего-то какъ быдто и не тово... Спиридонъ Яковлевъ, какъ ты смекаешь? а? Гдѣ запропалъ попъ-то?

А отецъ Захаръ въ это время посиживалъ себѣ за столомъ, поглаживалъ руки и посматривалъ на часы, поджидая кого-то. Часовая стрѣлка дошла уже почти до пяти часовъ, а о. Захаръ все сидѣлъ себѣ, да посиживалъ и къ чему-то прислушивался. Но вотъ послышался скрипъ калитки у воротъ, потомъ скорые шаги по снѣгу во дворѣ. О. Захаръ пріободрился, запахнулъ рясу и снялъ пальцами нагаръ со свѣчи. Дверь вдругъ съ шумомъ распахнулась и Спиридонъ Яковлевъ почти вбѣжалъ въ избу.

— Что же ты, о. Захарія, а?—задыхаясь заговорилъ онъ, — вѣдь ужъ давно ждемъ... Иди скорѣе... Ахъ ты какой, што-бъ тебя!

О. Захаръ, однако, не поднялся со скамьи, а напротивъ, показалъ рукой Спиридону Яковлеву на мѣсто около себя, спокойно добавивъ:

— Сядь, отдохни!

— Да что ты, что ты... Вѣдь ждутъ... Перезябли... Пойдемъ бѣгомъ...

Спиридонъ Яковлевъ говорилъ задыхаясь, но не столько потому, что очень быстро шагалъ съ одного

конца деревни на другой, а вслѣдствіе подозрѣнія, сразу же его охватившаго при первомъ взглядѣ на лицо о. Захара, который какъ-то странно усмѣхался и, жмуря глаза, спросилъ:

— А деньги?

— Деньги... деньги готовы... Ежели не вѣришь, изволь... Я здѣсь тебѣ отдамъ... На, вотъ получай, всѣ сполна сто рублевъ...

О. Захаръ искоса посмотрѣлъ на деньги, однако, не взялъ ихъ.

— Сокрушаюсь я, Спиридонъ Яковлевъ,... суди самъ, дѣло какое...,—сказалъ онъ, вздохнувъ.

Спиридонъ Яковлевъ замеръ на мѣстѣ.

— Да ты что же?—вдругъ спохватился онъ, держа въ обѣихъ рукахъ деньги: — ты вѣдь договорился... что же? Развѣ такъ можно!.. Ахъ, ты какой, право... Вѣдь гляди, свѣтать скоро будетъ.

— Нѣтъ, еще до свѣту долго... Можно еще пять разъ обвѣнчать...

— Да ты что это, отецъ Захарія, какъ говоришь,— задыхался Спиридонъ Яковлевъ, метаясь по избѣ во всѣ стороны.

— Мало!—прошепталъ о. Захаръ.

— Вѣдь мы съ тобой торговались. Вѣдь ты самъ сто рублевъ просилъ.

О. Захаръ пытливо посмотрѣлъ на Спиридона Яковлева, точно хотѣлъ на лицѣ его прочесть, сколько онъ можетъ еще дать, и потомъ сказалъ, вздыхая:

— Я меньше двухъ-сотъ взять не располагаю...

Спиридонъ было-подбѣжалъ къ нему, подсѣлъ рядомъ съ нимъ на скамью и началъ его убѣждать, но потомъ сейчасъ же сообразилъ, что убѣждать теперь некогда, а нужно ковать желѣзо, пока оно горячо, и вскочилъ со скамьи, хватаясь за боковой карманъ. Спохватившись, что съ нимъ нѣтъ денегъ, онъ испугался и сталъ увѣрять о. Захара, что заплатитъ потомъ.

— Нѣтъ, мнѣ это неудобно,—уклончиво отвѣтилъ о. Захаръ.

— Да со мной нѣтъ. Ахъ, какой ты!.. Ну, дай чернилицу—я тебѣ росписку дамъ...

О. Захаръ поднялся, наконецъ, со скамьи и, взявъ въ руки связку съ книгами, сказалъ Спиридону Яковлеву:

— Росписокъ, Спиридонъ Яковличъ, не нужно, а вотъ мы пойдемъ мимо твоей избы, ты забѣги домой, да и захвати деньги. А тамъ уже дѣло небольшое и обвѣнчать недолго.

Спиридонъ Яковлевъ согласился, и когда они скорыми шагами пошли по деревнѣ, онъ нѣсколько разъ вздыхалъ и сжималъ кулаки. Онъ чувствовалъ большое желаніе обругать о. Захара, побить даже, но сдерживался, сознавая, что теперь сила на его сторонѣ и только, вздыхая, твердилъ:

— Ахъ, какой ты право, а! Вотъ оказія-то! Вотъ поймалъ-то въ какое время, а!

Но конецъ его мученіямъ изъ-за денегъ еще не наступилъ, и хотя о. Захаръ упорно молчалъ въ отвѣтъ на его упреки, но это ничуть не доказывало, что онъ страдалъ менѣе Спиридона Яковлева. Напротивъ, онъ страдалъ чуть ли не болѣе и обвинялъ въ душѣ себя за то, что мало запросилъ. «Такой случай рѣдкостный, и только двѣсти рублей: мало, мало!» Онъ томился, шагая за Спиридономъ Яковлевымъ, и по мѣрѣ приближенія къ его дому, терзанія о. Захара все болѣе и болѣе увеличивались.

— Подожди здѣсь, о. Захарія, я мигомъ!—шепнулъ Спиридонъ Яковлевъ у калитки своего дома.

О. Захаръ не могъ выговорить ни слова, борясь самъ съ собой: ему представлялся превосходный случай прижать человѣка къ стѣнѣ, но въ то же время что-то какъ будто мѣшало этому и заставляло колебаться. Однако же, онъ преодолѣлъ себя и схватилъ Спиридона Яковлева за рукавъ въ то время, когда тотъ уже отворилъ калитку и шагнулъ внутрь двора.

— Погоди!—зашепталъ онъ:—погоди!

— Что ты?—испугался Спиридонъ Яковлевъ, предчувствуя недоброе.

— Я опасаюсь...

— О. Захарія! — сердито зашепталъ Спиридонъ Яковлевъ, вдругъ останавливаясь: — ежели ты такъ, то я, братъ, и этого не дамъ... Вотъ что! Ты думаешь, что мы въ другомъ селѣ не обвѣнчаемъ? Не сегодня — завтра обвѣнчаемъ въ лучшемъ видѣ.

— Ну, ладно, ладно, иди! — заторопился о. Захаръ, испугавшись, что пожалуй двѣсти рублей промелькнутъ мимо.

И должно быть этотъ испугъ былъ уже очень ясно выраженъ, когда Спиридонъ Яковлевъ, выйдя вскорѣ изъ дома, передалъ о. Захару только полтораста рублей.

— Нѣтъ, нѣтъ! какъ хочешь... Слово надлежитъ исполнить,... — заявилъ о. Захаръ, рѣшительно поворачивая назадъ.

— На, на! — торопливо отвѣтилъ Спиридонъ Яковлевъ, передавая ему остальные пятьдесятъ рублей, бывшіе у него въ рукахъ, — я пошутилъ, — добавилъ онъ, оправдывая этимъ свою неудавшуюся попытку.

Засвѣтился, наконецъ, огонекъ въ кладбищенской церкви. Спиридонъ Яковлевъ разбудилъ Анатолія и вступилъ съ нимъ въ разговоръ, предлагая выпить ради веселой компаніи, собравшейся, какъ онъ говорилъ, на прогулку. Компанія и въ самомъ дѣлѣ была веселая, не отказывавшаяся отъ выпивки и тоже замѣтно подогрѣтая ею съ вечера. Появился на снѣгу ромъ, водка и закуски; а потомъ, спустя нѣсколько времени, кто-то подсказалъ, что въ самомъ дѣлѣ холодновато и предложивъ зайти въ церковь.

— Въ церковь, такъ въ церковь! Мѣсто хорошее! — согласился и Анатолій.

Какъ и чѣмъ согрѣвалась тамъ компанія, объ этомъ исторія умалчиваетъ. Достовѣрно только то, что Анатолій былъ согрѣтъ настолько, насколько требовалось по обстоятельствамъ дѣла. Согрѣвался, можетъ быть, и о. Захаръ, такъ какъ въ давно нетопленной церкви было не теплѣе, чѣмъ на улицѣ; но онъ былъ чело-

вѣкъ осторожный и очень хорошо сознавалъ, что дѣло, взятое имъ на себя, требовало большой аккуратности. Благодаря заботамъ объ этой аккуратности, о. Захаръ только тогда приступилъ къ совершенію таинства бракосочетанія, когда всѣ установленныя для этого закономъ формальности были выполнены какъ слѣдуетъ. Въ книгахъ было, что слѣдуетъ записано и скрѣплено надлежащими подписями и въ томъ числѣ подписью Анатолія. Онъ подписался гдѣ было указано и подписался собственно потому, что жилъ въ эти минуты смутнымъ сознаніемъ предстоявшаго удовольствія обладать красивой дочерью Спиридона Яковлева.

— Да ты что же это, попъ, въ самомъ дѣлѣ, что ли, насъ вѣнчаешь? Я этого вовсе не хочу. Я только такъ, ради шутки, иначе я не согласенъ, — заявилъ онъ, покачиваясь.

О. Захаръ какъ будто не слышалъ этого возраженія и продолжалъ обрядъ вѣнчанія, а Спиридонъ поспѣшилъ немедленно же развлечь Анатолія и зашепталъ ему что-то на ухо, кивая головой на дочь.

— Нѣтъ, какъ хочешь. Это, братъ, дудки,—бормоталъ Анатолій, слабо отстраняясь.

— Это все только такъ, Анатолій Петровичъ, одна церемонія,—уговаривалъ Спиридонъ Яковлевъ.—Сейчасъ поѣдемъ ко мнѣ и Маренушу я тебѣ... Изволь, не попрепятствую.

О. Захаръ былъ серьезенъ и держался такъ, какъ будто все происходившее тутъ около него не имѣло ничего общаго съ обрядомъ вѣнчанія. Онъ продолжалъ читать молитвы, произносилъ возгласы и эктеньи за себя и за дьякона, и только хмурился недовольный тѣмъ, что прислуживавшій ему дьячокъ не такъ поспѣшно прислуживалъ, какъ это требовалось по обстоятельствамъ дѣла.

Дьячокъ этотъ, Ѳома Лукичъ, былъ нѣсколько навеселѣ, что собственно не могло казаться страннымъ всѣмъ присутствовавшимъ при обрядѣ вѣнчанія, такъ какъ они давно уже знали, что Ѳомѣ Лукичу быть въ

иномъ состояніи невозможно по причинѣ его постояннаго и многолѣтняго знакомства съ спиртными напитками. Ѳома Лукичъ имѣлъ носъ сизый, щеки красно-малиновыя, глаза тусклые, точно оловянные, и волосы носилъ заплетенными въ косичку, похожую на крысиный хвостикъ. Прислуживая теперь отцу Захару, онъ успѣвалъ, въ то же время, напоминать и о себѣ.

— Что же я то, развѣ такъ на бобахъ и останусь?— шепталъ онъ.

— Не забывайся, Ѳома, не забывайся, — строго отвѣчалъ ему о. Захаръ, продолжая читать молитвы.

— Да ну васъ совсѣмъ... Вотъ выдумали...—громко прервалъ и шопотъ, и службу Анатолій, намѣреваясь уйти съ того мѣста, гдѣ онъ былъ поставленъ; но Спиридонъ Яковлевъ чутко сторожилъ за нимъ и съумѣлъ его успокоить..

— Да мы гдѣ это? Марѳа, Марѳуша, мы гдѣ?— спрашивалъ женихъ, покачиваясь, и лѣзъ цѣловаться.

— Погодь, погодь, — шептала невѣста, отстраняясь... — Тятенька, уйми его! — обращалась она къ отцу.

— Погодь, Анатолій Петровичъ, сейчасъ, — успокаивалъ Спиридонъ Яковлевъ, удерживая его за руки въ то время, когда онъ, будучи въ вѣнцѣ, хотѣлъ безцеремонно обнять Марѳу, тоже стоявшую подъ вѣнцомъ.

Ѳома Лукичъ продолжалъ страдать въ заботѣ о своемъ заработкѣ, и улучивъ свободную минуту, шепнулъ Спиридону Яковлеву:

— Ты мнѣ двѣ синицы отдай, а то я донесу... Дѣло вѣдь незаконное—женихъ пьяный.

— Не сумлѣвайся... Неужели-жъ я тебя забуду,— успокаивалъ Спиридонъ.

— Да долго ли еще намъ стоять! — разсердился, наконецъ, Анатолій:—я больше не хочу!

— И достаточно... Поздравляю васъ, Анатолій Петровичъ и Марѳа Спиридоновна! Любите другъ друга...—привѣтствовалъ о. Захаръ и чуть было не ска-

залъ въ заключеніе своего привѣтствія «двѣсти рублей»,—такъ всецѣло овладѣли эти деньги всѣми его душевными силами.

Церковная ограда опустѣла.

Мужики, бывшіе свидѣтелями бракосочетанія, немедленно же послѣ окончанія уѣхали куда-то въ дальнюю деревню и никакого праздника у Спиридона Яковлева въ избѣ послѣ вѣнца не справлялось. Деревенскія собаки, впрочемъ, потявкивали нѣкоторое время послѣ того, какъ новобрачные прошли въ избу Спиридона Яковлева, но потявкивали, кажется, не по случаю праздника, а по личному неудовольствію на Спиридона и его сообщниковъ за то, что въ непоказанный часъ таскаются по деревнѣ.

XVII.

Проснулась деревня; появились въ окнахъ избушекъ огоньки; дымъ потянулся изъ трубъ, поднимаясь вверхъ столбами. Каменная церковь на горкѣ около господскаго дома стала выдѣляться изъ мутно-сѣраго фона зимней ночи, обрисовался ея крестъ, окна, блеснулъ потомъ блѣдно-розовый цвѣтъ на ея снѣжномъ куполѣ и побѣжалъ по крышамъ крестьянскихъ избушекъ. Началась тихая, однообразная жизнь деревни, заскрипѣли ворота, появились кое-гдѣ мужики на дровняхъ съ топорами за поясомъ, бабы съ ведрами на коромыслахъ, коровы, идущія на водопой, и т. д.

Прошелъ часъ-другой послѣ разсвѣта. Анатолій все еще спалъ въ избѣ Спиридона Яковлева, и когда, наконецъ, проснулся, долго не могъ понять, гдѣ онъ. Первое бросившееся ему въ глаза была занавѣска, за которой онъ спалъ.—Что это такое, гдѣ это я,—силился онъ догадаться, смутно припоминая, что гдѣ-то видалъ эту занавѣску. Потомъ также смутно вспомналось ему что-то странное, удивившее его. Подъ впечатлѣніемъ этого воспоминанія онъ порывисто повернулся на кровати и еще больше удивился, увидѣвъ

что тутъ же съ нимъ вмѣстѣ, рядомъ спитъ молодая дѣвушка, дочь Спиридона Яковлева, любви которой онъ такъ давно и тщетно добивался и которая вдругъ неожиданно оказалась спящей вмѣстѣ съ нимъ. Онъ моментально вскочилъ на ноги и отдернулъ занавѣску, точно хотѣлъ убѣдиться, не сонъ ли ему снится, и схватился потомъ обѣими руками за голову, дико озираясь. Въ избѣ было чисто: полъ, скамьи и стѣны попрежнему блестѣли новизной, въ окна видно было то же мутное сѣрое небо, и ни въ чемъ этомъ онъ не увидѣлъ подтвержденія своихъ такъ вдругъ его охватившихъ подозрѣній. Взглянувъ опять за занавѣску, онъ встрѣтился со взглядомъ дѣвушки, проснувшейся отъ его сильнаго движенія и испуганно закутавшейся по горло одѣяломъ.

— Мароа... Мароуша...—прошепталъ онъ, покачнувшись.—Послушай... Что же это, а?

— Погодь, Натолій Петровичъ, отойди вонъ туда... къ столу-то... я встану, одѣнусь,—отвѣтила она, стыдясь.

Онъ только теперь замѣтилъ, что и самъ былъ полураздѣтъ и тревожно заметался, ища глазами свое верхнее платье. Руки его тряслись и голова кружилась отъ вчерашняго пьянства. Кое-какъ наскоро одѣваясь, нечесанный и неумытый, онъ торопливо что-то шепталъ про себя, совалъ рукой по карманамъ, самъ не зная, что ищетъ. Воспоминанія о прошлой ночи уже во многихъ подробностяхъ возстали передъ нимъ, и онъ сознавалъ, что сдѣлался мужемъ дочери Спиридона Яковлева.

Мароа вышла изъ-за занавѣски, накинувшись большимъ платкомъ съ головы.

— Постой ужо,—сказала она,—ты не умытый... притащу сейчасъ тазъ... Тамотка есть.

— Мароа, Мароуша... Погоди...—остановилъ онъ.

— Ну, чего тебѣ?—отмахнулась она, смотря въ полъ.

— Какъ же это... Что же... Неужели насъ обвѣнали?

— Да неужто ты не въ умѣ?.. Погоди, я принесу водицы.

— Стой, стой... Ты мнѣ прямо скажи... Нѣтъ, погоди, лучше я тебѣ самъ скажу... Я тебя въ жены не возьму, какъ хочешь...

— Пусти! Эка ухватился какъ за локоть-то... Пусти, говорю, блажной...

— Это попъ Захаръ съ Спиридономъ сдѣлали... нарочно... Я тебѣ не мужъ...

— Ладно, ладно, разговаривай... Невѣнчану-то меня развѣ тятенька-то оставилъ бы здѣсь съ тобой ночью... Пусти чуточку время, я принесу воду...

Онъ выпустилъ ея руку и она вышла изъ избы. Дальнѣйшія подробности воспоминаній того, что происходило здѣсь въ этой избѣ послѣ вѣнчанья, ему теперь были почти ясны. Онъ не помнилъ только, какъ онъ возвратился изъ церкви, какъ Спиридонъ Яковлевъ оставилъ ихъ вдвоемъ, но за то помнилъ, что онъ цѣловался съ Мареой, ласкалъ ее и былъ очень доволенъ, что она его ласкамъ не противится, не отталкиваетъ его съ тою рѣзкой грубостью, какою оканчивались до этого времени всѣ его за нею ухаживанья.

— А вѣдь хорошенькая! — улыбнулся онъ пьяной улыбкой, но тотчасъ же нахмурился, опять охваченный опасеніемъ на счетъ того, чѣмъ все это окончится.

Мареа возвратилась съ водой и тазомъ.

— На вотъ, умойся, я полью... Самоваръ тамъ стряпка наставила. Умывайся, слышь, Натолій Петровичъ.

— Чортъ знаетъ, что это такое!—почти крикнулъ онъ, пожимая плечами и путаясь въ своихъ соображеніяхъ.

И когда, наконецъ, онъ умылся и полилъ голог холодной водой, ругая въ то же время ее за то, ч она «кружится проклятая», Мареа ему замѣтила.

— Ты, Натолій Петровичъ, не бранись... Пер крестись лучше, слышь, самоваръ скоро нагрѣется.

Онъ теперь замѣтилъ, что она уже причесан

умыта и одѣта въ шерстяное пестрое платье и только теперь съ неотразимою ясностію представилась ему вся безвыходность того положенія, въ какое онъ былъ завлеченъ вѣроломствомъ Спиридона Яковлева и своимъ пьянствомъ.

— Что же это? Боже мой, что же это?—тоскливо зашепталъ онъ...—Мареа... Мареуша... я уйду... Нѣтъ, какъ хочешь, я уйду.

— Погодь немного, тятенька сейчасъ выйдетъ... Тамъ ладитъ закусывать тебѣ... Только ты, Натолій Петровичъ, не пей, ты вѣдь хорошій...

Онъ сѣлъ на скамью около стола и безпомощно склонилъ на него голову. Мареуша постояла нѣсколько времени, смотря на него не то покорнымъ, не то безсмысленнымъ взглядомъ и потомъ, глубоко вздохнувъ, прошептала:

— Что тятенька-то твой скажетъ... ахти-хти!

И вдругъ вспомнивъ, что изба до сихъ поръ не прибрана, поспѣшно ушла за занавѣску, и убирая постель, продолжала вздыхать и охать.

Въ это время въ избу вошелъ Спиридонъ Яковлевъ и, войдя, перекрестился на образъ.

— Любезному зятьку!—проговорилъ онъ, пытливо смотря на Анатолія, неподнимавшаго головы отъ стола.

При звукахъ его голоса Анатолій Петровичъ вдругъ встрепенулся и вскочилъ на ноги.

— Что же это ты со мной сдѣлалъ, а? Что это ты сдѣлалъ? Ты думаешь, что тебѣ даромъ пройдетъ, а? Ты думаешь я глупъ и не понимаю какой ты съ своимъ попомъ Захаромъ учинилъ уголовный проступокъ.

— Я то-съ, Анатолій Петровичъ, очень довольно хорошо все понимаю, да-съ! — отвѣтилъ Спиридонъ Яковлевъ, поглаживая бородку:—потому какъ теперича ваша милость въ здравомъ умѣ были и дѣло все сдѣлано при свидѣтеляхъ благородно и аккуратно...

— Глупый ты человѣкъ!—загорячился Анатолій:—глупый мужикъ, сиволапъ... вотъ что! Ну, понимаешь

ли ты, что нельзя меня связать по рукамъ и по ногамъ...»

— Зачѣмъ же, Анатолій Петровичъ, напримѣръ, вязать... Я все думаю, чтобы не такъ, какъ другіе прочіе... а какъ, чтобы все къ лучшему... Такъ-то-съ! А вы изволите, то-есть горячиться... Маѳинька!— крикнулъ онъ за занавѣску, зная, что дочь должна быть тамъ,—подь, налаживай самоваръ да закуску.

— Ладно!—пѣвуче отвѣтила дочь, выходя.

— Ну, вотъ лучше поцѣлуйтесь-ка, Анатолій Петровичъ, а я посмотрю, полюбуюсь на васъ...

Маѳа потупилась, остановившись посреди избы; Анатолій гнѣвно сверкнулъ глазами на Спиридона Яковлева и проворчалъ:

— Оставь, оставь... я не хочу.

— Тятенька, я говорила тебѣ, — плаксиво сказала Маѳа, утирая кулакомъ глаза,—вотъ теперь самъ видишь...

— Налаживай пойди самоваръ, слышь! Тебѣ я чай говорю!—крикнулъ Спиридонъ Яковлевъ, и когда дочь покорно вышла изъ избы, онъ сталъ убѣждать Анатолія послушать его.

— Вотъ вы теперича говорите, что я васъ, значитъ, хочу связать. Какой же мнѣ разсчетъ, Анатолій Петровичъ, васъ вязать, зачѣмъ мнѣ дѣлать худо? Я такъ полагаю, что нужно лучше дѣлать хорошо. Развѣ я не могу, напримѣръ, сообразить, что ежели вамъ неблагопріятна будетъ моя дочь, вы ее завсегда могите бросить. Что же въ этомъ хорошаго?

— Такъ зачѣмъ же? Зачѣмъ же ты меня съ ней обвѣнчалъ, если самъ знаешь, что я могу ее всегда бросить и уѣхать одинъ куда только захочу?

— Это правильно-съ, это вы, точно такъ-съ, Ан толій Петровичъ... Только извольте понять-съ: вѣ не сегодня—завтра будетъ укціонъ—да-съ!..

— Ну, такъ что же изъ этого, какая же поль нашимъ дѣламъ, что я женился? Я вотъ уѣду сегод же изъ усадьбы куда глаза глядятъ... Что я тепе

буду дѣлать? Какъ къ отцу покажусь? что мать скажетъ, бабушка, сестры?.. Ахъ, Боже мой,—плачевно воскликнулъ онъ и опять склонился головой къ столу.

— Нѣтъ-съ, вы, Анатолій Петровичъ, это напрасно, ей-Богу, совсѣмъ напрасно... Что хорошаго въ этомъ, когда ежели человѣкъ въ малодушіи?.. Это худо... Я такъ теперича про себя понимаю, что надо всегда бодро стоять, вотъ что! Это вотъ хорошо, отчетливо, да-съ!

— Ахъ, какой ты невыносимый! — нетерпѣливо возразилъ Анатолій, морщась и кусая губы.—Ну, что ты всякій вздоръ разсказываешь, развѣ я не знаю, что хорошо, что худо!.. Пойми, что вѣдь отецъ узнаетъ и меня прогонитъ, и съ тобой судиться будетъ... Вѣдь онъ, знаешь, какой...

— Очень довольно много наслышаны, Анатолій Петровичъ, очень довольно много... Да зачѣмъ же, напримѣръ, имъ объ этомъ теперича знать? Притомъ же, извольте сами разсудить, время какое, — укціонъ на носу... Какія, къ примѣру, новости! А тамъ опосля все оботрется и обомнется и по старому пойдетъ...

Анатолій опять было-загорячился, но сообразительный Спиридонъ Яковлевъ успокоилъ его сразу, открывъ наконецъ, свой тайный планъ насчетъ выкупа лѣсной дачи на предстоявшемъ аукціонѣ. Онъ говорилъ обстоятельно, не торопясь и поглаживая бородку. Анатолій все время молчалъ и сосредоточенно смотрѣлъ въ уголъ.

— Поймите теперича, Анатолій Петровичъ, что ежели бы, напримѣръ, на укціонѣ дача осталась за Хохлаковыми хотя бы и за десять тысячъ, то тятенька вашъ достальныя деньги, двѣ-ли, три-ли тысячи—все единственно, всѣ проживутъ-съ и поторопятся, чтобы какъ можно даже поскорѣе. Повѣрьте, это правильно! А ежели вы теперича внесете передъ укціономъ мои деньги, какъ будто отъ своего имени, то дачка-то будетъ ваша, а вы, значитъ, ея владѣлецъ. А ужъ со мной сладимъ дѣло. Такъ то-съ?

Мароа принесла самоваръ и прервала ихъ разговоръ.

— Теперича вы, Анатолій Петровичъ, старайтесь такъ, чтобы это въ крѣпкой тайнѣ было, потому сами знаете, для вашей же пользы...

— О моей пользѣ я тебя заботиться не просилъ,— мрачно сказалъ Анатолій.

— Да развѣ я, Анатолій Петровичъ, не вижу, что и къ чему идетъ. Я очень довольно хорошо вижу... Славо Богу, знаю вашего родителя издавна. Все же вамъ хоша что-нибудь достанется; вѣдь лѣсная-то дача, ежели ее продать на срубъ, дастъ на худой конецъ пятнадцать тысячъ, а то и всѣ семнадцать.

Анатолій подозрительно посмотрѣлъ на него и ничего не сказалъ.

— Повѣрьте, говорю искренно! Я вижу, что вы все сумлѣваетесь... Напрасно!

Въ такомъ тонѣ продолжалъ разговоръ Анатолій, то сердито ворчалъ, то вслушивался въ слова Спиридона Яковлева, замѣчая, что въ нихъ въ самомъ дѣлѣ есть нѣчто такое, надъ чѣмъ нельзя не задуматься. Но въ тѣ минуты, когда онъ сосредоточивался исключительно на мысли о своей женитьбѣ, въ это время никакіе практическіе доводы Спиридона Яковлева не могли развлечь его. Схвативъ себя обѣими руками за голову, онъ закрывалъ глаза и, покачиваясь изъ стороны въ сторону, твердилъ свое.

— Знать ничего не хочу. Замолчи, отстань!..— волнуясь, говорилъ онъ: — не нужно мнѣ никакихъ твоихъ совѣтовъ.

— Да что же, Господи ты Боже мой, — заволновался, наконецъ, самъ Спиридонъ Яковлевъ:—что же, Мароинька, не подаешь закуску-то? Эка мѣшкотня у васъ идетъ... Сама, чай, видишь, надо Анатолію Петровичу опохмѣлиться, а задерживаешь...

Мароа, сосредоточенно разставлявшая въ это вре[мя] на столѣ посуду съ закуской, остановилась съ таре[лкой] въ рукѣ и робко проговорила, обращаясь къ отц[у]:

— Тятенька, не надо бы, а?

— Это, Анатолій Петровичъ, она правильно. Точно что не надо бы... Ну, да одну-то рюмочку не повредитъ, одну выпейте-ка пока и ступайте къ родителямъ, чтобы, значитъ, безъ подозрѣнія, а вечеромъ, или такъ, послѣ обѣда, придите къ Мареинькѣ... Дѣло житейское! Такъ-то-съ. Ну, поцѣлуйтесь же, я полюбуюсь.

— Отстань! Что ты ко мнѣ присталъ? Наливай еще!

— Не много ли, Анатолій Петровичъ?

— Молчи, наливай, тебѣ говорю...

— Тятенька, что же это такое будетъ?—робко возражала дочь.

— Мареа, ты молчи!—перебилъ ее Анатолій, быстро пьянѣя:—молчи, я твой мужъ... слышишь?

— Вы, Анатолій Петровичъ, тихонько... Какъ бы кто не услыхалъ... Не надо...,—замѣтилъ Спиридонъ Яковлевъ.

— Молчать!

— Извольте, это я могу и даже сколько угодно. Но все же сами сообразите, что дѣла надо дѣлать чисто и аккуратно.

— Ладно! Разговаривай! Понимаю,—бормоталъ онъ заплетающимся языкомъ. — Дача будетъ моя, да!.. Отвѣчай.

— Тихонько-съ надо,—таинственно шепталъ Спиридонъ Яковлевъ.

— Ладно!.. Отвѣчай прямо: лѣсная дача будетъ моя, да?

— Ваша, само собой.

— И чудесно! Наливай еще!

— Довольно-бъ, Анатолій Петровичъ.

— Не разговаривай много. Наливай! Мареа! Пойди сюда, слышь!—пойди сюда.

Мареа робко подошла, смотря на свой передникъ.

— Садись вотъ тутъ,—лепеталъ Анатолій, хлопая рукою по скамьѣ.—Спиридонъ Яковлевъ! ступай вонъ! Слышишь, ступай вонъ! Не желаю тебя здѣсь больше видѣть.

Спустя нѣкоторое время онъ, однако, былъ у себя во флигелѣ, и какъ вошелъ въ комнату, такъ и завалился спать на диванъ.

XVIII.

— Анатолій Петровичъ не изволили дома ночевать,— почтительно доложилъ Савелій, подавая утромъ Петру Θедоровичу кофе.

— А-а!..—протянулъ Петръ Θедоровичъ, прихлебывая изъ чашки.

— Теперь они спятъ-съ... Только-что возвратились, такъ въ чемъ пришли и легли, не раздѣваясь... и фуражки не сняли...

— Даже не раздѣваясь! Фи!.. Значитъ, опять старое...

Савелій молча пожалъ плечами.

Петръ Θедоровичъ поставилъ чашку съ кофе на столъ и зашагалъ по комнатѣ. Ему теперь было не до сына, онъ ждалъ только пробужденія жены, чтобы подѣлиться съ нею своими планами и восторгами, а тутъ вдругъ Савелій Богъ знаетъ о чемъ докладываетъ.

— Савелій, ты бы ему сказалъ... И вообще удерживалъ-бы... Да!..

— Помилуйте-съ, Петръ Θедоровичъ, что же я могу!—изумился старикъ:—мое ли это дѣло-съ!..

— Да-а! ты пра-авъ! — съ важностію поправилъ себя Петръ Θедоровичъ, занятый какими-то другими соображеніями.—Но пойми, наконецъ... и вообще вѣдь это все ужасно скверно... И вообще въ домѣ ты самый старый человѣкъ...

Онъ тянулъ слово за словомъ, видимо думая совсѣмъ не о томъ, что говоритъ, и вдругъ торопливо спр[о]силъ:

— А что, барыня встала?

— Точно такъ-съ. Изволили уже спуститься [въ] столовую.

— Ахъ, да, — заторопился вдругъ Петръ Ѳедоровичъ.—Ну-ка, поскорѣй дай мнѣ умыться... Поскорѣе...

Петръ Ѳедоровичъ поспѣшно ушелъ въ сосѣднюю съ кабинетомъ комнату, гдѣ была его спальня, и Савелій сталъ ему прислуживать во время умыванья.

Умываясь, онъ хотя и тяжело дышалъ, какъ человѣкъ довольно тучный, но продолжалъ все-таки разговаривать съ Савеліемъ. На этотъ разъ онъ говорилъ отрывисто и больше односложными словами, однакоже, въ этихъ односложныхъ словахъ теперь былъ опредѣленный смыслъ.

— Самъ виноватъ,—говорилъ онъ, начиная вытираться полотенцемъ:—сколько было заботъ... Гувернеръ... гимназія...

Онъ усердно теръ полотенцемъ за ушами, пыхтѣлъ отъ усталости, вызванной умываньемъ, и продолжалъ обвинять сына.

— Богъ знаетъ, что за нравъ... Бука! Молчитъ... Всегда изъ подлобья... Откуда дурныя наклонности?.. Конечно, много вреда отъ товарищества...

И когда, наконецъ, онъ окончилъ вытираніе шеи и бросилъ на руки Савелія мокрое полотенце, изъ груди его вырвался сильный вздохъ съ протяжнымъ восклицаніемъ: «ухъ!..» и вслѣдъ затѣмъ фраза, очевидно относившаяся опять къ сыну: «пусть себя винитъ».

— Нѣтъ, Савелій, — говорилъ онъ потомъ, одѣвая свое любимое бархатное пальто:—остается одно—терпѣливо покориться; все, что можно было сдѣлать—сдѣлано... Дай сигару!

— Помилуйте-съ, Петръ Ѳедоровичъ,—тихо отвѣтилъ Савелій, поднося ему ящикъ съ сигарами:—извольте принять во вниманіе, что Анатолій Петровичъ очень еще юный-съ... И окромя того-съ, Петръ Ѳедоровичъ, я давно собираюсь вамъ доложить, да до сей поры не имѣлъ случая-съ... Окромя того-съ, что Анатолій Петровичъ выпиваютъ, есть большія подозрѣнія насчетъ ихъ знакомства съ Спиридономъ Яковлевымъ, какъ бы что не вышло очень непріятнаго...

— Ну, ну, хорошо... Теперь мнѣ некогда... Послѣ!.. —отмахнулся Петръ Ѳедоровичъ, поспѣшно уходя изъ кабинета.

Савелій покачалъ головой, вздохнулъ и принялся за уборку комнаты. Онъ давно уже подозрѣвалъ, что не даромъ Спиридонъ Яковлевъ спаивалъ барича, но ему некому было высказать этихъ подозрѣній.

Петръ Ѳедоровичъ, веселый и уже забывшій о поведеніи Анатолія, бойко шелъ въ это время въ столовую, смѣлымъ и отчасти надменнымъ взглядомъ онъ окидывалъ стѣны комнатъ и не обнаруживалъ теперь даже никакихъ признаковъ прихрамыванья. Въ столовой сидѣли за чаемъ Вѣра Антоновна и Глафира Александровна, обѣ грустныя и съ заплаканными глазами. Ихъ тяготила та неизвѣстность, въ которой онѣ находились уже нѣсколько дней, не зная, что намѣрены предпринять братья Хохлаковы, скрутившіе Петра Ѳедоровича долговыми обязательствами. Глафира Александровна только-что прочитала вслухъ письмо къ дядѣ Павлу Степановичу, третій разъ уже переписанное, смягченное и сглаженное во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорилось о Петрѣ Ѳедоровичѣ; но и въ этотъ разъ Вѣра Антоновна оставалась при прежнемъ своемъ мнѣніи, что письма отправлять пока не нужно.

— Но, maman, согласитесь ради Бога, что же еще ждать? Вы сами же видите, что положеніе наше рѣшительно безвыходное. Я знаю, знаю, что дядюшка разгнѣвается... Ну, что же! Рано ли, поздно ли, все равно дядюшка узнаетъ всю правду. Пусть же онъ узнаетъ ее, по крайней мѣрѣ, отъ насъ самихъ.

Вѣра Антоновна съ упрекомъ покачала головой.

— Неприлично такъ писать, — вздохнувъ, сказала она,—если уже говорить правду дядѣ, то и себя ва тоже нечего щадить.

— Но, maman,—плаксиво возразила Глафира Але сандровна и закрыла глаза платкомъ:—чѣмъ же я в новата?

Настя и Анюта уже ушли изъ столовой. Онѣ с

дѣли обнявшись въ комнатѣ Анюты и заливались слезами, увѣряли одна другую въ вѣчной любви и готовности неразлучно страдать вмѣстѣ и никогда больше не ссориться.

— Maman,—продолжала Глафира Александровна:— я слабая женщина, съ разстроенными нервами, что же я могла...

— Доброе утро, chère maman!—воскликнулъ Петръ Ѳедоровичъ, вдругъ появляясь въ столовой, и своимъ громкимъ восклицаніемъ испугалъ обѣихъ женщинъ. Вѣра Антоновна вздрогнула и молча поцѣловала его въ щеку, когда онъ цѣловалъ ей руку, а Глафира Александровна въ отвѣтъ на его привѣтствіе рѣзко отвернулась въ сторону и не дала ему руки.

— Вы все еще сердитесь, Глафира Александровна,— обратился онъ къ ней, притворяясь грустнымъ, тогда какъ глаза его живо бѣгали во всѣ стороны.

— Оставьте меня,—сухо отвѣтила она, не смотря на него.

— Что дѣлать! Поймите... Я самъ терзаюсь... Я ужа-асно терзаюсь, — тянулъ онъ грустнымъ тономъ и, глубоко вздохнувъ, обратился къ матери:

— Maman! позвольте съ горя стаканчикъ...

Мать удивленно посмотрѣла на него и молча стала наливать чай. Глафира Александровна хмурилась и кусала губы, готовая сейчасъ же обратиться къ нему съ рѣзкими словами и наговорить дерзостей.

— Я несчастливъ не менѣе васъ... даже, можетъ быть, во сто тысячъ разъ несчастнѣе, чѣмъ вы... Охъ, Господи, Владыко живота моего!—уныло произнесъ онъ и печально склонилъ голову, протягивая руку за стаканомъ, который ему налила мать.

— Что съ тобой?—удивленно спросила мать.

Петръ Ѳедоровичъ не могъ ничего сказать въ отвѣтъ на ея вопросъ; лицо его все болѣе и болѣе краснѣло, щеки надувались и онъ крѣпко жалъ губы, чтобы не расхохотаться.

Глафира Александровна тоже удивленно взглянула

на него и тревожно поднялась со стула, замѣчая, что съ мужемъ произошла какая-то перемѣна; она догадывалась по не разъ бывшимъ прежде подобнымъ неожиданностямъ, что случившаяся перемѣна имѣетъ въ себѣ даже хорошее, но никакъ не могла понять, откуда взялась она.

Петръ Ѳедоровичъ, совершенно красный, уже не въ силахъ былъ сдерживать одолѣвавшій его смѣхъ, фыркнулъ на всю комнату.

— Ха, ха, — закатился онъ, хватаясь обѣими руками за животъ, — какая превосходная мистификація, ха, ха!

— Петръ Ѳедоровичъ! Петя! что съ тобой? — поспѣшно заговорила Вѣра Антоновна, въ недоумѣніи смотря то на сына, заливавшагося хохотомъ, то на его жену, съ не меньшимъ изумленіемъ смотрѣвшую на мужа.

— Ха, ха, ха! успокойтесь!.. Я здоровъ... очень, очень... Даже болѣе чѣмъ когда-либо...—весело продолжалъ Петръ Ѳедоровичъ,—только я васъ обманулъ, жестоко обманулъ... вотъ уже нѣсколько дней обманываю... Простите, я знаю, знаю, что это съ моей стороны жестоко... Но я не могъ, не могъ... ха, ха, ха!.. Это такъ увлекательно видѣть, какъ заблуждаются другіе и думаютъ Богъ знаетъ что... ха, ха, ха! Пла-ачутъ, ха, ха, ха! А между тѣмъ дѣла вовсе не таковы, какъ имъ кажется...

— Maman! Что онъ говоритъ? Я не понимаю его,— обидясь сказала Глафира Александровна.

Вѣра Антоновна ничего не отвѣтила и только пожала плечами.

— Я вамъ говорилъ, Глафира Александровна, да, я вамъ говорилъ, что все дѣло устроено, что нечего опасаться и тревожиться, а тѣмъ болѣе дѣлать сцены, упрекать... Мнѣ было очень, очень обидно, но я молчалъ, я знаю, что убѣжденіемъ на васъ дѣйствовать нельзя. Оно безсильно! Я зналъ, я давно это зналъ и молчалъ... Вотъ теперь представьте же, предста-авьте,

ха, ха, ха!.. Сколько дней, сколько дней я васъ томилъ! а!.. А между тѣмъ, ха, ха, ха. Выслушайте вы меня какъ слѣдуетъ,—помните вы ту ночь, когда вы пришли ко мнѣ въ кабинетъ, выслушайте — и все бы было спокойно, мы теперь были бы уже давнымъ давно въ губернскомъ городѣ.

— Но позволь пожалуйста, — удивленно перебила Глафира Александровна:—ты мнѣ самъ говорилъ, когда возвратился отъ Хохлакова, что дѣло въ безнадежномъ положеніи...

— Вралъ, вралъ! — поспѣшно подхватилъ Петръ Ѳедоровичъ: — вралъ, вралъ, шутилъ... Я въ губернскомъ городѣ все устроилъ, и долгъ отсрочилъ, и новый заемъ на очень продолжительный срокъ сдѣлалъ и мнѣ даже еще обѣщали, дали честное слово, поддержать меня, и поддержатъ, пока не получу наслѣдства, да! А вы-то, вы-то какъ печалились, ха, ха, ха!

— Но позволь, позволь, тутъ что то не такъ,— вмѣшалась и Вѣра Антоновна,—ты говоришь неправду, я вижу, я знаю тебя, нѣтъ, нѣтъ! Что-то не такъ!

— Maman! Вамъ угодно доказательства? да, доказательствъ хотите? Пожалуйте ко мнѣ въ кабинетъ, я вамъ представлю доказательства, да-съ! Не далѣе какъ сегодня же вечеромъ я уѣзжаю въ губернскій городъ и завтра получу тамъ десять тысячъ рублей. Я именно и пріѣзжалъ къ вамъ сюда только на эти дни и дальше мнѣ оставаться невозможно. Все это было раньше разсчитано и предвидѣно, а вы сомнѣвались, не вѣрили мнѣ, ха, ха!

Вѣра Антоновна съ сомнѣніемъ посмотрѣла на него, но ни слова не возразила на его оживленную рѣчь.

— Но позволь, однако-жъ,—спохватилась Глафира Александровна,—позволь: зачѣмъ же въ такомъ случаѣ ты намѣревался послать нарочнаго въ губернскій городъ, когда, какъ говоришь самъ, пріѣзжалъ сюда только на эти дни.

Петръ Ѳедоровичъ немножко-было и растерялся, но скоро оправился и захохоталъ снова, говоря, что

все это съ его стороны была ловкая комедія. Пока онъ хохоталъ и Богъ знаетъ, что сочинялъ, разсказывая о своихъ дѣлахъ, обѣ дочери, услыша его хохотъ, пришли въ столовую, но не входили въ нее, а стояли около дверей съ изумленными лицами, не понимая, что за перемѣна такая случилась съ отцомъ. Онъ стоялъ къ нимъ спиной и продолжалъ ораторствовать, сильно жестикулируя и обращаясь то къ матери, то къ женѣ; но вотъ онъ случайно повернулся въ ту сторону, гдѣ стояли дочери, и увидя ихъ, закатился новымъ приливомъ хохота.

— Каково! Нюта, Настя! Собирайте свои гардеробы—завтра утромъ въ губернскій городъ!..

Вѣра Антоновна всплеснула руками.

— Петя, Петя, — воскликнула она, — подумай, къ чему это!..

— Ахъ, chère maman! Позвольте, мнѣ необходимо по многимъ обстоятельствамъ. Во-первыхъ... Настя, дай, милочка мнѣ спички—тамъ онѣ на угольномъ столикѣ... во-первыхъ, chère maman, замѣтьте,—продолжалъ Петръ Ѳедоровичъ, закуривъ сигару, — я имѣю очень хорошіе ходы къ начальнику губерніи и не спроста пожертвовалъ на добровольный флотъ... А вы, Глафира Александровна, еще упрекали меня...

— Какая нелѣпость!—капризно отвѣтила Глафира Александровна:—я вовсе и не думала тебя упрекать. Я очень хорошо понимаю, что ты не могъ ставить себя наравнѣ съ какими-нибудь...

Вѣра Антоновна не вѣрила разсказамъ сына и старалась не смотрѣть на него: ей было непріятно то увлеченіе, съ какимъ онъ теперь говорилъ; но Глафира Александровна была уже на его сторонѣ, впрочемъ, болѣе потому, что обрадовалась возможности скораго выѣзда изъ усадьбы.

— Ну, что вы за дѣти,—наконецъ, не выдержала старушка: — посмотрите на себя, что вы вчера говорили, какъ вздыхали, плакали... а сегодня что?

— Ахъ, maman, позвольте, вы вообще не може

быть компетентны въ этомъ дѣлѣ,—перебилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Я позволяю себѣ замѣтить, maman, — обиженно возразила Глафира Александровна,—и если въ самомъ дѣлѣ Pierre такъ хорошо устроилъ свои дѣла, что мы имѣемъ возможность прожить зиму въ губернскомъ, то неужели же намъ оставаться здѣсь?

— Но что же потомъ, весной, будетъ?—печально возразила старушка.

— Весной, ха, ха!—засмѣялся Петръ Ѳедоровичъ,—вамъ ничего неизвѣстно о положеніи моихъ дѣлъ. Вамъ рѣшительно ничего неизвѣстно и потому вы сомнѣваетесь. Извольте же слушать, maman, я отсрочилъ долгъ по имѣнію на три года и получаю, какъ уже имѣлъ честь вамъ доложить, прибавки къ займу десять тысячъ рублей. Условія займа самыя легкія, повѣрьте, да иначе я бы и не согласился. Весной! Лѣтомъ! Ха, ха!.. О чемъ вы заботитесь... Да мнѣ открытъ кредитъ у Филарета Хохлакова на всѣ времена года и нечего больше горевать.

Вѣра Антоновна печально покачала головой.

— Я не понимаю, chére maman, я рѣшительно не понимаю,—возразилъ пожимая плечами Петръ Ѳедоровичъ,—откуда у васъ такіе пессимистическіе взгляды... Вы всегда были такая христіанка... вѣдь пессимизмъ вообще съ христіанствомъ никакъ не вяжется.

— Перестань пожалуйста, довольно!—сердито возразила старушка, и взяла свое вязанье, намѣреваясь уйти изъ комнаты. Петръ Ѳедоровичъ поспѣшилъ взять ея руку и поцѣловалъ, прося прощенія. Старушка нехотя дала ее, но сама не поцѣловала его.

Обѣ дочери Петра Ѳедоровича, бывшія въ такой дружбѣ часъ тому назадъ, теперь принадлежали уже къ двумъ противоположнымъ лагерямъ: Настя стояла около матери и жалась къ ея плечу, какъ маленькій ребенокъ; она догадывалась, что безъ ея покровительства не уѣхать въ губернскій городъ, такъ какъ отецъ часто много обѣщаетъ и ничего не дѣлаетъ. Анюта же

перешла къ креслу бабушки и боязливо ждала, чѣмъ кончатся ихъ странные разговоры.

— Maman! Успокойтесь,—уговаривалъ Петръ Ѳедоровичъ,—это нервы, увѣряю васъ, нервы...

— Хорошо! пусть нервы... А Анюту я съ вами не пущу. Поѣзжайте одни. Анюта, ты останешься со мной, да?

— Я останусь, бабушка,—тихо отвѣтила Анюта.

— И прекрасно,—подсказалъ Петръ Ѳедоровичъ,—видите, maman, все по вашему.

— А о сынѣ ты подумалъ?—замѣтила она.

Петръ Ѳедоровичъ при этомъ напоминаніи вдругъ какъ-то завялъ и лицо его приняло печальное выраженіе.

— Сынъ! Что же сынъ!—отвѣтилъ онъ пожимая плечами,—согласитесь, maman, не могу же я за нимъ бѣгать по деревнѣ. Вотъ сегодня онъ опять не ночевалъ дома. Это, конечно, ужасно, но я рѣшительно не въ силахъ помочь и тѣмъ болѣе теперь, когда мнѣ необходимо уѣхать изъ усадьбы.

— Но къ вечеру, Петръ Ѳедоровичъ, мы не успѣемъ собраться, — озабоченно возразила Глафира Александровна.

— Извольте поторопиться, такъ какъ мнѣ рѣшительно невозможно ждать,—поспѣшно отвѣтилъ ей Петръ Ѳедоровичъ и обратился къ матери:—maman, я говорилъ уже Савелію, чтобы онъ сказалъ ему... внушилъ... то-есть, pardon, я приказалъ, чтобы Савелій присматривалъ и вообще наблюдалъ...

— Ахъ, Петя, Петя!—уныло перебила мать,—что ты говоришь, посмотри ради Бога на себя...

— Что же такое, maman, во мнѣ особенное?—затревожился Петръ Ѳедоровичъ, подергивая плечами:—я, кажется, вообще, chère maman, почтителенъ...

— И вы не можете, maman, сказать, — возразила Глафира Александровна, свысока смотря на старушку,—вы ни въ какомъ случаѣ не можете сказать, что Pierre въ отношеніи къ вамъ не былъ примѣрнымъ сыномъ

Напротивъ, я даже увѣрена, что онъ въ этомъ случаѣ представляетъ рѣдкое явленіе.

— Однако же, нужно спѣшить,—заторопился Петръ Ѳедоровичъ:—Глафира Александровна, извольте собираться, я дальше вечера ждать не могу. Maman, вы, можетъ быть, намѣрены писать письма, — обратился онъ къ матери,—пишите пожалуйста.

Глафира Александровна ушла изъ столовой, въ сопровожденіи Насти; слѣдомъ за ними хотѣлъ убраться и Петръ Ѳедоровичъ, но старушка остановила его.

— Maman, — испугался онъ, предчувствуя недоброе:—мнѣ необходимо... въ кабинетъ...

— Останься! — сухо отвѣтила Вѣра Антоновна и усадила его рядомъ съ собой, отпустивъ Анюту къ себѣ въ комнату.

Ушелъ онъ отъ нея красный и, закуривая сигару у себя въ кабинетѣ, проворчалъ:

— Какъ скучны всѣ эти старые люди: впереди наслѣдство, а она съ совѣтами...

XIX.

Спиридонъ Яковлевъ въ этотъ день два раза проходилъ мимо господскаго дома, искоса оглядывая дворъ и всматриваясь въ окна. Чтобы не возбудить къ себѣ подозрѣнія, онъ проходилъ мимо дома не останавливаясь, и уже отойдя на нѣкоторое отъ него разстояніе, подолгу ожидалъ чего-то, смотря то на господскій домъ, то вдоль большой дороги, по направленію къ Малорѣченску. На господскомъ дворѣ никого не было, ни своихъ, ни чужихъ; по дорогѣ изъ Малорѣченска тоже никто изъ ожидаемыхъ Спиридономъ Яковлевымъ не хalъ и онъ тревожно почесывалъ затылокъ.

— Отчего это такъ мѣшкаютъ? — томился онъ: — удебнаго пристава дома нѣтъ развѣ, что ли... Должно, га причина, а то чего бы мѣшкать!

Шелъ онъ обратно каждый разъ по задворкамъ и

не столько для того, чтобы нейти мимо господскаго дома, сколько изъ желанія обойти домишко о. Захара, на котораго сердился за взятые «лишки». День однакожъ оканчивался и въ господскомъ домѣ уже появились огни, но Спиридонъ Яковлевъ не только не дождался пріѣзда пристава, а даже не узналъ о томъ, почему онъ не пріѣхалъ. Ему хотѣлось заглянуть въ господскій домъ, освѣдомиться, чего тутъ ждутъ господа и какъ ведетъ себя Анатолій Петровичъ, а освѣдомиться было не отъ кого. Изъ господской дворни ему была ближе другихъ горничная барыни и отъ нея онъ могъ узнать, что дѣлается въ домѣ, но какое-то, самому ему непонятное, чувство осторожности и даже боязни удерживало его отъ желанія зайти на господскую кухню и вызвать горничную.

— Какъ бы не натолкнуться на кого лишняго,— думалъ онъ, а то пожалуй еще попадется Анатолій, да съ пьяныхъ глазъ начнетъ городить несообразное, чего вовсе пока ненужно никому знать.

Томленія души его были несомнѣнно тяжкія. Возникали сами собой и опасенія насчетъ того, не случилось бы чего худого отъ вѣнчанья, ежели вдругъ по горячимъ слѣдамъ поднимутъ дѣло, и мучила въ то же время жадность—не ускользнулъ бы какъ грѣхомъ случай перехитрить Хохлаковыхъ и вырвать у нихъ изъ рукъ лѣсную дачу Пояркова. Такъ что, подходя къ господскому дому, онъ собственно не зналъ, чего желать—отсутствія ли всякаго движенія во дворѣ, указывающаго, что о бракѣ Анатолія никто не знаетъ, или же суеты и тревоги, могущихъ служить яснымъ доказательствомъ, что Хохлаковъ съ приставомъ пріѣхали и выполняютъ формальности, необходимыя для предстоящей продажи имѣнія съ аукціона.

— Ну, слава Богу, кажется, ничего, — свобод[...] вздыхалъ онъ, проходя мимо, и радовался, что горяч[...] слѣды остываютъ. Но вслѣдъ за такимъ облегчающим[...] душу утѣшеніемъ Спиридонъ Яковлевъ впадалъ [...] сомнѣніе насчетъ дѣлъ и опять страдалъ.

— Эй, миленькая!—встрѣтилъ онъ, наконецъ, дѣвчонку, служившую на побѣгушкахъ въ кухнѣ и выбѣжавшую за ворота поглазѣть.

— Чего тебѣ, дяденька Спиридонъ?

— Ничего... Я такъ, шелъ мимо, гляжу, ты тутъ вертишься и окликнулъ,—отвѣтилъ Спиридонъ Яковлевъ, оглядываясь, нѣтъ ли кого вблизи посторонняго.

— Что это, я слышалъ, будто не ладно у вашихъ господъ-то?..—спросилъ онъ, подходя поближе.—Говорятъ, будто изъ города чиновники пріѣзжали къ барину за деньгами, будто долгъ требуютъ какой-то?.. Ты не видала?

— Нѣтъ, не видала, дяденька. Никого, кажись, не было,—бойко отвѣтила дѣвчонка, переминаясь съ ноги-на-ногу и ежась отъ холода.

— А что, баринъ-то сердитый!—спросилъ Спиридонъ Яковлевъ, опять оглядываясь.

— Нѣтъ, дяденька... Онъ сегодня веселый, хохочетъ, сказываютъ, да таково шибко, говорятъ...

— Что же это онъ такъ, съ чего?

— А кто его знаетъ!.. Вечоръ будто сердился... въ городъ ѣздилъ, кучеръ говоритъ, такой, говоритъ, сердитый, а обратно ѣхалъ, все пѣлъ, говорилъ что-то такое веселое и свисталъ.

Спиридонъ Яковлевъ слушалъ, какъ говорится, въ оба уха и ничего не могъ понять.

— А баричъ, что?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Не знаю, не видала, дяденька... Ой, озябли ноги, заколѣла я... —вдругъ поспѣшно добавила дѣвчонка и убѣжала, прыгая по снѣгу какъ коза.

— Что такое тамъ съ нимъ случилось, съ чего онъ повеселѣлъ? — удивился Спиридонъ Яковлевъ, и одолѣваемый новыми подозрѣніями пошелъ домой.

Анатолій Петровичъ въ это время былъ во флигелѣ отцовскаго дома и не видѣлъ ни разу проходившаго мимо Спиридона Яковлева, такъ какъ все время просидѣлъ на кровати, не снимая ни фуражки, ни пальто, и мрачно косился на окна, на полъ, на стѣны,

Онъ страдалъ не менѣе Спиридона, хотя страданія его вызывались совершенно противоположными причинами. Онъ томился мрачными думами о своемъ положеніи и не зналъ, что теперь дѣлать, какъ себя вести, куда идти. Просидѣлъ онъ такъ часа два, рѣшался нѣсколько разъ идти къ отцу, объясниться, сказать ему всю правду, обвинить его самого за то, что именно онъ, одинъ онъ «всѣхъ золъ причина», и откладывалъ рѣшеніе на томъ основаніи, что «все ерунда». Савелій нѣсколько разъ заходилъ къ нему въ комнату въ то время, когда онъ спалъ, и молча уходилъ обратно, осторожно притворяя за собой двери, чтобы не разбудить его.

Приходилъ потомъ еще старый дворовый, исполнявшій въ домѣ должность истопника; грохнулъ охапку дровъ на полъ и долго возился около печи, затопляя ее. Анатолій все время не открывалъ глазъ, притворяясь спящимъ; ему противно было видѣть людей, и этотъ едва двигающій ноги старикъ тѣмъ болѣе томилъ его теперь, что и ранѣе всегда, во всякое время, видъ его возбуждалъ въ Анатоліи досаду, и именно потому, что по одному этому старику, таскающемуся съ непосильными ношами дровъ по пустыннымъ комнатамъ дома, можно было судить о разстроенныхъ дѣлахъ отца. Онъ едва вылежалъ до тѣхъ поръ, пока старикъ, кряхтя и охая, не ушелъ изъ комнаты, и сейчасъ же по выходѣ его, сѣлъ на кровати и охватилъ правое колѣно руками, начиная раскачиваться изъ стороны въ сторону.

— Пойду къ нему и прямо, такъ вотъ прямо и бухну,—рѣшалъ онъ въ десятый разъ,—женился, молъ, и лѣсную дачу выкуплю самъ, потому что ты дурной хозяинъ и раззорилъ все имѣніе. Пойду, да такъ вотъ и выложу все на-чистоту.

— Вы бы, Анатолій Петровичъ, умылись!—вдруг услышалъ онъ около себя голосъ Савелія, прихода кото раго, занятый думами, онъ и не замѣтилъ и изумлен оглянулъ его, даже не понимая въ первый момент

какъ это случилось, что вдругъ передъ нимъ, точно изъ-подъ земли, появился человѣкъ.

— Уйди ты отъ меня...—дико отшатнулся Анатолій,—уйди! Ты съ отцомъ за-одно...

— Господь съ вами,—успокаивалъ Савелій,—умойтесь, очень это облегчаетъ...

— Убирайся съ своими совѣтами къ чорту!

— Чего же въ этомъ хорошаго, Анатолій Петровичъ, ежели вы такъ будете гнѣваться... Теперича извольте сообразить, сколько дней папаша мнѣ постоянно выговариваетъ... Какъ же такъ возможно?

— Нѣтъ ли тутъ чего-нибудь выпить? мрачно хмурясь, спросилъ Анатолій.

— Откуда же? сами знаете... — пожалъ плечами Савелій. — Пожалуйте въ столовую-съ, папаша васъ просятъ-съ.

— Приду сейчасъ... Я приду... Скажи что я приду, да! Приду, да еще и скажу кое-что, да! Скажи имъ, что кое-что у меня есть для нихъ новенькое...

Савелій изумленно посмотрѣлъ на Анатолія, такъ странно показалось ему его измятое лицо, дергавшееся около губъ какими-то странными судорогами, и его лихорадочный взглядъ.

— Лучше бы при мнѣ умылись...Я бы помогъ... Анатолій Петровичъ...—тихо замѣтилъ Савелій.

— Что ты ко мнѣ присталъ?—вдругъ закричалъ Анатолій почти дикимъ голосомъ:—что я вамъ дался, мальчишка, что ли какой! Убирайся! Я самъ приду и все скажу, да! Все скажу! Я наслѣдникъ и имѣю полное право выкупить имѣніе на аукціонѣ... Убирайся отсюда, тебѣ говорятъ!

Онъ такъ дико закричалъ, что Савелій нашелъ лучшимъ уйти, чтобъ не раздражать его болѣе, и уходя, пришелъ къ рѣшительному заключенію, что «дѣло худо: баричъ заговариваться начинаетъ».

Анатолій сталъ-было снимать пальто, намѣреваясь умыться, но вдругъ рѣшилъ, что все ерунда, и вышелъ изъ комнаты. Однако же, онъ пошелъ не къ

отцовскому завтраку, а прямо на улицу и чрезъ нѣсколько времени былъ уже въ избѣ Спиридона Яковлева наединѣ съ своей молодой женой.

Однако же, въ этотъ вечеръ Петръ Ѳедоровичъ не успѣлъ выѣхать изъ усадьбы, задержанный долгими сборами Глафиры Александровны и Насти, и отложилъ отъѣздъ до утра.

XX.

На другой день утромъ Спиридонъ Яковлевичъ опять отправился къ господскому дому, но какъ только дошелъ до него, такъ сейчасъ же зашагалъ обратно торопливымъ, почти бѣглымъ шагомъ.

— Спиридонъ Яковлевъ, а Спиридонъ Яковлевъ?— остановилъ его знакомый крестьянинъ старикъ: — погоди-ка немного... скажи пожалуйста, правду ли это болтаютъ, будто ты господскаго сына на своей дочери женилъ, а?

— Врутъ, врутъ, дѣдушка,—торопливо отвѣтилъ Спиридонъ Яковлевъ,—прости ты меня, мнѣ, видишь, некогда, по дѣламъ своимъ бѣжать надо.

— Дѣловъ у тебя, вѣстимо, много... Такъ врутъ, говоришь, а? То-то я и самъ думаю, что врутъ—куда эко дерево рубить! Какъ ни какъ, а все же господа...

Но Спиридонъ Яковлевъ не слушалъ старика и торопливо зашагалъ по направленію къ своему дому. Не заходя въ комнаты, онъ захватилъ въ амбаришкѣ конскую сбрую, самъ запрегъ лошадь въ санишки и, спустя нѣсколько минутъ, уже гналъ по большой дорогѣ въ Малорѣченскъ, немилосердно нахлестывая лошадь кнутомъ. Встрѣтился ему на дорогѣ обозъ и какъ нарочно такой длинный, что и конца ему не было видно, и докуда глазъ могъ различать предметы, все тянулись воза, оглобли, дуги и унылыя конскія голов . Спиридонъ Яковлевъ сталъ обгонять обозъ, направи ь свои сани прямо по снѣгу около дороги и руга ь обозныхъ мужиковъ, самъ не зная за что, и въ отвѣ ь отъ нихъ слышалъ тоже отчаянныя ругательства. О ь

не опустилъ бы случая побраниться съ ямщиками, еслибъ даже и не очень спѣшилъ въ городъ, потому что брань съ ними всегда ведется безъ злобы, больше по обычаю и чуть ли даже не служитъ пріятнымъ развлеченіемъ для обѣихъ сторонъ; но теперь онъ отчаянно злобствовалъ за то, что обозъ мѣшалъ ему гнать лошадь во весь скакъ по дѣлу самой экстренной важности. Миновалъ онъ, наконецъ, обозъ и погналъ опять лошадь, не слушая посылаемыхъ ему въ догонку ругательствъ, и только тогда поѣхалъ рысью, когда былъ уже въ Малорѣченскѣ, находя, что гнать въ скакъ по городу неприлично. Остановившись у воротъ дома Филарета Павловича Хохлакова, онъ зацѣпилъ наскоро возжи за тротуарную тумбу и ушелъ внутрь двора, забывъ даже затворить за собой калитку у воротъ.

— Филаретъ Павловичъ у себя? спросилъ онъ перваго встрѣтившагося во дворѣ человѣка.

— Кажись, у себя...

Спиридонъ Яковлевъ бойко зашагалъ по лѣстницѣ и спустя минуту раскланивался съ Филаретомъ Павловичемъ въ его кабинетѣ. Филаретъ Павловичъ сидѣлъ въ валенкахъ, въ бѣличьемъ халатѣ и съ окутанной полотенцемъ шеей, лицо его было почти малиноваго цвѣта и волосы влажны: онъ только-что возвратился изъ бани и не снималъ съ шеи полотенца, находя почему-то, что очень полезно для здоровья, если влажное полотенце, которымъ онъ вытирался въ банѣ, высохнетъ у него на шеѣ.

— Милости прошу, Спиридонъ Яковличъ, садись, братецъ, гость будешь,—пригласилъ Филаретъ Павловичъ, пристально всматриваясь въ лицо Спиридона.

— Въ банькѣ были?—спросилъ онъ изъ приличія, чтобы не начинать нужнаго разговору сразу и безъ всякаго предисловія.

— Да... братецъ мой, помылся, и очень расчудесно, такъ какъ будто, напримѣръ, лѣтъ на десять съ костей долой.

Говоря это, Филаретъ Павловичъ замѣчалъ, что глаза Спиридона Яковлевича что-то очень бойко бѣгаютъ и сидитъ онъ на стулѣ точно на раскаленныхъ угляхъ, шапчонку свою такъ и вертитъ во всѣ стороны и мнетъ немилосердно.

— А я къ вамъ, Филаретъ Павловичъ, по очень нужному дѣлу,—сказалъ онъ, наконецъ, не имѣя силы выдерживать долѣе роль гостя.

— Что-жъ, это хорошо, — протянулъ Филаретъ Павловичъ,—послушаемъ, какое такое дѣло...

— Дѣло, Филаретъ Павловичъ, требуетъ спѣшности, надо вамъ поторопиться, очень надо поторопиться. Вотъ теперича извольте разсудить, какое дѣло: иду я давеча мимо поярковскаго дома и вижу во дворѣ у него возокъ, крытый возокъ и прислуга суетится что-то, вещи укладываетъ... Я догадываюсь, Филаретъ Павловичъ, что это, значитъ, Поярковъ-то удирать хочетъ изъ усадьбы!

— Куда же это онъ хочетъ удирать-то, какъ ты полагаешь, Спиридонъ Яковличъ?

— Я этого не могу знать, только мнѣ, признаться, удивительно, съ чего вы такъ спокойно къ этому относитесь,—тревожно объяснялъ Спиридонъ Яковлевъ:— вѣдь это дѣло такого сорта, что если онъ уѣдетъ изъ усадьбы, тогда, можно сказать, ищи вѣтра въ полѣ.

— Ну, ужъ ты тоже сморозишь вздоръ-то!

— Нѣтъ, не вздоръ, Филаретъ Павловичъ,—горячился Спиридонъ Яковлевъ, составляя совершенную противоположность спокойствію Хохлакова: — не вздоръ, а настоящее дѣло. Вѣдь теперича, извольте сообразить, вѣдь нельзя назначить продажу съ укціона его имѣнія, ежели приставомъ не будетъ вручена ему лично повѣстка. Такъ-ли-съ? Теперь понимаете-съ, онъ удеретъ, приставъ ему повѣстки не вручилъ, и извольте его съ этой повѣсткой искать. Такъ-ли-съ? Надобно, Филаретъ Павловичъ, его остановить.

— Ну, Богъ съ нимъ... Пусть его ѣдетъ...—вя[ло] протянулъ Филаретъ Павловичъ, взявъ въ руки б[...]

дечко и не сводя въ то же время глазъ съ изумленнаго Спиридона Яковлева.

Спиридонъ уже поднялся со стула и стоялъ предъ нимъ, размахивая сжатой въ правой рукѣ шапкой и забывая, что переходитъ въ своей горячности тѣ границы, которыя ему нужно было, по его собственному сознанію, соблюдать, чтобы не выдать своихъ плановъ.

— Какой вамъ разсчетъ, Филаретъ Павловичъ, какой разсчетъ... Извольте сообразить, можетъ онъ десять лѣтъ не пріѣдетъ... Сторожите-ка вы все это время лѣсъ-то!

— Десять лѣтъ положено по закону на давность,— протянулъ Хохлаковъ.

— Ну хорошо-съ, такъ будемъ говорить—хотя бы на десять лѣтъ... Какой разсчетъ выпускать изъ рукъ, когда дѣло налажено?

При этихъ словахъ Спиридонъ Яковлевъ и самъ уже замѣтилъ, что зарвался далеко и сразу понизилъ тонъ, пугливо оглянувшись почему-то назадъ, точно боясь чьего-то нападенія оттуда.

— Что ты такъ, Спиридонъ Яковличъ, хлопочешь объ этомъ дѣлѣ. Тебѣ-то какая отъ него польза?

— Я для васъ, для васъ... Повѣрьте, я довольно даже много вамъ благодаренъ, потому, который годъ съ вами дѣла дѣлаю...

— На этомъ спасибо, братецъ мой! Вотъ я тебѣ что скажу, а ты послушай, да хорошенько, понимаешь?

— Извольте-съ, Филаретъ Павловичъ, какъ прикажете такъ и будетъ-съ...

— Ну, вотъ и дѣло. Садись-ка на стулъ, а то толчешься на мѣстѣ, даже безобразно...

Спиридонъ Яковлевъ сѣлъ.

— Такъ вотъ слушай... Эй, дѣвушка,—крикнулъ нъ, стуча чайной ложечкой по краю блюдечка,—поушай, подай-ка сюда чаю. Вотъ видишь ли, Спиринъ Яковлевичъ, обратился къ нему Хохлаковъ, какъ дто не замѣчая, что Спиридонъ Яковлевъ едва ситъ на мѣстѣ, охваченный тысячью подозрѣній:—вотъ

видишь ли, ты говоришь, надо задержать Пояркова, чтобы поскорѣе его задушить?

— Какъ задушить? Помилуйте, Филаретъ Павловичъ, невозможное дѣло-съ... Я только, значитъ, по закону.

— Это все то же, Спиридонъ Яковличъ, и разницы не составляетъ. И по закону можно отлично хорошо сцапать человѣка въ лапы и такъ его исковеркать въ одну минуту, что и духъ вонъ. Развѣ это благородно? Это, братецъ ты мой, вовсе дѣло неодобрительное и такъ нельзя. Ты по человѣчеству суди, а не то, чтобы какъ либо этакъ не по-христіански. Такъ-то! Вотъ пей-ка чай. Чай у меня самый ханскій, изъ первыхъ сборовъ.

Спиридонъ Яковлевъ былъ блѣденъ, руки его немного вздрагивали, когда онъ бралъ съ подноса стаканъ, сунувъ предварительно подъ свое сидѣнье шапку. Судя по тону голоса Филарета Павловича, онъ догадывался, что разсчеты его на жирный кусокъ ускользаютъ, кѣмъ-то разрушаемые, и подавляемый мрачными подозрѣніями, онъ чувствовалъ, что подъ нимъ какъ будто роетъ кто-то яму, и вотъ, сейчасъ столкнетъ его туда.

— Такъ вотъ, братецъ мой, Спиридонъ Яковличъ,—тянулъ Хохлаковъ, любуясь смущеніемъ гостя и давно уже догадываясь о его разрушающихся надеждахъ.—Теперь, можетъ, Петръ-то Ѳедоровичъ закатываетъ уже вдоль по большой дорогѣ въ губернію, а можетъ, и въ самый Питеръ укатитъ, а ты вотъ сидишь тутъ да и сердишься на меня, что я его отпустилъ.

— Я что-же... Помилуй-те... Я только ради угож денія вамъ.

— Это такъ! Это я понимаю. Я только къ при мѣру. Пей еще стаканчикъ. Эй, дѣвушка!

— Покорнѣйше благодаримъ, довольно,—отговаі вался Спиридонъ, кивая головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого нельзя! Подавай еще. братецъ мой Спиридонъ Яковличъ, и самъ тебя оче ь

люблю, потому какъ ты мужикъ съ разсудкомъ и умѣешь все понимать.

— Покорнѣйше благодарю, — тревожно отвѣтилъ Спиридонъ Яковлевъ, не зная, какъ бы отдѣлаться отъ чаю и убѣжать поскорѣе отъ Филарета Павловича.

— Благодарить не за что, а правда, она правдой завсегда и будетъ. Только я тебѣ скажу, что на счетъ Пояркова ты ошибся... Ей-ей ошибся, прозѣвалъ..

— Что такое, въ чемъ, напримѣръ?

— А въ томъ, что мимо твоихъ рукъ дача проскользнула—вотъ что! Чего таить, проскользнула—и шабашъ!

— То-есть какъ это?—съ безпокойствомъ спросилъ Спиридонъ Яковлевъ, чувствуя, что яма подъ нимъ дѣлается все глубже.

— Да такъ же, прозѣвалъ... Я, братецъ мой, гусь старый и давно вижу, куда ты мѣтишь, только ужъ извини,—не умѣтилъ.

— Филаретъ Павловичъ...—заговорилъ Спиридонъ Яковлевъ, опять вставая со стула и отодвигая подальше отъ себя ненавистный ему стаканъ съ чаемъ.—Филаретъ Павловичъ, вы меня извините—лучше прямо все сразу, нежели такъ томить... Что же я прозѣвалъ, напримѣръ, такое? Вѣдь я и самъ не скрываюсь, что дѣйствительно тогда оплошалъ, когда можно было у Петра Ѳедоровича взять въ залогъ дачу... Ну, такое время было и деньги затрачены на другое... Но чѣмъ же я оплошалъ теперь?

— Нѣтъ, я не о томъ, — уклончиво отвѣтилъ Филаретъ Павловичъ,—я говорю, братецъ мой, что аппетитъ у тебя большой, ну, только еще сноровки мало. Вотъ хоша бы теперь взять на счетъ поярковскаго сына: гляди, парень, какъ бы и тутъ не случилось какой-нибудь оказіи.

Спиридонъ Яковлевъ при этихъ словахъ опять пугливо оглянулся назадъ, думая, что ужъ не узналъ ли Хохлаковъ о женитьбѣ Анатолія.

— Ничего, не бойся, никто не услышитъ,—успокоилъ, улыбаясь, Хохлаковъ, — да и что же такого неблагороднаго, ежели ты и въ дружбѣ съ нимъ. Дѣло хорошее. Ты человѣкъ съ понятіемъ, знаешь, что онъ наслѣдникъ и можно его опутать, а черезъ него на укціонѣ дачу лѣсную выкупить... Ну, только я тебѣ скажу, все это, братецъ мой, вилами на водѣ писано... хе, хе, хе!

Филаретъ Павловичъ посмѣялся тихимъ хохотомъ и неторопливо распуталъ часть полотенца, окутывавшаго его шею.

— Тепловато стаетъ мнѣ,—добавилъ онъ, раскрывая нѣсколько и полы халата.—Такъ-то-сь, другъ сердечный, прозѣвалъ, ужъ извини, а я тебя обошелъ и укціону теперь ждать долго.

— Какъ же это такъ, Филаретъ Павловичъ, и зачѣмъ же вы повадку ему дѣлаете?

— Мнѣ, братецъ мой, его жаль. Очень я его жалѣю... Хорошій человѣкъ...

— Вы, значитъ, отсрочили ему, проценты приписали, Филаретъ Павловичъ.

— Н-да-а! Отсрочилъ... Нельзя круто съ людьми. Надо тоже и о Богѣ подумать.

— Большіе проценты-съ, Филаретъ Павловичъ?

— Зачѣмъ большіе... Какъ слѣдуетъ, по закону.

Спиридонъ глубоко вздохнулъ, не зная, куда теперь броситься, и сталъ прощаться съ Хохлаковымъ.

— Нѣтъ, ты погоди, Спиридонъ Яковличъ,—остановилъ его Хохлаковъ,—погоди, мнѣ нужно съ тобой по большому дѣлу поговорить. Садись-ка, да выпей еще стаканъ, покорнѣйше прошу, что ты, вѣдь это не хмѣльное. Вонъ ты какъ спаиваешь Анатолія Пояркова, да еще хмѣльнымъ; а вѣдь это чай.

— Что вы, Филаретъ Павловичъ, это врутъ в е, такъ сдуру болтаютъ. Зачѣмъ мнѣ его спаива ь, какая польза?

— Ну, да ладно... Садись. Дѣло есть къ тебѣ и большое.

Спиридонъ Яковлевъ послушно сѣлъ. Вся его фигура представляла теперь что-то запуганное, растерявшееся и дѣйствующее подъ чужимъ вліяніемъ; глаза перестали пытливо нырять по угламъ; правая рука съ измятой шапкой уныло повисла, и рыжая бороденка немилосердно страдала отъ щипаній, которымъ подвергала ее лѣвая рука Спиридона Яковлева, не замѣчавшаго въ тревогѣ своего самоистязанія.

— Вотъ видишь ли, какого роду статья,—началъ Хохлаковъ: — правду ли говорятъ, что ты аренду Поярковской мельницы отсрочилъ еще на два года?

— Правда, Филаретъ Павловичъ, это точно. Отсрочилъ. Такъ хорошо наладилось дѣло, что и лучше не надо...

— Жаловался мнѣ Петръ Ѳедоровичъ, что ты очень его стѣснилъ и больно мало ему далъ за это.

— Дѣло торговое вѣдь. У всякаго свой разсчетъ.

— Оно такъ, вѣрно... Только ужъ очень жаловался Петръ Ѳедоровичъ; можно сказать, говоритъ, онъ меня ограбилъ. И лугъ, говоритъ, арендованъ даромъ почти.

— Вретъ онъ, ей-Богу, вретъ, то-есть такъ вотъ прямо и вретъ,—торопливо оправдывался Спиридонъ, забывая, что въ этомъ оправданіи нѣтъ никакой надобности.

— Вретъ ли, нѣтъ ли, не знаю, а жаловался! И я пожалѣлъ его, признаться, очень пожалѣлъ; потому, ежели по его словамъ судить, такъ вѣдь это дѣйствительно грабежъ...

— Дѣло любовное, Филаретъ Павловичъ, я не неволилъ, какъ говорится, не чортъ толкалъ, самъ напалъ...

— Чего тутъ любовнаго, братецъ мой, ежели человѣку приходится туго.

— Да вы что же это, Филаретъ Павловичъ, разспрашиваете меня,—вдругъ спохватился онъ, вспомнивъ, что Хохлаковъ хотѣлъ говорить о дѣлѣ, а вмѣсто того завелъ рѣчь совсѣмъ о постороннемъ пред-

метѣ. — Вы хотѣли что-то такое поговорить о дѣлахъ.

— Я о нихъ, братецъ мой, и говорю. Эта самая мельница и луга касаются меня.

— То-есть, это вы какъ же... на счетъ чего же... Филаретъ Павловичъ?—испугался Спиридонъ Яковлевъ: —какъ же мельница и луга могутъ васъ касаться, ежели они у меня въ арендѣ? Я, значитъ, арендатель, я имъ хозяинъ до самаго послѣдняго сроку.

— Это та-акъ, — протянулъ Хохлаковъ, оправляя на шеѣ полотенце,—это ты такъ, правильно. Только, видишь ли, тутъ есть теперь кое-какіе вопросцы. Они, пожалуй, и небольшіе, а все же ихъ надо рѣшить, чтобы безъ суда, а ежели судиться, такъ вѣдь хуже.

— Зачѣмъ же судиться, Филаретъ Павловичъ, что вы, неужели мы не знаемъ, что это ужъ послѣднее дѣло. Помилуйте, довольно хорошо понимаемъ, что значитъ судъ...

— То-то я и говорю, что по суду не въ примѣръ хуже будетъ... Видишь ли, когда ты въ аренду мельницу-то взялъ, такъ тутъ около нея было ивовыхъ деревъ видимо-невидимо, а теперича вѣдь больно порѣдѣло... Ты ужъ за это мнѣ заплати.

— Какъ это вамъ? Вѣдь мельница Пояркова,— изумился Спиридонъ Яковлевъ, привставая со стула.

— Нѣтъ ужъ, она не Пояркова, а наша, да и лугъ-то нашъ тоже, вотъ что! Ты хотя и арендатель и до послѣдняго дня срока аренды хозяинъ, ну, только я тебѣ скажу, лучше ты возьми обратно аредныя деньги и отступись.

— Помилуйте-съ, Филаретъ Павловичъ, не обидьте...

— Зачѣмъ обижать, это неблагородное дѣло, лучше въ миру да въ согласіи. Ты возьми арендныя деньги, а мельницу я перестрою и пущу на восемь поставов замѣсто двухъ-то. Вотъ что! Въ такомъ разѣ, то-ест ежели мирно, я тебя тѣснить не буду, хоша ты это лѣсу повырубилъ тутъ страсть сколько—я вѣдь уж видѣлъ, нарочно ѣздилъ самъ...

— Ну, что же, за лѣсъ-то можно заплатить,— робко замѣтилъ Спиридонъ Яковлевъ.

— Хорошо, и на этомъ спасибо, Спиридонъ Яковличъ, спасибо. Только видишь ли, въ такомъ разѣ ежели, значитъ, не хочешь отъ аренды отказываться, въ такомъ разѣ мы кредитъ тебѣ по лавкѣ закроемъ, да окромя того, пошлемъ нашего молодца съ товаромъ по тѣмъ селамъ, гдѣ твои ребята торгуютъ;—можетъ, у нашего-то приказчика товаръ подешевле будетъ... Гляди самъ, какъ лучше.... Не потерпѣлъ бы ты убытку, а? Какъ смѣкаешь!

Спиридонъ молчалъ.

Спустя нѣкоторое время онъ ѣхалъ обратно въ Красныя Горки унылый и часто оглядывался назадъ, точно боясь, что ласковый, тихій и всегда привѣтливый Филаретъ Павловичъ догонитъ его и вкрадчиво, закинувъ на шею петлю, потихоньку будетъ ее затягивать.

— Экая жила,—ругалъ его Спиридонъ Яковлевъ,— я его считалъ за апостола, а теперь считаю за кобеля пестраго—вся ему и цѣна въ этомъ.—Спиридонъ Яковлевъ досадовалъ, и въ то же время его одолѣвали сомнѣнія на счетъ того, что, пожалуй, въ Красныхъ Горкахъ уже всѣ знаютъ о женитьбѣ Анатолія, что если встрѣтившійся утромъ старикъ слышалъ объ этомъ разговорѣ, то и другіе могли слышать и передать вѣсти и на барскій дворъ. И что если Петръ Ѳедоровичъ узналъ о женитьбѣ сына, какую онъ теперь подниметъ бурю! Спиридонъ Яковлевъ, томимый подозрѣніями, раскаивался даже и въ томъ, что женилъ Анатолія на своей дочери.

Санишки его проѣхали, наконецъ, мимо барскаго дома. Взглянувъ туда съ замираніемъ сердца, онъ увидалъ во дворѣ у крыльца возокъ, запряженный четверкой лошадей.

— Уѣзжаютъ! — рѣшилъ онъ, и не зналъ, радоваться ли этому или печалиться.

XXI.

Но слухи о женитьбѣ Анатолія были уже занасены въ домъ Пояркова, только еще не проникли далѣе людской. Въ то время, когда сносились и укладывались въ возокъ вещи, на кухнѣ прислуга шушукалась между собою. Никто, однако же, не рѣшался идти къ господамъ и разсказать о новости, отчасти сомнѣваясь еще, справедлива ли она.

Въ господскихъ комнатахъ въ это время готовились къ отъѣзду. Петръ Ѳедоровичъ былъ уже въ дорожномъ костюмѣ, съ сумкой черезъ плечо и въ высокихъ, опушенныхъ медвѣжьимъ мѣхомъ сапогахъ, а Глафира Александровна и Настя — въ суконныхъ черныхъ платьяхъ. Отъѣздъ замедлялся только изъ-за разговора, который завелъ Анатолій съ отцомъ. Никто этого разговора не ожидалъ и тѣмъ болѣе потому, что Анатолій всегда упорно отмалчивался въ отвѣтъ на всѣ нравоученія, но теперь такъ неожиданно заговорилъ и со странною всѣхъ поразившею дерзостью. Началось съ того, что вся семья собралась въ залу, чтобы, посидѣвъ по обычаю нѣсколько секундъ молча, помолиться потомъ на образъ и проститься съ отъѣзжающими. Петръ Ѳедоровичъ, какъ человѣкъ европейскаго образованія, не признавалъ за этимъ обычаемъ никакого значенія, но изъ угожденія матери, исполнялъ его всегда, и теперь точно также хотѣлъ исполнить, но только-что всѣ усѣлись на стулья,—вдругъ Анатолій сказалъ:

— Напрасно ты, папа, меня обвиняешь... Я ни въ чемъ не виноватъ... Скорѣе ты самъ...

— Я виноватъ, что ты дурно себя ведешь?

— Нѣтъ, я о другомъ... Есть тутъ одно обстоятельство,—уклончиво намекнулъ Анатолій и замолчалъ.

Молчаніе это было странно при намекѣ Анатолія на какое-то обстоятельство, о которомъ онъ не захотѣлъ ничего разсказывать.

— Что за странные намеки!—брезгливо замѣтила Глафира Александровна.

— Къ чему же ты начинаешь? — встревожился Петръ Ѳедоровичъ, испугавшійся, не намекаетъ ли Анатолій на тѣ тяжелыя условія, на которыхъ былъ отсроченъ долгъ Хохлакову.—Если ты,—продолжалъ онъ, — нѣсколько исправляешься и сегодняшній день ведешь себя лучше, какъ я замѣчаю, съ предыдущими днями, то я этому душевно радъ.

— Это ты мнѣ, папа, зубы заговариваешь...—перебилъ Анатолій, мрачно косясь на отца.—Радуешься ли ты моему хорошему поведенію или печалишься— это еще вопросъ. Даже и въ томъ вопросъ, я ли дурно себя веду, не другіе ли кто. Если поприсмотрѣться, такъ, пожалуй, можетъ быть, ты одинъ и виноватъ во всемъ.

— Анатолій, не говори нелѣпостей! — возразилъ Петръ Ѳедоровичъ, — постарайся лучше исправиться. Оглянись на себя.

— Покорнѣйше благодарю, и вамъ того же желаю...

— Ахъ, какъ ты грубъ!—обиженно возразила Глафира Александровна.

— Позвольте, мама, попросить минутку молчанія, не волнуйтесь, а то опять нервы, мигрени и т. д.— старая исторія...

— Это, однако-же, ни на что не похоже... Всему есть мѣра, — сказала Глафира Александровна, поднимаясь со стула. — Петръ Ѳедоровичъ, прикажите ему замолчать, или я уйду и уведу дѣтей.

Петръ Ѳедоровичъ тоже всталъ и началъ для чего-то поправлять на плечѣ ремень своей дорожной сумки.

— Chère maman,—обратился онъ къ матери,—позвольте проститься,—и видя, что она на него сердится, нашелъ нужнымъ еще разъ ее успокоить. — Увѣряю васъ, maman, — говорилъ онъ, нѣжно припадая къ ея рукѣ,—увѣряю васъ, что я буду аккуратно каждую недѣлю вамъ писать. Я и объ Анютѣ тоже, maman, позабочусь... Можно будетъ вообще подготовить почву

къ ея экзаменамъ, если она дѣйствительно хочетъ сдавать гимназическій курсъ.

— Пожалуйста, объ Анютѣ не нужно,—перебила бабушка почти строго, — о ней предоставь заботы мнѣ...

— Виноватъ, maman! Я ничуть, я только вообще замѣтилъ... и если вамъ угодно...

— Давно уже ты это знаешь и слыхалъ не разъ,— продолжала Вѣра Антоновна, несмотря на сына:—и не для чего распространяться.

— Я не смѣю возражать, maman! Я только хотѣлъ объяснить свои намѣренія, И вообще о дѣтяхъ...

— Конечно, maman,—поддержала и Глафира Александровна, видя, что мужъ нѣсколько ежится отъ холоднаго тона матери:—конечно, онъ иногда увлекается. Много въ немъ огня, вообще... Но нельзя же думать, что онъ не заботится о дѣтяхъ!

Глафира Александровна величественно приподняла голову и посмотрѣла на Настю, ища въ ея глазахъ одобренія своимъ сказаннымъ съ достоинствомъ словамъ. Настя сейчасъ же смѣтила, чего отъ нея ждутъ, и склонилась головой къ плечу матери.

Петръ Ѳедоровичъ пріободрился и бойко подсѣлъ къ матери, начиная ее увѣрять въ своей благонамѣренности.

— Ну, хорошо, хорошо,—нетерпѣливо замѣтила Вѣра Антоновна,—собрались, такъ чего же еще оправдываться и откладывать. Поѣзжайте.

— Погодите, — перебилъ Анатолій вставая, — мнѣ необходимо сказать... вотъ что... Видите ли, какое дѣло. Я хочу сказать, что... вы обо мнѣ не безпокойтесь, незачѣмъ... Лучше о себѣ, а я какъ-нибудь самъ...

Онъ былъ въ волненіи и дышалъ тяжело и голосъ его, сразу упавшій на низкія ноты, вдругъ оборвался.

Всѣ въ недоумѣніи переглянулись, не понимая, что за странныя такія перемѣны происходятъ съ Анатоліемъ, и только поняли, что онъ чѣмъ-то томится и что-то хочетъ сказать, несомнѣнно его безпокоющее.

какъ вдругъ онъ нахмурился и рѣшительно махнулъ рукой, точно говоря этимъ жестомъ, что не стоитъ объясняться.

— Ну, что же, что? Говори, Анатолій,—нетерпѣливо просилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Нѣтъ, не стоитъ... Вздоръ...—рѣзко отвѣтилъ онъ, — все равно... Поѣзжайте... Я хотѣлъ сказать, зачѣмъ вы Анюту не взяли—съ чего вы дѣтей возстановляете противъ себя... И меня возстановили, и я теперь не могу безъ злобы на васъ взглянуть. Что я теперь такое, куда я годенъ? Бросили какъ щенка, ну, я и попалъ въ собачьи лапы... Стыдно вамъ, стыдно, по заграницамъ разъѣзжаете, а тутъ чортъ знаетъ, что со мной дѣлаютъ... Опутали... Теперь я, можетъ быть, совсѣмъ пропащій человѣкъ.

Губы его дрожали отъ волненія, которое, видимо, увеличивалось съ каждымъ словомъ, но то, что мучило его и сосало сердце, еще все оставалось не сказаннымъ и въ этомъ была причина того волненія, которое овладѣло имъ.

— Анатолій, что съ тобой?—съ изумленіемъ спрашивалъ Петръ Ѳедоровичъ,—на кого ты жалуешься, кто тебя, говоришь, опуталъ?

— Вы опутали... Конечно... Я вамъ прямо всю правду скажу. Что тутъ еще въ самомъ дѣлѣ. Ну, пропалъ я—и только—и все равно: не сегодня, завтра, черезъ годъ, черезъ десять — все равно — пропаду я такъ же, какъ и всѣ мы, живущіе въ этомъ отвратительномъ свѣтѣ...

— Перестань такъ говорить,—сердито остановила его бабушка, вставая.—Это тебѣ онъ обязанъ такими прекрасными мыслями, — замѣтила она, обращаясь къ Петру Ѳедоровичу.

Петръ Ѳедоровичъ пожалъ плечами и, вздохнувъ, сказалъ:

— Maman, — позвольте... Лошади такъ долго ждутъ.

— Я не задерживаю, видишь самъ.

— Но, бабушка, — обратился къ ней Анатолій,— долженъ же онъ меня дослушать... это что же, наконецъ, такое...

— Нѣтъ, нѣтъ, уволь, Анатолій, — заторопился Петръ Ѳедоровичъ, — лучше послѣ, потомъ, когда я возвращусь. Я тебѣ только одно скажу, что не приведетъ къ добру такое поведеніе.

— Какая новость!—замѣтилъ Анатолій, смотря въ полъ.

Старушка стала молиться. Петръ Ѳедоровичъ изъ приличія помоталъ рукой около груди, что замѣняло у него крестное знаменіе; помолились всѣ, кто какъ хотѣлъ, и стали прощаться. Прощаясь съ Анатоліемъ,— Петръ Ѳедоровичъ сказалъ:

— Исправляйся, я буду хлопотать. Можетъ, удастся пристроить тебя куда-нибудь.

— Не нужно. Я не поѣду. Я не могу.

— Ну, хорошо, хорошо. Тамъ увидимъ.

И когда возокъ, наконецъ, тронулся со двора, Анатолій все еще колебался, сказать ли отцу о своей женитьбѣ или умолчать. Онъ шелъ рядомъ съ окномъ, у котораго сидѣлъ теперь въ возкѣ Петръ Ѳедоровичъ и отдавалъ послѣднія приказанія Савелію, шедшему тутъ же около Анатолія.

— Хозяйственные припасы, какіе нужно будетъ, получайте изъ Малорѣченска, изъ лавокъ Хохлакова. Объ этомъ я условился,—сказалъ онъ.

— Слушаю-съ, — почтительно отвѣчалъ Савелій и косился на Анатолія, присматриваясь къ его лицу. Слухи о его женитьбѣ уже дошли и до Савелія, но онъ, какъ и всѣ слышавшіе объ этомъ, былъ въ сомнѣніи, правду ли разсказываютъ—и молчалъ.

Когда возокъ выѣхалъ за ворота, Анатолій махнулъ рукой, точно отгоняя отъ себя одолѣвавшія его думы Бабушка и Анюта уже вернулись въ комнаты, и Савелій, оглянувшись назадъ, точно удостовѣрясь, дѣйствительно ли онѣ ушли,—тихо сказалъ Анатолію, въ раздумьи стоявшему по срединѣ улицы:

— Анатолій Петровичъ, о васъ говорятъ въ деревнѣ что-то совсѣмъ несообразное.

— Ну?—рѣзко спросилъ Анатолій.

— Сказываютъ такъ, что будто бы вы женились на Спиридоновой дочери. Неужели это, Анатолій Петровичъ, правда. Скажите, баринъ, голубчикъ, не таите. Неужели это возможное дѣло, а?

Анатолій повернулъ къ нему въ полъ-оборота голову, помолчалъ, точно прислушиваясь къ его словамъ:

— Пошелъ къ чорту,—рѣзко сказалъ онъ, и отправился къ себѣ во флигель, одолѣваемый мрачными думами.

Савелій, однако, шелъ за нимъ и шепталъ свое.— Вѣдь если они васъ въ нетрезвомъ видѣ... вѣдь ихъ за это можно судомъ-съ... Извольте сообразить...

Анатолій сталъ прислушиваться. Савелій, замѣтивъ это, началъ развивать свои соображенія, что можно послать депешу къ папашѣ на первую же станцію и упечь не только попа, а и Спиридона Яковлева со всѣми его свидѣтелями.

— Все вздоръ, ерунда! — вдругъ возразилъ Анатолій.

— А ежели такъ, то и слава Богу-съ—почти радостно замѣтилъ старикъ,—и все это малодушіе слѣдоваетъ вамъ, Анатолій Петровичъ, бросить. Васъ папаша могутъ устроить нетокма што въ губернскомъ, а прямо къ дѣдушкѣ Павлу Степановичу. Дѣдушка сановитый вельможа-съ!.. И тогда, Богъ дастъ, даже и себѣ не повѣрите-съ, что бывали въ такомъ малодушіи. Оно, конечно, здѣсь мѣсто глухое и отъ мечтаній больше разныя этакія житейскія слабости. А тамъ, въ Питерѣ, совсѣмъ другой порядокъ, и ежели Господь поможетъ папашѣ, вы, то-есть, въ наилучшемъ видѣ преобразитесь. И невѣсту сообразную съ положеніемъ вашимъ присмотрятъ.

— Отстань ты отъ меня, старый хрѣнъ,—вдругъ завопилъ Анатолій, вскакивая съ кровати, на которой лежалъ, слушая вкрадчивую рѣчь Савелія.

Старикъ вздрогнулъ и отступилъ отъ него шага на два, съ удивленіемъ смотря на искривленное злобой лицо Анатолія.

— Что ты мнѣ тутъ бобы разводишь? — злобно кричалъ онъ, развѣ я не знаю отца? Ты изъ ума выжилъ отъ старости и не замѣчаешь, что кругомъ дѣлается. Вотъ подожди, увидишь, какъ мы всѣ полетимъ внизъ головой въ пропасть.

— Да вы женились, что ли?—спросилъ еще разъ Савелій.

— Пошелъ къ чорту!—дико закричалъ Анатолій и свалился опять на кровать, закрывъ лицо руками.

Такъ пролежалъ онъ до того времени, пока не ушелъ изъ его комнаты Савелій.

— Куда броситься?—томился онъ, когда дверь за старикомъ тихо затворилась. — Пойду къ бабушкѣ и все разскажу, пусть, что хочетъ, то и дѣлаетъ, пусть телеграфируетъ отцу.

Онъ вышелъ изъ флигеля и рѣшеніе свое, казалось, считалъ непреложнымъ, но войдя въ столовую, почти обрадовался, что бабушки въ этой комнатѣ не было.

— Анюта, гдѣ бабушка? — спросилъ онъ сестру, испуганно вышедшую изъ своей комнаты на звукъ его шаговъ.

— Тише,—зашептала она,—тише: бабушка нездорова.

— Что съ ней? — зашепталъ и онъ, охваченный испугомъ сестры.

— Давеча выходила провожать папу, вѣроятно, простудилась, теперь лежитъ въ жару. Тебѣ зачѣмъ ее? Если что нужно, скажи—я сдѣлаю.

— Ахъ, отстань, — нахмурился онъ и пошелъ обратно къ себѣ во флигель.

Оставаться одному съ тоской и сомнѣніями не был никакой возможности, и спустя полчаса, Анатолій ока зался опять въ избѣ того же Спиридона Яковлева, н котораго только-что хотѣлъ жаловаться бабушкѣ.

— Проводили родителя?—спросилъ Спиридонъ Яковлевъ, какъ только онъ вошелъ въ избу.

— Да,—отвѣтилъ мрачно Анатолій, не кланяясь, и молча сѣлъ на скамью у стола.

Спиридонъ Яковлевъ тоже помолчалъ.

— Деньжонками раздобылся Петръ Ѳедоровичъ,—сказалъ онъ, прерывая молчаніе.

— Не знаю. Вѣроятно.

— Это ничего-съ, Анатолій Петровичъ, повѣрьте, сколько бы тамъ ни было-съ, все единственно, какъ въ трубу... Конечно, жаль, вотъ теперича насчетъ мельницы и лужка—очень даже обидно.

Спиридонъ Яковлевъ сталъ разсказывать о своемъ разговорѣ съ Хохлаковымъ, но Анатолій едва ли слышалъ что-либо изъ его разсказа, занятый своими думами.

— Замолчи ты, чортъ тебя побери!—вдругъ прервалъ онъ Спиридона Яковлева, вздрогнувшаго даже отъ его громкаго, а главное неожиданнаго крика:—что ты мнѣ тутъ городишь всякій вздоръ? Очень мнѣ нужны твои жалобы. Я самъ хочу на тебя жаловаться и на пріятеля твоего Захара. Вы меня съ нимъ опутали и думаете, что такъ вотъ и удалось вамъ вывернуться.

— Это дѣло ваше, Анатолій Петровичъ, какъ угодно,—спокойно замѣтилъ Спиридонъ Яковлевъ,—я супротивъ этого ничего не могу-съ... Тамъ разберутъ, какъ и что... Марѳинька,—крикнулъ онъ, пріотворяя дверь,—принеси-ка закусить. Что-то проголодался и прозябъ, давеча ѣздилъ въ городъ,—сказалъ онъ въ видѣ поясненія причинъ, по которымъ потребовалась закуска.

Выпивку достать было ближе, она въ той же избѣ въ крашенномъ шкафчикѣ стояла. Спустя минуту, другую, мрачное расположеніе духа Анатолія нѣсколько поосвѣтлѣло, въ избѣ уже не было Спиридона, а съ Анатоліемъ сидѣла законная жена его, Марѳа Спиридоновна.

— Да вѣдь ты просто красавица,—увѣрялъ онъ, ласкаясь къ ней,—вѣдь у тебя такое свѣжее румяное лицо и душа у тебя такая славная, добрая.

— Ну, ну, ладно ужъ.

— Милая, милая... ласкался онъ.

— Ты самъ такой же,—стыдливо потупясь, прошептала она,—ишь, какъ ухватился... пусти, безстыдникъ.

XXII.

Бабушка расхварывалась. Анатолій не видалъ ее уже дней пять. Ночевалъ онъ обыкновенно у Спиридона, который изъ дальновидныхъ соображеній ничѣмъ не вмѣшивался въ его отношенія къ молодой женѣ, не дѣлалъ ему даже никакихъ намековъ на то, что пора бы ему взять ее къ себѣ, и какъ-будто даже соглашался, что Анатолій именно такъ и долженъ вести себя: утромъ уходить домой и вечеромъ приходить къ женѣ и ночевать съ ней. Спиридонъ Яковлевъ въ тайнѣ радовался, что горячіе слѣды остыли и Анатолій живетъ съ его дочерью «въ законѣ». Но слухи о женитьбѣ Анатолія перешли уже изъ области предположеній въ дѣйствительность, и не только прислуга въ домѣ Пояркова говорила объ этомъ громко, но и возвратившаяся изъ своей поѣздки жена Спиридона Яковлева уже явно кичилась родствомъ съ господами. Знала уже и сестра Анатолія, Анюта, что братъ женился на дочери Спиридона Яковлева, и что мать ея только о томъ и думаетъ, какъ бы помѣстить свою дочь вмѣстѣ съ господами. Анюта услыхала объ этомъ отъ Савелія вскорѣ послѣ отъѣзда изъ усадьбы Петра Ѳедоровича. Она вспыхнула, не зная, что ему отвѣчать, и хотѣла тотчасъ же идти къ бабушкѣ, чтобы все слышанное передать ей, но Савелій самъ испугался того волненія, которое замѣтилъ на лицѣ Анюты.

— Вы, барышня, не извольте тревожиться, а тѣмъ паче бабушку безпокоить. Сами изволите знать, ч о она въ болѣзни...

— Но какъ же, что же дѣлать?—спрашивала Аню , не зная, куда смотрѣть.

— Главная причина-съ — нужно хладнокровіе, а

тамъ уже все какъ-нибудь, Богъ дастъ, обойдется. Прежде всего извольте съ братцемъ поговорить, внушите имъ, что во флигелѣ невозможно... Папенька узнаютъ, поднимутъ баталію...

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ Савелій, я не могу!.. Ахъ, какія ужасныя обстоятельства! — воскликнула она и ушла, не сказавъ Савелію ничего рѣшительнаго.

Она была въ большой тревогѣ, не зная, въ чемъ искать спасенія отъ неожиданной бѣды, вдругъ обрушившейся надъ ихъ домомъ, и послѣ разговора съ Савеліемъ долго томилась тяжелыми предчувствіями: то ей казалось, что извѣстіе о женитьбѣ Анатолія убьетъ бабушку, то вдругъ представлялось, что отецъ убьетъ Анатолія, какъ только узнаетъ о его женитьбѣ на крестьянской дѣвушкѣ.

Однако же, она пересилила себя и въ этотъ же день заговорила съ братомъ. Они сидѣли въ столовой за самоваромъ. Анатолій молча пилъ чай и не смотрѣлъ на сестру, сидѣвшую на мѣстѣ бабушки. Онъ былъ почти трезвый, что въ послѣдніе дни чаще стало въ немъ замѣчаться.

— Толя, — обратилась сестра, боязливо на него взглянувъ.

— Что тебѣ?—отвѣтилъ онъ, не глядя на нее.

— Скажи мнѣ, что это такое... разсказываютъ.. будто ты женился.

— Можетъ быть.

— Правда это? Да? На дочери Спиридона?—спрашивала она, стараясь казаться спокойною.

— Правда.

— И ты такъ беззаботно объ этомъ говоришь! Толя!..

— Что же мнѣ, на стѣну, что ли, лѣзть?—грубо отвѣтилъ Анатолій и сердито отодвинулъ стулъ, выходя изъ-за стола.

— Ахъ, ради Бога, тише,—испуганно прошептала сестра:—бабушка только-что заснула.

Онъ хотѣлъ уйти, не находя никакого интереса въ

разговорѣ съ сестрой, но она остановила его, торопливо выйдя съ другой стороны стола ему на встрѣчу.

— Толя, ради Бога, на одну минуту останься. Мнѣ нужно поговорить.

— О чемъ это? о томъ, что «ахъ, ахъ, какой ужасъ!» Этого я не хочу слушать, не хочу. И къ чему тутъ разспросы: «какъ же, да зачѣмъ же?» Безполезны они!

— Но что же скажетъ папа... родные?..

Анатолій помолчалъ и вдругъ перемѣнилъ тонъ.

— Бабушка не знаетъ?—прошепталъ онъ, оглядываясь.

— Нѣтъ еще... Я не говорила. Я и сказать не рѣшаюсь.

Онъ сѣлъ на диванъ и замолчалъ, склонивъ голову на обѣ руки.

— Нельзя ли, Толя, какъ-нибудь поправить?—спросила сестра.

— Фу, какой ты вздоръ говоришь,—прервалъ онъ, сердясь и вставая съ дивана.—Какъ это въ васъ нѣтъ нисколько соображенія. Ну, что поправить, подумай, какая нелѣпость! Развѣнчивать, что ли, меня? Да, наконецъ, я просто самъ не хочу никакихъ перемѣнъ.

— Ты страдаешь, я вижу, что ты страдаешь...

— Я страдаю не отъ того, что женился. Есть много другихъ причинъ. Дѣла отца...

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, ты не то говоришь... Погоди, погоди пожалуйста, не уходи,—зашептала она, видя, что братъ взялся за фуражку:—я слышала... мнѣ говорили... Неужели ты въ самомъ дѣлѣ хочешь ее перевести сюда?

Онъ остановился и выраженіе его лица рѣзко из[мѣ]нилось.

— Да... Я и самъ теперь не знаю, какъ быть — нерѣшительно проговорилъ онъ, вздохнувъ, — обст[о]ятельства такъ скверно складываются. И я рѣшител[ьн]о не виноватъ.

— Ахъ! Это ужасно! Я понимаю, что поправить нельзя. Но какъ же быть, что дѣлать?

Ея печальный тонъ снова возмутилъ его.

— Какъ мнѣ противны эти ваши вздохи и ахи,— брезгливо перебилъ онъ.—Ну, что важнаго въ томъ, что человѣкъ женился, или тамъ женили его, что ли? Кто тутъ въ дуракахъ, ужъ не я ли по-твоему? Вотъ вздоръ какой!.. Вовсе не я! Я свободный человѣкъ всегда и вездѣ. Мила мнѣ она, живу съ ней, не мила— могу всегда оставить... Онъ, оселъ, воображаетъ по своей глупости, что связалъ меня женитьбой по рукамъ и ногамъ. Ошибается, очень ошибается.

— Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же ты хочешь ее перевести сюда во флигель? Оставь ее, когда самъ говоришь, что это такъ легко сдѣлать.

— Я и оставлю, когда захочу.

— Но отчего же не теперь?..

— Теперь, во-первыхъ, отецъ ее гонитъ, говоритъ, чтобъ я взялъ ее къ себѣ.

— Ахъ, Толя, какой ты странный! Тебя рѣшительно не поймешь...

— Нечего и понимать!—грубо отвѣтилъ онъ, впадая въ свое обычное мрачное настроеніе духа.

— Но потомъ, когда ты оставишь ее, что-жъ тогда съ тобой будетъ? Подумай, ты же будешь связанъ ею. Ты будешь не холостой и не женатый.

— И даже не вдовый,—добавилъ онъ съ грустной улыбкой.

— Да, да, Толя... Это ужасное положеніе, подумай...

— Ничего ужаснаго нѣтъ, никакой разницы... Это прежде давно... при царѣ Горохѣ... Теперь чортъ знаетъ, что кругомъ творится. Мужья женъ бросаютъ, жены мужей и живутъ себѣ припѣваючи.

— Ахъ, Толя, — перебила она: — ты только себя утѣшаешь, обманываешь...

— Ничуть. Мы почти бездомные, все заложено у насъ и перезаложено—стоитъ ли въ такомъ положеніи задумыватьс ... Все равно...

— Я знаю. Мнѣ бабушка говорила, что дѣла папы запутались... И тѣмъ болѣе ужасно, Толя, что въ такомъ положеніи ты себя связалъ.

— Ничѣмъ!—рѣзко возразилъ онъ.

— Какъ ничѣмъ? Ты могъ исправиться отъ своихъ, извини, недостатковъ, поступить на службу... И отецъ говорилъ, уѣзжая, что можетъ найти тебѣ службу, гдѣ-нибудь въ частной конторѣ.

— Вретъ онъ!

— Зачѣмъ ты такъ грубо...

— Пожалуйста, безъ нравоученій.

— Къ чему теперь нравоученія,—грустно сказала она, покачавъ головой и потомъ, видимо подъ впечатлѣніемъ новыхъ напугавшихъ ее мыслей, быстро зашептала:

— Подумай... Представь себѣ... Что же будетъ потомъ, когда папа пріѣдетъ; какъ посмотритъ на это мамаша... А дѣдушка услышитъ... Что онъ скажетъ?

— Нечего впередъ заглядывать, — рѣзко проговорилъ онъ.

— Но и теперь, Толя, въ настоящее время не лучше... Подумай!.. Если ты ее перевезешь во флигель, что же бабушка скажетъ, какъ она къ этому отнесется?

— Ну, что же, что же мнѣ дѣлать, — вдругъ заговорилъ онъ, сердито разводя руками:—куда же мнѣ дѣваться, въ прорубь, что ли, головой кинуться? Пойди, послушай, что они, скоты, говорятъ.

— Кто это? изумленно спросила сестра.

— Они, отецъ и мать ея... Еще вчера стали приставать: возьми, да возьми ее къ себѣ, а сегодня я разругался съ нимъ изъ-за этого... И онъ, и она въ одинъ голосъ:—выгонимъ дочь на улицу. Она плачетъ. Конечно, она скромная. Я собственно ничуть не жалѣю... Ну ихъ!.. Но вѣдь пойми, вѣдь это свинство. Согласись, не ловко же въ самомъ дѣлѣ, если они е гонятъ изъ дому. Ну, чтожъ бабушка! Все равнс рано ли, поздно ли, узнаетъ же она о моей женитьб?

Сестра печально опустилась на стулъ.

— Толя, Толя! что ты надѣлалъ!—прошептала она и тихо заплакала, закрывъ лицо руками.

XXIII.

Марфа не понимала плановъ отца и плакала, утирая рукавомъ слезы.

— Тятенька, за что же ты сердчаешь, вѣдь я не по своей же волѣ вышла за него замужъ. Мамонька, родимая! За что же вы такіе оба со мной? Нешто я васъ не почитала, али я въ домѣ не работница?

— Глупая, ты уймись,—утѣшалъ ее Спиридонъ Яковлевъ,—о твоей же пользѣ мы радѣемъ. И гдѣ же видано, чтобы мужъ да врозь съ хозяйкой жилъ? Мѣстовъ, что ли, у нихъ въ домѣ нѣту? Слава Богу, чай найдется довольно. Пойди къ нему во флигель, а я слѣдомъ за тобой на саняхъ привезу что надоть.

— Да я боюсь,—колебалась Марѳа:—Анатолій Петровичъ мнѣ строго на-строго приказывалъ, чтобы не слушаться тебя, тятенька.

— Полно, полно, Марѳинька,—утѣшала мать,—иоди, родная, къ мужу. Сама видишь, вѣдь онъ, какъ барашекъ, ласковый, не обидитъ.

— Ой, мамонька, вѣдь онъ ласковый-то, когда выпивши, а тверезой-то все хмурится. Теперь, какъ тятенька пересталъ ему давать хмѣльного, боязно мнѣ съ нимъ.

— Ничего, не бойся, Марѳинька,—утѣшалъ отецъ:—все оботрется и обомнется. Знаешь, пословица говоритъ: крута гора, да забывчива, такъ ли?

Мать суетливо снаряжала дочь изъ дому и заботилась, чтобы одѣть ее понаряднѣе, думая въ простотѣ души, что нарядъ можетъ благотворно подѣйствовать на расположеніе духа Анатолія.

Не такъ простодушно смотрѣлъ на это дѣло Спиридонъ Яковлевъ и не о нарядахъ онъ думалъ, отправляя дочь въ господскій домъ.—Не выгналъ бы, опасался онъ: «а то срамота одна будетъ и пересудовъ не оберешься».

Изъ предосторожности онъ настоялъ, чтобы дочь шла къ мужу одна и нарочно медлилъ отъѣздомъ, выжидая, не возвратится ли пожалуй она, и только тогда тронулся въ путь, когда уже былъ внѣ всякаго сомнѣнія насчетъ того, что дочь осталась во флигелѣ у Анатолія. Время для исполненія своего плана онъ избралъ, конечно, вечернее, когда нѣтъ лишнихъ глазъ, и наложивъ на сани кое-какой скарбъ, составлявшій приданое Мареы, перевезъ его въ господскій домъ.

— Не осудите, Анатолій Петровичъ, — кланялся онъ, войдя во флигель:—все же какъ ни какъ, а дочка она мнѣ Мареинька-то.

— Ахъ, уходи пожалуйста, уходи, нечего тебѣ здѣсь дѣлать,—затопалъ ногами Анатолій:—самъ дочь выгналъ, да самъ же опять и идешь.

— Нѣтъ, я вѣдь не то чтобы такъ, зря... Я за дѣломъ, будьте покойны, не гнѣвайтесь,—вкрадчиво говорилъ онъ, разводя руками и кланяясь. — Я Мареинькѣ привезъ вещи по домашности, что слѣдуетъ. Ужъ дозвольте, все же родители и желаемъ честь честью. Вещи вонъ тамотка, въ передней комнаткѣ.

— Уходи, уходи, чортъ тебя побери! — закричалъ Анатолій, еще болѣе раздражаясь отъ вкрадчивой рѣчи Спиридона.

Мареа стояла въ сторонѣ отъ нихъ, понуривъ голову, и всхлипывала, удерживаясь отъ громкаго плача. Она не поднимала глазъ ни на отца, ни на Анатолія, и только когда Анатолій закричалъ, она встрепенулась и испуганно оглянула обоихъ.

— Тятенька, уйди. Грѣхъ одинъ промежду васъ только.

— Никакого тутъ грѣха нѣтъ, Мареинька,—перебилъ отецъ:—дѣло самое настоящее и ты не тревожься. Прощенья просимъ, Анатолій Петровичъ. Я всегда со всякимъ къ вамъ уваженіемъ. Сами увидите послѣ какой такой я на свѣтѣ семъ человѣкъ. Я, можетъ болѣю о васъ сердцемъ побольше вашихъ родителей. Такъ ли-съ?

Анатолій упорно молчалъ и даже кивкомъ головы не отвѣтилъ на усердные поклоны и заискивающій тонъ своего тестя.

— Прощенья просимъ. Маренька, заходи, — сказалъ Спиридонъ Яковлевъ уже въ дверяхъ, и потомъ, какъ только выѣхалъ изъ воротъ господскаго дома, снялъ шапку и перекрестился на церковь.

— Ну, теперь слава Богу, значитъ,—рѣшилъ онъ,— я никого больше не боюсь.

Возвратившись домой, онъ встрѣтилъ въ избѣ дьячка, давно уже ожидавшаго его возвращенія.

— А, Ѳома Лукичъ, что скажешь?—радостно спросилъ онъ, здороваясь съ нимъ.

Ѳома Лукичъ былъ все тотъ-же. На затылкѣ косичка, напоминавшая крысій хвостъ, носъ сизый, тусклые глаза и желто-зеленаго цвѣта подрясникъ, закапанный воскомъ и украшенный кое-гдѣ заплатами.

— Я ожидаю тебя, Спиридонъ Яковличъ.

— Какое такое дѣло?—улыбаясь, спросилъ Спиридонъ Яковлевъ.

— Да на счетъ того... Соблаговоли, какъ назначилъ въ позапрошлый разъ. Красненькую-то бумажечку въ приношеніе. Самъ же опредѣлилъ недѣлю сроку.

— Что-й-то я въ толкъ не возьму, — нахмурился Спиридонъ Яковлевъ, почесываясь: — о чемъ ты это толкуешь.

— Эге,—подмигнулъ Ѳома Лукичъ, — ты я вижу, что-то возвращаешься вспять. Это не благоразумно. Я донесу въ такомъ случаѣ преосвященному владыкѣ и бракъ могутъ расторгнуть.

— Опоздалъ, Ѳома Лукичъ. Не расторгнутъ. Теперь ужъ крѣпко; время прошло довольно, и молодые живутъ вмѣстѣ.

— Да это что-же за причта такая, — всплеснулъ рукми Ѳома Лукичъ: — отецъ Захарія не далъ ни одной то-есть копѣечки, ты нарушаешь свое слово. Гдѣ-же искать защиты? Нѣтъ, я подамъ прошеніе. Вѣнчали пьянаго. Какъ угодно, этого нельзя.

— Бери рубль, такъ и быть, чтобъ безъ хлопотъ.

— Да вѣдь ты обѣщалъ красненькую. Какъ шли мы изъ церкви, припомни, самъ же ты крестился и увѣрялъ. Развѣ можно такъ?

— Повремени, нельзя-же такъ кричать, инда въ ушахъ звонъ,—улыбаясь, уговаривалъ Спиридонъ Яковлевъ, открывая дверцы красненькаго шкафика, гдѣ стоялъ у него графинъ съ водкой.

— Я громогласенъ, это справедливо, очень я громогласенъ,—согласился Ѳома Лукичъ, понижая тонъ своей сердитой рѣчи при первомъ же взглядѣ на вынутый изъ шкафика графинъ.

— Вотъ выпей-же перво-на-перво,—предложилъ хозяинъ,—а тамъ, Богъ дастъ, дѣло уладится.

— Меньше синенькой не возьму. Невозможно, и то дешево... лепеталъ Ѳома Лукичъ, спустя нѣкоторое время послѣ того какъ графинъ былъ поставленъ на столъ.

— Рубль—вся цѣна! Въ самый разъ, и больше не полагается,—стоялъ на своемъ Спиридонъ Яковлевъ, тоже прихлебнувшій на радостяхъ. Онъ похлопывалъ по плечу Ѳому Лукича, въ самодовольномъ сознаніи своего надъ нимъ превосходства, и поглаживалъ потомъ бородку, радуясь, что, наконецъ, ему удалось сбыть дочь на руки ея законнаго мужа.

— Ничего... Богъ дастъ и лѣсную дачу добудемъ,—утѣшался онъ:—все потихоньку, да полегоньку. Филаретъ Павловичъ свое, а мы тоже свое... Такъ ли, Ѳома Лукичъ?

Ѳома Лукичъ вздрагивалъ отъ неожиданнаго хлопанья по плечу и твердилъ свое, что «меньше нельзя». Такъ они бесѣдовали, пока не отворилась изъ сосѣдней комнаты дверь и не нарушила ихъ мирной бесѣды жена Спиридона Яковлева, вошедшая къ нимъ съ заплаканными глазами.

— Что ты, хозяйка, съ чего такъ,—удивился Спиридонъ Яковлевъ, уже порядочно раскраснѣвшійся отъ бесѣды около графина.

— Ахъ, ты, головушка, головушка беззаботная,— слезливо заныла она:—нѣтъ въ тебѣ ни жалости, ни печали. Дочка-то у насъ была одна-одинехонька, да и ту не путемъ замужъ отдали. Охъ, ты горе мое, гореваньице! Плачетъ, чай, и она теперь, заливается.

Къ удивленію Спиридона Яковлева въ дверяхъ показались еще двѣ-три печальныя фигуры тетушекъ и бабушекъ и затянули въ тонъ хозяйки.

— Да вы что это! Никакъ тоже и у васъ тамъ графинчикъ,—изумился Спиридонъ Яковлевъ, поднимаясь изъ-за стола.

— Охъ, батюшка ты, нашъ кормилецъ! Выпили и мы, родименькій,—поддержали всѣ женщины хоромъ, покачиваясь одна на другую.—Выпили, родименькій, за молодушку-то нашу, за голубушку. Что-й-то она теперь тамъ промежду господъ-то дѣлаетъ... Безталанная головушка!

— Стой, бабы, дѣло не ладно!...—остановилъ громко Спиридонъ Яковлевъ:—Ѳома Лукичъ слышь, затягивай веселую! Такъ нельзя, что мы въ самомъ дѣлѣ нашу Мареиньку-то на горе отдали, что-ли?—Катай «во лузяхъ»!..

— Я преосвященному прошеніе...—бормоталъ Ѳома Лукичъ, не понимая, о чемъ ему говорятъ.

— Ахъ, въ ротъ-тѣ каши, какъ скоро ты намокъ!— пожалѣлъ Спиридонъ Яковлевъ.—Жена, хозяйка, тетинька! Затягивайте «во лузяхъ»! Ѳома разойдется... Онъ это живо пойметъ.

Женщины затянули «во лузяхъ»; Ѳома Лукичъ изумленнымъ взглядомъ окинулъ ихъ при первыхъ знакомыхъ звукахъ, потомъ сталъ притопывать одной ногой, вслѣдъ за тѣмъ другой, а потомъ и плечами сталъ пошевеливать, оживляясь все болѣе и болѣе. Визгъ женскихъ голосовъ дѣлался все сильнѣе, притопыванья Ѳомы Лукича становились опредѣленнѣе и шли уже въ тактъ пѣнію.

— Очень расчудесно! Отчетливо!—похвалилъ Спиридонъ Яковлевъ, стоя фертомъ посрединѣ избы.—

Ничего и поплясать, и выпить можно, ежели во-время и укуратно! Ѳома! Ходи круче.

— «Во лузяхъ, во лузяхъ, во зеленыихъ лузяхъ»! визжали женщины.

— «Ходи изба, ходи печь! Хозяину негдѣ лечь!»— подзадоривалъ Спиридонъ, пошевеливая плечами.

Ѳома Лукичъ уже совсѣмъ оживившійся, отплясывалъ въ присядку.

XXIV.

— Извольте написать папашѣ и безпремѣнно сегодня-же. Я письмо самолично свезу на почту въ Малорѣченскъ. Невозможно-съ допустить такихъ пустяковъ Анатолія Петровича-съ...

Такъ шепталъ Савелій Анютѣ, вызвавъ ее изъ комнаты больной бабушки. Анюта стояла предъ нимъ съ заплаканными глазами, точно она именно и была во всемъ виновата.

— Я напишу. Но пока письмо дойдетъ, пока папа пріѣдетъ, что намъ дѣлать? Боже мой, если бабушка услышитъ—это ее убьетъ!—говорила Анюта, утирая слезы.

— Не извольте подавать виду, главное въ этомъ-съ... А тамъ папаша сами, какъ имъ угодно, распорядятся. Извольте прежде всего озаботиться насчетъ письма.

— Я напишу сейчасъ-же.

Но въ такомъ незначительномъ дѣлѣ, какъ отправка письма, вдругъ возникли затрудненія, куда адресовать его, и Анюта выжидала удобной минуты для того, чтобы узнать отъ бабушки адресъ отца.

— О чемъ же ты плачешь?—спрашивала старушка въ отвѣтъ на вопросъ Анюты объ адресѣ и пытливо всматриваясь впалыми глазами въ ея лицо.

— Я, бабушка, такъ... грустно что-то...

— Что дѣлать, душечка,—утѣшала бабушка, едв приподнимаясь на подушкахъ и прося подложить е подъ голову повыше:—не нужно унывать. Унын грѣхъ, и вотъ, Богъ дастъ, придетъ весна, мы съ т

бой поѣдемъ въ Петербургъ, къ брату Павлу Степановичу. Онъ меня всегда любилъ и уважалъ. Онъ намъ съ тобой сдѣлаетъ все, что я попрошу. Будь спокойна. Зимой я не могу, простужусь. О чемъ-же ты писать хочешь отцу?

— Я не отцу,—пугливо отвѣтила Анюта и покраснѣла:—я хочу... сестрѣ Настѣ.

— Ну, что-жъ, пиши. Только письмо ее тамъ не застанетъ. Вѣроятно, они уже уѣхали въ Петербургъ. О, Господи! Пишутъ Богъ знаетъ что, хотя-бы не оправдывались...

— Но куда-же тамъ адресовать, бабушка?

— Адресуй на имя дяди Павла Степановича. Конечно, они будутъ у него... Неужели и этого не догадаются сдѣлать? Закружились съ деньгами-то... О, Боже мой!.. Боже мой...

Анюта молчала, стараясь избѣгать взглядовъ бабушки, и думала только о томъ, какъ бы уйдти отъ нея и снова посовѣтоваться съ Савеліемъ; но бабушка въ это утро чувствовала себя нѣсколько лучше, разспрашивала объ Анатоліи и удивлялась, что такъ долго не видала его. Получивъ отвѣтъ, что онъ ведетъ себя хорошо, бабушка стала просить, чтобы Анюта непремѣнно сегодня-же привела его къ ней въ комнату. Анюта еще болѣе растерялась и не знала, что отвѣчать ей.

— Пойди сейчасъ-же и позови,—просила старушка:—сама же говоришь, что онъ дома, и позови. Я посмотрю на него. Поговорю. Я знаю, что у него душа хорошая, только онъ озлобленъ. Позови.

Анюта вышла отъ бабушки, совсѣмъ растерянная, и затворившись въ своей комнатѣ, принялась плакать, уткнувшись въ подушку. Письмо не было написано, и Савелій цѣлое утро напрасно ждалъ его и напрасно простояла въ упряжи лошадь, на которой онъ хотѣлъ поѣхать съ этимъ письмомъ въ Малорѣченскъ. Зимній короткій день уже оканчивался, и Савелій, разсчитавъ, что до отхода почты остается всего часъ-другой, по-

слалъ къ Анютѣ кухонную дѣвчонку. Дѣвчонка не нашла барышни въ ея комнатѣ, такъ какъ Анюта, успокоившись отъ слезъ, поняла, что нужно же дать какой-нибудь отвѣтъ бабушкѣ объ Анатоліи, ушла къ ней въ комнату и сказала, что Анатолія нѣтъ дома. Дѣвчонка въ комнату бабушки идти не рѣшилась, и Савелій, растревожившійся до того, что морщины на старческомъ лицѣ его стали подергиваться и руки тряслись, отправился самъ къ дверямъ бабушкиной комнаты и постучалъ въ нихъ, вызвавъ затѣмъ Анюту въ столовую.

—Что-же, барышня, письмо-то? Пожалуйте. Сколько времени жду. Опоздать можно. Извольте сообразить, почта изъ Малорѣченска уходитъ только разъ въ недѣлю, и пожалуй изъ-за одного часу нужно на семь дёнъ дѣло отложить. Пожалуйте поскорѣе, еще успѣю, погоню въ скакъ.

— Ахъ, Боже мой, ахъ! Я не знаю, что дѣлать!—растревожилась Анюта:—я не знаю, куда писать. Бабушка говоритъ, что папа, вѣроятно, уже уѣхалъ въ Петербургъ.

— Въ Петербургъ посылайте. Все же недѣлей раньше уйдетъ...

— Лучше когда такъ телеграмму...—предложила Анюта:—у меня достанетъ на телеграмму денегъ.

— Извольте, когда такъ, депешу,—задумчиво согласился Савелій:—но адресъ-то папаши въ Петербургѣ вамъ извѣстенъ?

— Нѣтъ, нужно на имя дѣдушки Павла Степановича.

Савелій отчаянно замахалъ руками, лицо еще больше сморщилось и онъ зашепталъ чуть не въ слезахъ.

— Нельзя-съ, нельзя-съ этого! Помилуйте-съ! Извольте сообразить, какое такое дѣло! Развѣ возможно, дѣдушка узнаетъ, избави Богъ! Проклянутъ! А ежели въ депешѣ не упомянуть объ Анатоліи Петровичѣ, т.-е. на счетъ ихъ брака, папаша въ такомъ родѣ не прибудутъ и вниманія ни на что не обратятъ.

— Но развѣ же дѣдушка будетъ читать чужую телеграмму? изумилась Анюта.

— Будутъ-съ, навѣрное будутъ-съ. Прелюбопытны они. Прежде, когда здѣсь бывало гащивали при покойникѣ дѣдушкѣ вашемъ, и письма чужія всегда любили читать-съ... Дѣдушка даже бывало сердились... Ахъ, барышня, барышня,—вдругъ опять затревожился Савалій, смотря въ окно: — солнце уже закатывается — опоздаемъ мы съ письмомъ.

— Я рѣшительно не знаю, что дѣлать, — вздыхая и въ слезахъ отвѣтила Анюта.

Въ это время во флигелѣ Анатолій Петровичъ молча сидѣлъ на диванѣ, угрюмо осматривая комнату. Онъ удивлялся, отчего она въ одинъ день могла такъ измѣниться и принять совсѣмъ другой видъ. Казалось, и средствъ для этого подъ рукой не было; но его бойкая жена съумѣла поставить дѣло такъ, что все нужное для приведенія въ порядокъ комнатъ флигеля появилось у ней точно самое собой. Поднявшись съ постели рано утромъ, по обыкновенію далеко до разсвѣта, она сразу сообразила, что дѣла во флигилѣ много, и принялась хозяйничать. Закутавшись на скоро платкомъ и охраняемая темнотой еще не разсвѣтавшаго дня, она слетала почти бѣгомъ къ матери, захватила рогожки и тряпки, ведро и все то, въ чемъ, по соображеніямъ, имѣла неотложную надобность, и пока Анатолій спалъ, сдѣлала въ обстановкѣ флигеля большой переворотъ. Самоваръ она отъ отца получила въ приданое, значитъ, кипятокъ можно было добыть самой, воды принести удалось до свѣта, пока барская прислуга спала, дрова принесены были съ вечера старикомъ дровоносомъ,—и новое хозяйство Маров̈ы сразу стало на твердую почву. Во флигелѣ оказалась кухонная плита, и Мареа въ этотъ же день сообразила, что хорошо бы самой тутъ кое-что состряпать, но затрудненія являлись въ томъ, что готовить было не изъ чего. Когда Анатолій проснулся, Мареа была уже не въ томъ видѣ поломойки, въ какомъ ползала по полу,

заткнувъ подолъ рубашки за поясъ, а причесанная и одѣтая въ пестрое шерстяное платье. Печи въ комнатахъ весело топились, полы были чисты, на столѣ кипѣлъ самоваръ свѣтлый и блестящій, и Мареа сидѣла около него, подперши правой рукой щеку и задумчиво посматривая въ сосѣднюю комнату, гдѣ спалъ Анатолій.

— Мареа! — изумился онъ, открывая глаза, — кто здѣсь все такъ переставилъ?

— Это я, Натолій Петровичъ,—застыдилась она.

— Зови ты меня какъ слѣдуетъ,—перебилъ онъ:— Анатолій, а не Натолій, слышишь?

— Слышу, Натолій Петровичъ.

— Говорятъ тебѣ: не Натолій, а Анатолій... Что это ты тутъ какъ переставила? — мрачно нахмурился онъ,—зачѣмъ съ середины комнаты передвинула столъ къ стѣнѣ и кресла туда же убрала. Глупо! Переставь, какъ было. Не знаешь, а дѣлаешь.

— Я думала столъ на срединѣ-то нехорошо и стульчики-то кружкомъ тоже. Думала, какъ лучше.

— Что ты понимаешь... И молчи!

Однакожъ, какъ ни мраченъ былъ тонъ рѣчи Анатолія, все-таки онъ въ душѣ былъ доволенъ, что въ комнатахъ такъ чисто, печки топятся и такая пріятная теплота распространяется отъ нихъ.

— Откуда самоваръ-то?—отрывисто спросилъ онъ, косясь на Мареу.

— Отъ тятеньки... И чаю фунта три никакъ въ сундучкѣ, сахаръ тоже тамотка... много... Тятенька у меня добрый.

Мареа замолчала и конецъ своего передника потянула къ глазамъ, отдаваясь пріятнымъ, но исполненнымъ грусти воспоминаніямъ о родительскомъ домѣ.

Анатолій упорно молчалъ, сидя около стола не умытый и нечесанный.

— Одѣньтесь, Анатолій Петровичъ. Не годитс вѣдь такъ-то, не крестясь, къ самовару.

— Отвяжись.

— Эвона у меня и образокъ на полочкѣ, поглядит-ко!

— Молчи.

Кто-то постучался въ дверь въ прихожей, которая до сихъ поръ оставалась открытой, а теперь была на крючкѣ.

— Это ты заперла, что ли?—спросилъ Анатолій.

— Я. Мнѣ будто неловко, Анатолій Петровичъ, ежели кто войдетъ. Отоприте сами, а я тамотка въ той горницѣ побуду. Тамъ еще и постель надо убрать.

Анатолій вышелъ въ прихожую. Пришедшій былъ старикъ истопникъ, намѣревавшійся затопить печи. Отпустивъ его обратно, Анатолій поддался увѣщаніямъ Маѳы и одѣлся.

— Ты вѣдь хорошій, Анатолій Петровичъ, право слово, — приласкалась она, — только напрасно виномъ балуешься.

— Молчи, не твое дѣло! — сердито отвѣтилъ онъ, утираясь полотенцемъ: — ишь вѣдь какая грубая холстина-то!—ворчалъ онъ,—все лицо обдерешь.

— Ничего, миленькій мой, не обдерешь. Глянь-ка на мое-то лицо, развѣ ободрано, а я, вишь ты, завсегда такимъ утираюсь.

— Молчи, Мароа! Не хочу я съ тобой разговаривать.

Анатолій помолчалъ и тѣмъ же сердитымъ тономъ, какимъ съ ней говорилъ все время, сказалъ:

— Какъ хочешь, а я тебя брошу. Я теперь тебя взялъ къ себѣ только потому, что все же .. жалко... А послѣ брошу. Ты мнѣ не пара; я уѣду...

— А скоро, Анатолій Петровичъ, поѣдете?—спросила она, простодушно смотря ему прямо въ лицо.

XXV.

Ѳома Лукичъ послѣ вечера, весело проведеннаго у Спиридона Яковлева, веселился еще цѣлый день и ночь на полученный отъ него рубль и пропилъ его въ его

же питейномъ домѣ. На слѣдующее утро онъ въ большомъ уныніи вспоминалъ о «канареечкѣ», которая, въ видѣ этого рубля, залетѣла-было въ карманъ его подрясника и такъ быстро выпорхнула.

— Была и не стало! Все суета, и міръ весь, и слава его! — вздыхая, воскликнулъ онъ, не зная, гдѣ найти успокоивающій источникъ.

Пошатываясь, онъ забрелъ въ господскій домъ и наткнулся на Савелія.

— Поднеси... стаканчикъ... изнемогаю...

— Эхъ, Ѳома Лукичъ, — печально отвѣтилъ Савелій,—не изъ чего. Не тѣ времена. Самъ безъ денегъ.

Савелій спѣшилъ отдѣлаться отъ Ѳомы Лукича. Онъ торопился въ Малорѣченскъ съ телеграммой Анюты, которую она рѣшилась, наконецъ, отправить къ отцу въ Петербургъ, съ убѣдительной просьбой немедленно пріѣхать домой по весьма нужному и требующему безотлагательнаго рѣшенія дѣлу. Бросивъ отрывистое «прощай» Ѳомѣ Лукичу, Савелій уѣхалъ, погнавъ лошадь въ скакъ, лишь только сани выѣхали за ворота.

— Пойду, когда такъ, къ Анатолію Петровичу, я знаю, онъ во флигелѣ съ молодой женой, — рѣшилъ Ѳома Лукичъ, и поплелся во флигель.

— Душа моя скорбитъ, — бормоталъ онъ, идя ко флигелю:—отъ нищеты моея взываю къ тебѣ, достопочтенный бояринъ,—обратился онъ, стуча кулакомъ въ дверь.

— Кто тамотка? — визгливо спросила Марѳа, не отпирая дверей.

— Дщерь Спиридонова! Слышу гласъ твой. Соблаговоли... стаканчикъ...

— Уйди, Ѳома Лукичъ, я не отопру. Анатолія Петровича нѣту: въ городъ уѣхалъ.

Ѳома Лукичъ уныло отошелъ отъ дверей флигел и продолжая что-то бормотать себѣ подъ носъ, напр вился въ большой домъ. На дворѣ никого не было, в прихожей тоже никто не встрѣтился, и онъ безъ вся каго препятствія пробрался въ комнаты барскаго дом

— Смиренный рабъ Ѳома, — продолжалъ онъ бормотать, забравшись уже въ столовую, — взываетъ къ щедротамъ болярыни. Не празднолюбецъ я, но немощенъ, и утроба моя сгораетъ отъ палящаго огня.

Онъ усѣлся на диванъ, оглядывая мутными и блуждающими глазами стѣны и продолжая свое моленіе въ томъ же возвышенномъ тонѣ.

— Кто тамъ, Анюта, кто тамъ вошелъ?—спросила Вѣра Антоновна, услышавшая странный говоръ въ столовой.

Анюты въ эту минуту не было въ сосѣдней комнатѣ, и Ѳома Лукичъ, услышавшій вопросъ Вѣры Антоновны, нашелъ возможнымъ подняться съ своего удобнаго сидѣнья на диванѣ и идти дальше черезъ дверь, отворенную изъ столовой въ корридоръ. Комната старушки отдѣлялась отъ столовой деревянной перегородкой и до двери этой комнаты разстояніе по корридору было всего два шага. Ѳомѣ Лукичу была такимъ образомъ дорога не дальняя, и заслышавъ изъ столовой бабушкинъ голосъ, онъ ясно уразумѣлъ, гдѣ теперь ему искать помощи въ своемъ тяжкомъ положеніи. Однако же, пріотворивъ дверь въ комнату Вѣры Антоновны, онъ въ нерѣшительности остановился, встрѣтивъ къ изумленію своему почти у самой двери ширму, поставленную, какъ видно, для того, чтобы воздухъ изъ корридора не сразу проникалъ въ комнату.

Вѣра Антоновна полулежала въ это время въ кровати, обложенная подушками и перечитывала письмо сына, въ которомъ онъ десятками серьезныхъ причинъ оправдывалъ свой отъѣздъ изъ губернскаго города въ Петербургъ.

— Что мнѣ съ нимъ дѣлать — неисправимъ! Да и жена у него такая же... Теперь жди ихъ домой, когда всѣ десять тысячъ растрясутъ...—уныло раздумывала она, вздыхая и охая.

— Не празднолюбецъ я!..—пробормоталъ Ѳома Лукичъ, выступая, наконецъ, изъ-за ширмы въ комнату.

— Ахъ, царь небесный! — простонала старушка, увидѣвъ его,—что это за безпорядки... Ѳома? Ты зачѣмъ? Какъ ты сюда пришелъ?..

— Боголюбивая... не отврати лица, — возгласилъ Ѳома Лукичъ, и не долго думая, опустился передъ кроватью Вѣры Антоновны на колѣни, кланяясь до полу и даже касаясь его лбомъ.

Такая почтительность успокоила встревоженную старушку и нѣсколько развеселила ее, въ особенности при взглядѣ на крысиный хвостикъ Ѳомы Лукича и на его умиленное лицо.

— Болярыня,—продолжалъ онъ, стоя на колѣняхъ, —припадаю къ стопамъ ногъ твоихъ и приношу покаяніе.

— Встань, встань, Ѳома! Въ чемъ ты просишь прощенія, встань!

— Душа моя скорбитъ. Я не виноватъ... Отецъ Захарія... Онъ пріялъ воздаяніе, онъ и въ отвѣтѣ будетъ на страшномъ судѣ... Но я изнемогаю. Повели хотя единый стаканчикъ.

Вѣра Антоновна не поняла ничего изъ словъ Ѳомы Лукича, и улыбаясь, стала разспрашивать, въ чемъ онъ обвиняетъ отца Захарія. Въ это время вошла Анюта и вздрогнула, увидѣвъ Ѳому Лукича, стоявшаго на колѣняхъ.

— Ахъ, что это...—встревожилась она,—встаньте, пойдемте... сюда, за мной... Здѣсь нельзя быть...

— Кроткая голубица, каюсь чистосердечно... Но я не повиненъ... Отецъ Захарія, это онъ, и Спиридонъ злочестивый, они, одни они во всемъ виноваты.

— Ахъ, — почти взвизгнула Анюта, испугавшись, что Ѳома вотъ-вотъ скажетъ о женитьбѣ Анатолія, и поспѣшно схватила его за рукавъ, насильно таща изъ комнаты.

— Анюта, что съ тобой?—остановила ее бабушка, —чего ты такъ испугалась? Оставь его... Ѳома, гово и яснѣе,—обратилась она къ нему:—въ чемъ ты изъяняешься?

— Ахъ, нѣтъ, бабушка, нѣтъ. Ему здѣсь нельзя, нельзя,—тревожно заговорила Анюта,—идите, Ѳома, туда...

Ѳома Лукичъ въ недоумѣніи остановился, сложивъ руки на груди.

— Голубица... Я не могу... Болярыня пріемлетъ мое покаяніе... Я никакой власти не имѣю во храмѣ... Я только по обязанности моей участвовалъ при совершеніи бракосочетанія, но вины на меня не падаетъ...

— Перестань, перестань, — поспѣшно перебила Анюта, становясь между Ѳомой Лукичемъ и бабушкой.

— Что такое ты разсказываешь, Ѳома Лукичъ?— изумленно спросила Вѣра Антоновна.

— Нѣтъ, нѣтъ, бабушка... Онъ лжетъ... Видите, видите, онъ... выпивши... Пойдемъ, Ѳома, сюда, пойдемъ поскорѣе... Я тебѣ вина налью, рюмку, стаканъ... сколько хочешь... Пойдемъ скорѣе.

Она силилась тащить его за рукавъ изъ комнаты, но Ѳома Лукичъ, видимо изумленный страннымъ выраженіемъ лица бабушки и тревогою Анюты, не зналъ, куда идти, и продолжалъ оправдываться въ томъ, что онъ невиновенъ въ совершеніи брака.

— Незаконное, матушка, дѣло. Сами знаете, незаконное. Пьянаго вѣнчали и Богъ ихъ накажетъ. Возмѣрится имъ!

— Кого женили, кого?—въ ужасѣ шептала Вѣра Антоновна, поднимаясь съ кровати.

Страшное подозрѣніе уже охватило ее. Ѳома потерялъ всякое понятіе о томъ, что вокругъ него происходитъ, и сѣлъ въ изнеможеніи на стулъ, уставя неподвижный взглядъ на искривившееся отъ ужаса лицо Вѣры Антоновны.

— Кого женили? Кого? Анатолія? На дочери Спиридона?—спрашивала она Ѳому Лукича, почти тормоша его за подрясникъ.

— Бабушка, бабушка!—просила Анюта,—бабушка, успокойтесь, лягте... Видите, онъ пьяный... Ахъ, Боже мой!—волновалась она, не зная, какъ увлечь ба-

бушку отъ Ѳомы Лукича, сидѣвшаго теперь на стулѣ въ видѣ неподвижной статуи.

На шумъ прибѣжала горничная и изумленная остановилась въ дверяхъ.

— Саша, Саша!—почти закричала Анюта, кидаясь къ ней,—иди, помоги мнѣ... Бабушка, милая,—обратилась она къ старушкѣ: — успокойтесь. Ахъ, Боже мой! Саша! Помоги...

Глаза Анюты были полны слезъ. Испуганная горничная не понимала, какой помощи проситъ отъ нея барышня, растерялась, смотря то на Ѳому Лукича, то на бабушку.

— Женили? пьянаго обвѣчали? На дочери Спиридона, да? Говори же, говори, — хриплымъ голосомъ спрашивала бабушка, задыхаясь.

— Изнемогаю!—пробормоталъ Ѳома Лукичъ, взятый уже за руку горничной.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте его, — волновалась старушка, отстраняя отъ Ѳомы Лукича горничную и вслушиваясь въ его бормотанье: — я хочу знать все, все. Ѳома, Ѳома, что ты бормочешь, говори яснѣе?..

— Былъ во флигелѣ у Анатолія Петровича, въ отсутствіи онъ. Молодая жена его... дщерь Спиридонова возгордилась. Не отворила даже дверей.

— Она здѣсь!.. во флигелѣ!.. Крестьянка!..—прошептала бабушка и вдругъ смолкла. Лицо ея мгновенно поблѣднѣло, правая рука приподнялась къ головѣ и замерла, судорожно сжавъ въ кулакѣ сѣдую прядь распустившихся волосъ. Опершись лѣвою рукою о спинку кресла, бабушка закачалась и упала навзничъ на полъ.

— Бабушка, бабушка! Что съ вами?—рыдая, спрашивала Анюта, наклоняясь къ ней и силясь приподнять ее съ полу, но бабушка не могла выговорить ни слова. и только губы ея что-то безсвязно шептали.

XXVI.

— Батюшки мои, свѣты! Ужъ не пожаръ ли? Ч это за суета такая у господъ?—тревожно спрашив

сама себя Марѳа, стоя у окна во флигелѣ и замѣчая необычайное движеніе во дворѣ.

Кто-то выѣхалъ изъ воротъ на неосѣдланной лошади и погналъ на ней во весь скакъ по большой дорогѣ, по направленію къ Малорѣченску, потомъ горничная Александра бѣгомъ промчалась чрезъ дорогу мимо церкви къ дому отца Захара, не обращая вниманія на то, что платокъ сбился у нея съ головы. Изъ кухни пробѣжала тоже, чѣмъ-то видимо перепуганная дѣвчонка и столкнулась у подъѣзда съ Ѳомой Лукичемъ, вышедшимъ изъ комнатъ, покачиваясь. Не успѣлъ еще Ѳома Лукичъ выйдти за ворота двора, какъ встрѣтился ему о. Захаръ, торопливо шедшій во дворъ. Онъ о чемъ-то спросилъ его и вслѣдъ за вопросомъ махнулъ почему-то рукой, выражая видимое къ Ѳомѣ Лукичу или къ его отвѣту пренебреженіе.

— Что-й-то тамъ случилось?—недоумѣвала Марѳа и порывалась броситься сама въ господскій домъ, охваченная не только желаніемъ узнать, отчего произошла такая тревога, но и помочь въ случаѣ надобности. Послѣ того, какъ о. Захаръ вошелъ въ домъ, она вышла на крыльцо флигеля, ожидая новой съ кѣмъ-нибудь встрѣчи, чтобы спросить о причинѣ видѣнной ею суеты. Въ это время къ воротамъ подъѣхалъ Анатолій Петровичъ. Марѳа, завидя его, выбѣжала на встрѣчу, забывая о своемъ неопредѣленномъ въ барскомъ домѣ положеніи. Анатолій былъ навеселѣ, но нельзя сказать, чтобы очень. Бросивъ возжи въ санишки, онъ пустилъ лошадь по двору одну и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на Марѳу.

— Должно... Анатолій Петровичъ... что-то неладно,—торопливо разсказывала она,—надо быть, кто захворалъ шибко. Батюшка попъ прошелъ въ домъ...

— Пойди, пойди туда, назадъ!—сердито отвѣтилъ Анатолій, тыкая пальцемъ по направленію къ флигелю, и пошелъ самъ въ комнаты дома.

Отецъ Захаръ первый встрѣтился ему въ столовой.

Онъ что-то укладывалъ въ серебряный ящичекъ и уныло покачивалъ головой.

— Что случилось?—испуганно спросилъ Анатолій нѣсколько заплетающимся языкомъ.

— Бабушка ваша, Вѣра Антоновна, лишилась языка... Въ большомъ изнеможеніи находится.

— Какъ? что такое? отчего?

— Параличъ! — печально отвѣтилъ о. Захаръ, завертывая ящичекъ въ кусочекъ какой-то парчи и, взявъ его въ руки, добавилъ:—сподобилась пріобщиться.

— Но отчего?

— Въ волненіи будто бы, и оскорбилась очень...

— Сказали ей, что ли, обо мнѣ?—прошепталъ Анатолій.

— Признаться, я подробно не освѣдомлялся...

Отецъ Захаръ имѣлъ теперь совсѣмъ не то хищническое выраженіе лица, какое было замѣтно у него во время вѣнчанія Анатолія, и смотрѣлъ грустнымъ взглядомъ человѣка, сознающаго тлѣнность всего земного.

— Конечно, въ мірѣ не безъ скорбей, Анатолій Петровичъ,—сказалъ онъ въ утѣшеніе.

— Пожалуйста не вздыхайте такъ... противно!..

— Я отъ чистаго сердца. Признаться, давно васъ не встрѣчалъ... Однако же, освѣдомлялся... и утѣшенъ.

— Чѣмъ это?

— Благополучіемъ вашимъ, — прошепталъ отецъ Захаръ, погладивъ Анатолія по плечу:—живете, какъ наслышанъ, съ супругою въ мирѣ и согласіи...

— Оставьте, оставьте,—хмуро замѣтилъ Анатолій.

— Нижайше кланяюсь. Спѣшу тоже съ требою; крестьянинъ тутъ одинъ, старичокъ—къ нему.

И сохраняя благодушное выраженіе лица, отец Захаръ вышелъ изъ комнаты, бережно держа въ рукахъ ларецъ съ дарами. Оставшись одинъ, Анатолі колебался, боясь идти къ бабушкѣ. Онъ заглянулъ в сосѣднюю комнату, тамъ тоже никого не было.

— Александра,—позвалъ онъ появившуюся, наконецъ, горничную.

— Очень слабы-съ, — отвѣчала она, не дожидая вопроса.

— Гдѣ Анюта?

— Тамъ-съ. Только губками что-то шевелятъ, а словъ нѣтъ-съ, и правая ручка тоже не двигается... Какъ мы съ барышней перепугались! А все Ѳома-съ. Онъ, онъ все разсказалъ. Такъ онѣ и грохнули-съ. Барышня плачутъ. А доктора нѣтъ-съ. Давно уже ускакалъ верховой.

Горничная шептала торопливо и безсвязно. Анатолій, совсѣмъ отрезвѣвшій, нѣсколько разъ останавливалъ ее и разспрашивалъ, и когда понялъ, что извѣстіе о его женитьбѣ было причиною паралича бабушки, схватился обѣими руками за голову и долго стоялъ въ такомъ положеніи.

— Анатолій Петровичъ, вы бы зашли туда. Барышню бы утѣшили. Очень онѣ въ большомъ огорченіи.

— Ахъ, это невозможно! Невозможно, — прошепталъ онъ,—она увидитъ меня и ей еще будетъ хуже

Анюта вошла въ это время въ столовую, блѣдная, съ заплаканными глазами, и увидѣвъ брата, зарыдала, прислонившись плечомъ къ стѣнѣ.

— Анюта! какъ это случилось? Кто впустилъ Ѳому къ бабушкѣ?

Сестра стала-было разсказывать, но послѣ двухъ-трехъ фразъ голосъ ея оборвался.

— Ахъ, я не могу. Это ужасно... Ей не поправиться. Она, можетъ быть, прожила бы еще сколько лѣтъ... Толя, Толя! Какое несчастіе!

Братъ молчалъ, понуривъ голову.

Вскорѣ явился изъ города докторъ, посмотрѣлъ больную, помычалъ что-то себѣ подъ носъ и потомъ, выйдя въ столовую, отвѣтилъ на вопросъ Анюты молчаливымъ вздохомъ и печально развелъ руками.

— Докторъ, ради Бога... Неужели?—задыхаясь, спрашивала Анюта.

— Успокойтесь, — спохватился онъ, замѣтивъ ея волненіе и въ ту же секунду лицо его приняло глубокомысленное выраженіе.

— Конечно-о... говоря вообще-е, медицина-а...— началъ онъ важно, поводя правой рукой,—но бываютъ случаи-и... Такъ что-о... Можетъ быть...

— Все-таки, значитъ, можно еще надѣяться?—глухо спросилъ Анатолій.

— Гм... да-а... — протянулъ докторъ, и какъ-бы сознавъ, что утѣшеніе должно имѣть все-таки извѣстныя границы, торопливо добавилъ:—н-но... я не ручаюсь... День, два-а... Это вѣроятно...

Онъ небрежно сунулъ въ жилетный карманъ поданную ему Анютою бумажку и уѣхалъ.

Вернулся изъ города Савелій, только-что отправившій телеграмму Петру Ѳедоровичу.

— Надо бы, барышня, опять ѣхать,—настаивалъ онъ:—надо новую депешу папашѣ и безпремѣнно... И дѣдушкѣ Павлу Степановичу... И къ родственникамъ-съ...

— Подождите, пусть опредѣлится дѣло...—отрывисто отвѣтилъ Анатолій, не смотря на Савелія.

Савелій тоже избѣгалъ его взглядовъ и отвѣчалъ, смотря въ полъ:

— По мнѣ, какъ угодно-съ... Только по всему видно, что опредѣляться тутъ нечему.

XXVII.

На похороны бабушки пріѣхали изъ губернскаго города родные, человѣкъ до десяти мужчинъ и женщинъ, такъ что дворъ поярковскаго дома, обыкновенно безлюдный и пустой, получилъ вдругъ сходство съ дворомъ почтовой станціи. Родные вздыхали и хмурились, слушая разсказы Савелія о похожденіяхъ Анатолія, и мрачно посматривали на флигель, въ которомъ, по разсказамъ Савелія, скрывалась Марѳа, не смѣя даже взглянуть въ окно.

— Какой ужасъ! Какой ужасъ!—шептали родственники и жалобно настаивали на томъ, чтобы Анатолій былъ непремѣнно розысканъ и приведенъ къ нимъ для необходимыхъ какихъ-то объясненій, необходимость которыхъ едва ли сознавали они сами. Объясниться съ Анатоліемъ однако-жъ имъ не удалось: онъ съ горя запилъ и пропадалъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ, неизвѣстно гдѣ.

— Гдѣ же Анатолій?—въ тоскѣ спрашивала Анюта и безпрестанно посылала прислугу во флигель узнавать, не вернулся ли онъ. Прислуга возвращалась съ отвѣтомъ, что Анатолія нѣтъ. Такъ пріѣзжіе родные и не видали его. Больше всѣхъ заботился о немъ Спиридонъ. Онъ каждый день ѣздилъ розыскивать его и привозилъ въ усадьбу; но наступало утро, и повторялась вчерашняя исторія.

Родные видѣли его только въ церкви, въ день похоронъ бабушки, но вступить съ нимъ въ разговоръ не рѣшились по причинѣ его необычайно дикаго вида. Волосы его были растрепаны, и онъ точно звѣрь косился на всѣхъ и при этомъ что-то бормоталъ себѣ подъ носъ, видимо злясь и негодуя на кого-то, можетъ быть даже, на самого себя. Къ нему рѣшилась подойти только сестра Анюта. Она была, какъ и многія другія, вся въ черномъ, съ заплаканными глазами и сильно поблѣднѣвшая. Анатолій, услыша ея голосъ, вздрогнулъ и пугливо отъ нея отшатнулся, однако, молча выслушалъ ея просьбу не прятаться отъ родныхъ и придти послѣ похоронъ въ домъ для участія въ общемъ обѣдѣ. Онъ кивнулъ ей молча головой и вдругъ, можетъ быть, и самъ не зная зачѣмъ, затушилъ восковую свѣчу, бывшую въ его рукахъ и подалъ ее Анютѣ.

— Зачѣмъ же ты такъ?—изумленно прошептала она.

— Все ерунда... вздоръ... Не нужно, — мрачно отвѣтилъ онъ.

— Перестань, Толя. Подумай, кого хоронимъ,— проговорила сквозь слезы Анюта, подавая брату зажженную свѣчу.

Онъ послушно взялъ и сталъ сосредоточенно смотрѣть на пламя свѣчи и какъ будто наблюдая его колебанія, въ сущности же не видя его и витая остатками мыслей Богъ знаетъ гдѣ. Пока продолжалось отпѣванье, Анюта не переставала наблюдать за братомъ и только тогда потеряла его изъ виду, когда зарыдала, прощаясь въ послѣдній разъ съ дорогимъ ей прахомъ бабушки. Анатолій въ это время вышелъ изъ церкви и бродилъ по церковной оградѣ, держа въ рукахъ давно погасшую свѣчу. Кто-то изъ пріѣхавшихъ на похороны родныхъ, какъ видно тоже придерживавшійся взглядовъ Анатолія на то, что «все ерунда», вышелъ вслѣдъ за нимъ изъ церкви и намѣренно обошелъ ее кругомъ для того, чтобы встрѣтиться съ Анатоліемъ лицомъ къ лицу. Онъ отрекомендовался, напомнилъ о времени, когда въ послѣдній разъ видѣлъ его, и показалъ рукой аршина на полтора отъ земли.

— Вотъ такимъ я васъ видѣлъ, въ шотландскомъ костюмчикѣ!—добавилъ онъ.

Анатолій, не говоря ни слова, отвернулся отъ него и пошелъ въ другую сторону, къ немалому изумленію оскорбившагося родственника. Спиридонъ Яковлевъ, бывшій тоже въ числѣ другихъ на похоронахъ, внимательно потомъ слѣдилъ глазами по обнаженнымъ головамъ родныхъ, стоявшихъ съ грустными лицами около могилы, куда опускали прахъ бабушки, и искалъ Анатолія, озабоченно встряхивая волосами, которые вѣтеръ точно нарочно набрасывалъ ему на глаза. Анатолія уже не было въ церковной оградѣ. Не пришелъ онъ и на поминальный обѣдъ, увеличивъ этимъ тоску и слезы сестры.

Филаретъ Павловичъ Хохлаковъ, присутствовавшій на похоронахъ и на поминкахъ, съ большимъ сердечнымъ сокрушеніемъ замѣтилъ объ отсутствіи Анатолія Петровича, добавивъ при этомъ, что и Петръ Ѳедоровичъ будетъ тяжко соболѣзновать о смерти своей достопочтенной родительницы. Говоря грустнымъ то-

номъ, Филаретъ Павловичъ почему-то очень пытливо посматривалъ по стѣнамъ и потолкамъ комнаты и не разъ оглядывалъ долгимъ взглядомъ картины и мебель и потомъ, когда кончился поминальный обѣдъ, попросилъ позволенія «полюбоваться на аппартаменты». Позволенія просить было почти не у кого: родные, прибывшіе на похороны, сторонились отъ него, важничая своимъ барствомъ, а Анюта была точно въ какомъ-то забытьи, смутно понимая, о чемъ ее спрашиваютъ, и часто закрывала лицо руками, вздрагивая и удерживаясь отъ рыданій. Филаретъ Павловичъ пошелъ по комнатамъ одинъ, не обращая вниманія на недружелюбныя взгляды пріѣзжихъ родственниковъ, видѣвшихъ въ этомъ расхаживаньи Хохлакова невѣжественное и грубое нарушеніе приличій.—«Ничего-о, хорошо-о!» разсуждалъ онъ самъ съ собой, «обстановка первый сортъ». Дверь въ кабинетъ Петра Өедоровича была заперта. Филаретъ Павловичъ осторожно попробовалъ разъ-другой надавить ручку и со вздохомъ отошелъ въ сторону. «Жаль», подумалъ онъ, «а надо бы и тамъ посмотрѣть. Бывалъ я прежде, ну, да ужъ времени тому назадъ пожалуй года три будетъ. Можетъ быть, ужъ тамъ теперь другое все». Однако, несмотря на то, что ему не удалось заглянуть въ кабинетъ, онъ былъ все-таки доволенъ осмотромъ комнатъ и уже соображалъ, сколько можно будетъ дать Петру Өедоровичу еще денегъ за всю обстановку, за картины и за мебель, когда для этого придетъ подходящее время. Онъ зналъ, что это время придетъ, и возвратившись опять въ залу, по которой расхаживали пріѣзжіе родные, встрѣтившіе его съ прежнею надменностію, посмотрѣлъ на нихъ съ такой иронической улыбкой, какъ будто хотѣлъ сказать: «ничего, важничайте пока на остальные», и потомъ объявилъ во всеуслышанье:

— Домъ у Петра Өедоровича первый сортъ! Дай Богъ всякому въ такомъ пріятномъ домѣ имѣть свое мѣстожительство!.. И потомъ, въ утѣшеніе Анюты добавилъ:—не впадайте въ уныніе: грѣхъ передъ Бо-

гомъ. Всѣ помремъ, только не въ одно время... За симъ прощайте!—сказалъ онъ, дѣлая общій поклонъ.

Однако же, выйдя изъ дому, онъ еще не скоро уѣхалъ въ Малорѣченскъ, а побродилъ по поярсковскому двору, заглянулъ даже черезъ рѣшетку въ садъ, и проходя мимо флигеля, гдѣ жила теперь Мареа, внимательно всматривался въ его окна. — «Флигелекъ ничего», соображалъ онъ, «однако, ремонту потребуется тутъ вездѣ достаточное количество. Царство небесное! Всѣ помремъ!» прошепталъ онъ; потомъ, сдѣлавъ знакъ рукою своему кучеру, стоявшему все время около церкви, поѣхалъ, но не по дорогѣ въ Малорѣченскъ, а въ противоположную сторону по направленію къ мельницѣ, отъ аренды которой Спиридонъ Яковлевъ уже отказался, сознавъ свою немощность въ борьбѣ съ нимъ. Около мельницы толпилось нѣсколько крестьянъ, возившихъ бревна для новыхъ, предполагаемыхъ съ весны построекъ, и Филаретъ Павловичъ, побранивъ ихъ за замѣченные безпорядки, проѣхалъ къ лѣсной дачѣ, да кстати ужъ завернулъ и къ лугамъ, купленнымъ имъ у Поярко̀ва.

— Лужокъ ничего, ладный лужекъ, сѣнца, Богъ дастъ, покосимъ на немъ въ волю...—утѣшался онъ, и проѣзжая снова мимо церкви, перекрестился, вспомнивъ о бабушкѣ: «царство ей небесное! Помремъ, всѣ помремъ».

На половинѣ пути между Красными Горками и Малорѣченскомъ онъ встрѣтился съ Спиридономъ Яковлевымъ, возвращавшимся изъ Малорѣченска съ Анатоліемъ. Анатолій спалъ, скорчившись на днѣ саней. Спиридонъ Яковлевъ правилъ лошадью.

— Погодит-ка! — окликнулъ Филаретъ Павловичъ, останавливаясь,—откуда это ты?

Спиридонъ суетливо сдернулъ шапчонку и махнулъ ею въ воздухѣ.

— Да вотъ, Филаретъ Павловичъ, сами видите.. Зятя везу. Сбился съ ногъ, искамши... То-есть чисто наказаніе.

— Съ чего это онъ такъ?

— Ослабѣлъ больно, дюже ослабѣлъ... Жаль ему, видно, стало бабушку,—дѣйствительно-съ, примѣрная была; ну, и закрутилъ. Вотъ уже три дня крутитъ.

— Не по себѣ дерево рубишь, вотъ что... За это Господь тоже не очень одобряетъ...—поучительно сказалъ Филаретъ Павловичъ. — И старушку-то, какъ слышно, эта самая женитьба пришибла.

— Я вѣдь, Филаретъ Павловичъ, ей-ей, и самъ то же говорилъ имъ, — печально отмахнулся Спиридонъ Яковлевъ. — Сколько я словъ-то потратилъ, уговаривалъ: не ходи, дѣвка, не пара онъ тебѣ, загубишь свой вѣкъ. Нѣтъ, да нѣтъ. То-есть, повѣрите ли, слезъ-то сколько было! Вѣдь они почти крадучись отъ меня и повѣнчались-то. Ей-ей.

Филаретъ Павловичъ покачалъ головой.

— А вѣдь я слышалъ совсѣмъ иначе,—задумчиво сказалъ онъ:—вотъ поди-же ты, какъ люди-то врутъ!

— Врутъ, врутъ, Филаретъ Павловичъ,—торопливо подсказалъ Спиридонъ Яковлевъ:—судите сами, какой мнѣ разсчетъ не въ свои сани лѣзти.

— Плохо!—протянулъ Хохлаковъ, всматриваясь въ сани Спиридона Яковлева:—гляжу я на тебя, Спиридонъ Яковличъ, и думаю, какая тебѣ все неудача. Смѣкай, какъ бы зять-то тебѣ не сѣлъ на шею.

— Охъ, ужъ не пугайте, Филаретъ Павловичъ. Я и то, можно сказать, ума рѣшился. Хозяйка меня грызетъ, дочь воетъ и несообразное такое несетъ—не приведи Богъ.

— Худо дѣло,—сказалъ Филаретъ Павловичъ:—ты, Спиридонъ Яковличъ, у мельницы тамъ разныя доски твои свези,—дѣловымъ тономъ замѣтилъ онъ:—у меня стали бревна возить, такъ мѣшаютъ.

XXVIII.

Къ вечеру того же дня, въ который похоронили Бабашку, на половину опустѣлъ дворъ поярковскаго

дома; нѣсколько родственниковъ уже уѣхали, и остались самые ближайшіе. Общимъ совѣтомъ ихъ было рѣшено остаться въ усадьбѣ до пріѣзда Петра Ѳедоровича, Серафимѣ Антоновнѣ, старой дѣвѣ, родной сестрѣ Вѣры Антоновны. Родственники рѣшили, что, по возвращеніи въ усадьбу Петра Ѳедоровича, Анюта будетъ увезена въ губернскій городъ столько же для развлеченія послѣ тяжкой утраты, сколько и для экзаменовъ, которые, несмотря на всѣ возраженія родныхъ, Анюта все-таки хотѣла непремѣнно сдать и получить учительскія права. Теперь съ ней никто не спорилъ объ этомъ, видя, до какой степени она разстроена, и никто не возражалъ на ея произносимыя сквозь слезы объясненія своихъ плановъ въ будущемъ.

Уѣхали, наконецъ, и остальныя родственники, осталась Анюта вдвоемъ съ Серафимой Антоновной. День за днемъ проходилъ, а о Петрѣ Ѳедоровичѣ не было ни слуху, ни духу. Серафима Антоновна уже соскучилась о дѣтяхъ своей двоюродной сестры, у которой она жила въ губернскомъ городѣ, и теперь уговаривала Анюту переѣхать къ нимъ.

— Какъ же Толя?.. Подумайте... — колебалась Анюта.

— Ахъ, Богъ мой!—укоризненно возражала Серафима Антоновна, — ну что тебѣ Толя? Все равно, ты его почти не видишь. Онъ тамъ во флигелѣ точно сурокъ прячется. Ну, и пусть его...

Ей долго не удавалось убѣдить Анюту уѣхать изъ усадьбы до пріѣзда отца. Такъ прошло недѣли три. Савелій уже сталъ покачивать головой и многозначительно потиралъ свой длинный тонкій носъ, подозрѣвая, что съ Петромъ Ѳедоровичемъ случилось что-нибудь недоброе.

— Ахъ, Богъ мой, — волновалась Серафима Антоновна, нетерпѣливо прерывая его монотонные доклады,—ничего съ нимъ недобраго случиться не можетъ, онъ здоровый человѣкъ. Я положительно увѣрена, что

онъ не получилъ ни телеграммъ, ни писемъ, потому что его нѣтъ въ Петербургѣ.

— Но куда же онъ могъ уѣхать?

— Ахъ, Богъ мой, мало ли куда? Можетъ быть за-границу уѣхалъ. Онъ такъ любитъ Европу.

— Я очень довольно хорошо понимаю,—почтительно возражалъ Савелій, — что Петръ Ѳедоровичъ имѣютъ большія наклонности къ за-границѣ; ну, все же по нонѣшнему времени разъѣзды эти составляютъ разсчетъ, тѣмъ паче съ ними и барыня, и барышня.

— Ты ничего не понимаешь,—восклицала Серафима Антоновна.

Савелій пожималъ плечами и молча уходилъ въ свой уголъ.

Сбила-таки она Анюту, наконецъ, ѣхать и не утерпѣла,—въ день отъѣзда заглянула во флигель, посмотрѣть жену Анатолія.

— Я не одобряю... Мои взгляды совершенно другіе, — тараторила она, зайдя во флигель. — Я очень, очень удивлена была, когда услыхала. Но я все-таки не могу, Толя, ты понимаешь... Я не могу... Ты мнѣ родной. Я пришла проститься... Я не одобряю, но если такъ случилось,—что же дѣлать... Любите другъ друга... Я всегда, всегда завидую любящимъ...

Анатолій упорно молчалъ и смотрѣлъ въ полъ; Маѳа дивилась, слушая торопливую рѣчь Серафимы Антоновны и, конечно, тоже молчала, да и трудно было бы уловить минуту, чтобы что-нибудь сказать.

— Какъ у васъ здѣсь чисто,—прелестно! Я всегда любуюсь, когда чисто. Это такъ мило! — сказала она, уходя, очевидно съ намѣреніемъ оставить по себѣ пріятное впечатлѣніе.

— Часто вѣдь мою,—пояснила ей вслѣдъ Маѳа.

— Да, да, это хорошо. Я очень люблю это...

— Молчи ты, — шепнулъ Анатолій женѣ, боясь, чтобы Серафима Антоновна опять не вернулась къ нимъ во флигель, и ушелъ вслѣдъ за ней къ сестрѣ.

— Толя,—шептала сквозь слезы Анюта, прощаясь

съ братомъ: — деньги... сколько осталось... немного, рублей шестьдесятъ... у Савелія... Извини... Самъ знаешь, такъ нужно... На необходимое онъ выдастъ...

— Довольно. Поѣзжайте,—нахмурился Анатолій,— я и самъ думаю, какъ бы убѣжать отсюда, да, кажется, такъ и будетъ,—добавилъ онъ и сердито махнулъ рукой.

Анюта и Серафима Антоновна уѣхали, и большой домъ опустѣлъ.

XXIX.

Филаретъ Павловичъ раза два-три проѣзжалъ мимо барскаго дома, посматривалъ, не пріѣхалъ ли Петръ Ѳедоровичъ, и покачивалъ головой. Сталъ онъ что-то подозрительно хмуриться, раздумывая о недалекомъ будущемъ. Похаживая около мельницы, гдѣ уже были навалены цѣлыя горы бревенъ, онъ уныло мурлыкалъ себѣ подъ носъ: «Душе моя, душе моя, возстани, что спиши», и часто прерывалъ свое мурлыканье торопливымъ вопросомъ, обращеннымъ къ кому-нибудь изъ мужиковъ.

— А что слышно о Петрѣ Ѳедоровичѣ, не пріѣхалъ ли?

— Ничего не слыхать.

— Ишь ты, загулялся какъ,—вздыхалъ Филаретъ Павловичъ и мурлыкалъ: «...конецъ приближается и имаши судитися». Увезли дочку-то въ губернскій?— опять спрашивалъ онъ.

— Да, увезли... Плакала, слышь, больно...

— Хорошая дѣвица... Скромная...—замѣчалъ онъ и отдавался думамъ о Петрѣ Ѳедоровичѣ...—А что если и въ самомъ дѣлѣ штуку онъ хочетъ выкинуть, этакъ годика два-три протянетъ... Гм... гм... худо дѣло.

— А что сынъ-то какъ живетъ?—снова обращался онъ съ вопросомъ къ мужикамъ.

— Сами знаете, какъ... Со всячиной... Извѣстно,

бросили парня безъ призору, ну, онъ и крутитъ иной разъ.

— Ребенокъ онъ малый, что ли?—ворчливо возразилъ Филаретъ Павловичъ.

— Ребенокъ не ребенокъ, а похоже, ей-ей!

— Гм... гм..! не ладно,—думаетъ Филаретъ Павловичъ,—что-то такое во всемъ этомъ дѣлѣ выходитъ не такъ. Надо, значитъ, пообождать, а то, пожалуй, надѣлаешь напрасныхъ расходовъ.

Дѣло въ томъ, что Филаретъ Павловичъ присмотрѣлъ уже удобное около барской усадьбы крестьянское мѣстечко и намѣревался арендовать его для складки камня, предполагая въ недалекомъ будущемъ начать перестройку барскаго дома на свой ладъ; но замѣчая что-то странное въ образѣ дѣйствій Петра Ѳедоровича, не пріѣхавшаго даже проститься съ умиравшей матерью, онъ сталъ часто мурлыкать стихиры и ирмосы, что уже ясно указывало на его тревожное состояніе духа. Сидя одиноко въ своемъ кабинетѣ, онъ упорно смотрѣлъ въ потолокъ, поглаживалъ свою широкую лысину и монотонно тянулъ: «И покрыла мя есть чуждая тьма окаяннаго», но это ни мало не доказывало согласованія словъ ирмоса съ его душевнымъ состояніемъ духа. Напротивъ, духъ его виталъ въ это время высоко и далеко и отыскивалъ способы къ тому, чтобы, въ случаѣ какихъ-либо «каверзныхъ дѣйствій» со стороны Петра Ѳедоровича, умѣть дать ему во-время надлежащій отпоръ. Нотаріусъ уже нѣсколько разъ появлялся въ его кабинетѣ, и Филаретъ Павловичъ совѣтовался съ нимъ, какъ поступить въ случаѣ, если что выйдетъ неладное.

— Пока, знаете ли, ничего,—объяснялъ Филаретъ Павловичъ,—а такъ на всякъ часъ не мѣшаетъ подумать и сообразить.

Нотаріусъ молча поправлялъ свои золотые очки и успокоивалъ, что «все крѣпко», и что каверзы можно дѣлать всегда и во всякомъ дѣлѣ, какъ бы оно крѣпко ни было, но толку изъ нихъ для Петра Ѳедоровича

никакого не выйдетъ, кромѣ только того, что дѣло затянется на лишніе три-четыре мѣсяца.

— Однако, это разсчетъ тоже,—вздыхалъ Филаретъ Павловичъ:—главное дѣло, вотъ задача, гдѣ теперича Петръ Ѳедоровичъ обрѣтается и какіе такіе у него въ головѣ планы.

Филаретъ Павловичъ пришелъ къ тому рѣшенію, что нужно съѣздить въ Питеръ (кстати и торговое дѣло есть), и сталъ собираться въ дорогу.

— Вотъ, братецъ, говорилъ я вамъ тогда, не отсрочивайте Пояркову,—грустно замѣтилъ Степанъ Павловичъ:—вотъ теперь вамъ забота.

— Да, да, Степа, ты, братъ, справедливый человѣкъ. Это ты точно,—отвѣчалъ, впадая въ его тонъ, Филаретъ Павловичъ:—моя ошибка, мнѣ ее и поправлять надо.—Я какъ-нибудь авось поправлю,—утѣшалъ онъ, вздыхая.—Что дѣлать! Жаль мнѣ его было. Ты по человѣчеству суди. Нельзя же такъ, взялъ да и скрутилъ. Да и что же въ самомъ-то дѣлѣ такое случилось, еще ничего ровно нѣтъ сомнительнаго. Ну, уѣхалъ — уѣхалъ. Мать безъ него умерла, — не суть важное: всѣ помремъ. Сынъ женился на крестьянкѣ,—тоже не суть важное. Сынъ сыну рознь. Этому и цѣна-то вся гривенникъ. Да Петръ Ѳедоровичъ, можетъ быть, ничего этого и не знаетъ, потому и не ѣдетъ.

Степанъ Павловичъ вздыхалъ искренно, а Филаретъ, украдкой на него взглядывая, думалъ:

— Фофанъ, что ты понимаешь!

Спиридонъ Яковлевъ тоже тревожился о Петрѣ Ѳедоровичѣ и дергалъ свою рыжую бороденку, томясь неизвѣстностью о планахъ Хохлакова и о дѣйствіяхъ Петра Ѳедоровича. Женитьба Анатолія его уже не безпокоила, онъ зналъ, что чрезъ два мѣсяцъ послѣ женитьбы поздно начинать дѣло о разводѣ и въ особенности въ виду того, что Анатолій живетъ съ женою вмѣстѣ; но желательно было имѣть плоды отъ своихъ трудовъ, хотѣлось поскорѣе аукціона на лѣсную дачу, горѣло сердце желаніемъ перехитрить Хох-

кова и, главное, набить карманъ деньгами отъ продажи лѣса. Все это, однако же, оставалось въ неосуществленныхъ проектахъ,—и уныло смотрѣлъ Спиридонъ Яковлевъ на опустѣвшій господскій домъ.

— Что, Савелій Прокофьевичъ, какъ?—вкрадчиво спрашивалъ онъ, забравшись въ каморку Савелія.

— На счетъ чего?—нехотя переспрашивалъ Савелій, сидя въ очкахъ и занимаясь починкой своего ветхаго сюртука.

— То-есть, на счетъ Петра Ѳедоровича, какъ они? Гдѣ, напримѣръ, теперь изволятъ быть?

— Въ иностранныхъ земляхъ, — важно отвѣчалъ онъ, вдѣвая нитку въ иглу и прищуривая при этомъ одинъ глазъ.

— Значитъ за моремъ? Такъ-съ!.. А когда будутъ, какъ пишутъ?

— Объ этомъ свѣдѣній нѣтъ... Серафима Антоновна, уѣзжая, мнѣ передавать изволили, что господа отбыли за-границу, — отвѣчалъ Савелій, не теряя ни на одну каплю важности и сознанія своего превосходства предъ Спиридономъ Яковлевымъ.

— А когда, напримѣръ, вернутся? — продолжалъ разспрашивать Спиридонъ Яковлевъ, не обращая вниманія на холодный тонъ Савелія.

Савелій потерялъ терпѣніе. Онъ положилъ на колѣни свою работу, медленно снялъ очки съ носа и, смотря сердитымъ взглядомъ на Спиридона Яковлева, отвѣтилъ:

— Что я для тебя есть такое? Справочная контора, что ли? Ты такъ предполагаешь по своему необразованію, что можешь обо всемъ разспрашивать. Уйди, прошу тебя. Ты думаешь, что обвѣнчалъ дочь съ баричемъ, такъ можешь мечтать о себѣ... Вотъ погоди, пріѣдетъ самъ баринъ, онъ тебѣ покажетъ мечтанія.

— Старая крыса, беззубая!—ворчалъ, уходя, Спиридонъ Яковлевъ, неудовлетворенный въ своихъ разспросахъ.

Зная по личному опыту, что Филаретъ Павловичъ не можетъ не интересоваться вопросомъ о причинахъ таинственнаго исчезновенія въ неизвѣстную даль владѣльца усадьбы Красныя Горки, Спиридонъ Яковлевъ отправился къ Хохлакову и вошелъ во дворъ его дома какъ разъ въ ту минуту, когда Филаретъ Павловичъ, закутанный въ шубу, опоясанный вязанымъ шарфомъ и въ высокой мѣховой шапкѣ, спускался съ лѣстницы, намѣреваясь куда-то ѣхать по своимъ торговымъ дѣламъ. Женщины, дѣти, прислуга мужская и женская, прикащики и кучера—все это, составляя значительную толпу около повозки, провожало отъѣзжавшаго. Степанъ Павловичъ стоялъ рядомъ съ братомъ и выслушивалъ его послѣднія распоряженія. Спиридонъ Яковлевъ, войдя во дворъ, поколебался, не рѣшаясь подойти къ Филарету Павловичу: и даже думалъ, что останется въ сторонѣ незамѣченный, но бойкій глазъ Филарета Павловича тотчасъ же остановился на немъ.

— Спиридонъ Яковлевъ!—окликнулъ онъ, даже какъ будто обрадовавшись:—ну, что, какъ у васъ тамъ?

Спиридонъ Яковлевъ понялъ, что вопросъ касается мельницы и возки къ ней бревенъ,—отвѣтилъ:

— Ничего, возятъ, Филаретъ Павловичъ. А я было къ вамъ, — заговорилъ онъ, почтительно прикасаясь своей загорѣлой рукой къ мягкой рукѣ Хохлакова, милостиво ему протянутой.

Филаретъ Павловичъ пытливо поглядѣлъ на него и перебилъ его рѣчь новымъ вопросомъ.

— А что слышно, когда Петръ Ѳедоровичъ пріѣдетъ?

— Да болтаютъ разное... Будто бы за-границу уѣхалъ.

— Гм... гм... Такъ, такъ... Безпремѣнно за-границу... Ну, прощайте, прощайте,—закивалъ онъ го[ло]вой всей толпѣ чадъ и домочадцевъ, вышедшихъ е[г]о провожать, и еще разъ поцѣловался съ братомъ Ст[е]паномъ Павловичемъ.

— Прощай, братецъ, ежели что—сейчасъ депеш[у],

да гляди, подальше держись отъ этого...—прошепталъ онъ, кивнувъ головой на Спиридона. — Прощай, Спиридонъ Яковлевъ,—громко сказалъ онъ ему.

— Куда же это вы изволите, Филаретъ Павловичъ?..

— Да вотъ помолиться захотѣлось... Не все, братъ, по-твоему только о дѣлахъ, да объ аукціонахъ. Надо, братъ, и о душѣ тоже подумать.

Повозка тронулась въ путь, и вся толпа вышла за ворота, смотря ей вслѣдъ. Спиридонъ Яковлевъ тоже смотрѣлъ и думалъ: «Душа!.. о душѣ!.. Вретъ старый чортъ, непремѣнно вретъ!..»

XXX.

Петръ Ѳедоровичъ дѣйствительно былъ за-границей и, разумѣется, въ Парижѣ; и Серафима Антоновна не ошиблась, судя по себѣ о наклонностяхъ всякаго дворянски-образованнаго человѣка непремѣнно быть тамъ, гдѣ собирается побольше празднаго народу. Петръ Ѳедоровичъ попалъ въ Парижъ съ семьей такъ же неожиданно, какъ и въ Петербургъ. Получивъ въ губернскомъ городѣ деньги отъ довѣреннаго Хохлакова, онъ заявилъ женѣ, что имѣетъ крайнюю надобность съѣздить ненадолго въ Петербургъ; но Глафира Александровна рѣшительно отвѣтила, что низачто его одного въ Петербургъ не отпуститъ. Петръ Ѳедоровичъ попробовалъ-было протестовать и указывалъ ей на свои законныя права, какъ мужа и главы семьи, однако же, такія указанія ни къ чему не повели. Глафира Александровна поставила вопросъ ребромъ, — или вмѣстѣ всѣмъ троимъ ѣхать, или пусть Петръ Ѳедоровичъ оставитъ деньги у ней и ѣдетъ одинъ съ самыми ограниченными средствами. Конечно, Глафира Александровна имѣла много основаній для того, чтобы держать Петра Ѳедоровича поближе къ себѣ въ то время, когда у него въ карманѣ имѣлись деньги, такъ какъ давно знала. что онъ можетъ ихъ проиграть, пожалуй, въ

одинъ вечеръ. Волей-неволей пришлось ему взять ихъ съ собой въ Петербургъ, тѣмъ болѣе, что оставаться на зиму въ губернскомъ городѣ, имѣя десять тысячъ рублей въ карманѣ, они нашли невозможнымъ и даже просто глупымъ. Въ Петербургѣ же какъ разъ кстати и дѣло подвернулось,—нужно бы посѣтить дядю Павла Степановича.

Но по пріѣздѣ въ Петербургъ опять случилась неожиданность; встрѣтился кто-то изъ старыхъ пріятелей и въ разговорѣ между прочимъ упомянулъ, что былъ въ Парижѣ и только-что вернулся оттуда. Петръ Ѳедоровичъ вдругъ оживился, глаза заблистали, и онъ забросалъ пріятеля вопросами. «Ну, что? какъ? хорошо, не правда ли? а? Милая страна! Прелестный городъ!..» Пріятель оказался захваченнымъ подъ руку. Бесѣдуя съ нимъ и восторгаясь воспоминаніемъ прошлаго, Петръ Ѳедоровичъ почувствовалъ неотразимое желаніе ѣхать за-границу. «Нѣтъ, ужъ какъ угодно, Глафира Александровна, — рѣшительно заявилъ онъ женѣ,—какъ угодно, а я поѣду, хотя ненадолго, ну, на двѣ на три недѣли не больше. Мнѣ, главное, сравнить, каковъ теперь Парижъ. Разсказываютъ, что тамъ большія перемѣны. Я знаю прежній Парижъ, наполеоновскій, а теперь, говорятъ, просто узнать нельзя. Ну, ей-Богу я ненадолго и только для сравненія. По крайней мѣрѣ можно будетъ судить, дѣйствительно ли республика много сдѣлала тамъ новаго».

Но несмотря на то, что Петръ Ѳедоровичъ приводилъ, казалось, уважительныя причины для своей поѣздки за-границу, Глафира Александровна опять напомнила о томъ, что ѣхать ему одному ни въ какомъ случаѣ нельзя, и что если въ самомъ дѣлѣ ему такъ хочется сравнить республиканскій Парижъ съ прежнимъ монархическимъ, то почему же имъ всѣмъ троим не съѣздить на нѣкоторое время въ «столицу свѣта когда и средства для этого есть, и милой Настѣ э поѣздка можетъ доставить большое удовольствіе. М лая Настя, само собой разумѣется, тотчасъ повисла

шеѣ у maman, расцѣловала папу и въ губы, и въ щеки, и въ эспаньолку.

И поѣхали они въ Парижъ.

Предполагалось пробыть подъ небомъ Франціи не больше двухъ-трехъ недѣль, въ крайнемъ случаѣ мѣсяцъ, и потому о поѣздкѣ за-границу увѣдомленіе въ Красныя-Горки не было послано. Главнымъ образомъ имѣлось при этомъ въ виду спокойствіе старушки Вѣры Антоновны, которую такое извѣстіе могло, какъ они предполагали, только напрасно раздражить. Случилось, однако-жъ, какъ-то такъ, что, вмѣсто трехъ недѣль, Поярковы прожили въ Парижѣ два мѣсяца и прожили бы пожалуй и дольше, да встрѣтился кто-то изъ знакомыхъ дяди Павла Степановича и передалъ, что Павелъ Степановичъ за что-то очень недоволенъ Петромъ Ѳедоровичемъ, упоминалъ о какихъ-то письмахъ изъ Красныхъ-Горокъ, о телеграммахъ, о какомъ-то параличѣ и о какой-то будто бы свадьбѣ, даже болѣе ужасной чѣмъ параличъ. Толкомъ сказать знакомый ничего не могъ, потому что и самъ ясно не понялъ ворчанья Павла Степановича, но Петръ Ѳедоровичъ разстался съ нимъ въ большой задумчивости. Смутно онъ подозрѣвалъ, что параличъ могъ поразить Вѣру Антоновну (болѣзненная и старая женщина), но никакъ не могъ догадаться, что это за странная такая свадьба, которую дядюшка признаетъ болѣе ужасной, чѣмъ параличъ.

— Странный вы человѣкъ, Петръ Ѳедоровичъ,— упрекнула его Глафира Александровна, выслушавъ разсказъ о встрѣчѣ:—скажутъ вамъ всякій вздоръ, да еще съ какими-то совсѣмъ невозможными и даже неприличными сравненіями паралича со свадьбой, а вы слушаете!.. И, вѣроятно, даже не возражаете... Стыдитесь! Вы сами женатый, семейный человѣкъ, развѣ же можно позволять при себѣ такъ глу-упо выражаться?

Глафира Александровна теперь держалась еще величественнѣе чѣмъ въ Красныхъ-Горкахъ; платье на

ней было въ большомъ обиліи опутано какими-то тюлями, лентами и бахрамами и очень рельефно обрисовывало ея крупныя формы. Настя тоже раздѣляла взгляды матери, какъ всегда и во всемъ. Одѣтая подобно ей съ большимъ шикомъ и обтянутая платьемъ до того, что едва могла передвигать ноги, она съ неменьшею надменностію отнеслась къ новостямъ, сообщеннымъ отцомъ. Но несмотря на то, что Петръ Ѳедоровичъ былъ человѣкъ слабохарактерный, увлекающійся и поддающійся всякому постороннему вліянію, онъ все-таки былъ мужчина и могъ хотя изрѣдка имѣть правильное сужденіе о своемъ положеніи. Онъ задумался надъ полученнымъ извѣстіемъ и ясно понималъ, что тамъ въ далекой Россій, въ невыносимо-скучныхъ Красныхъ-Гонкахъ что-то случилось такое, о чемъ нельзя говорить по-женски. Это извѣстіе не только своимъ страннымъ содержаніемъ, но даже такъ само по себѣ напомнило ему многое изъ того, о чемъ онъ позабылъ или, вѣрнѣе сказать, старался забывать, и заставило его заглянуть въ бумажникъ. Оказалось, что бумажникъ поотощалъ уже изрядно и, слѣдовательно, надо по-добру по-здорову домой. Жена и дочь сильно было возстали, поднялись мигрени, нервы и т. п., но все это затянуло отъѣздъ только дня на два, на три.

Возвращались они въ Россію совсѣмъ не такими, какими ѣхали впередъ: тогда былъ между ними миръ и любовь, теперь царствовалъ раздоръ, слышались взаимные упреки. Глафира Александровна часто нюхала спиртъ; Настя же, хотя спирту и не нюхала, но упрекать отца умѣла не хуже матери. Поводовъ для упрековъ съ обѣихъ сторонъ было много. Петръ Ѳедоровичъ жаловался на бѣшеную трату денегъ за туалеты; Глафира Александровна намекала на его слишкомъ будто бы нескромный образъ жизни; Настя обвиняла за то, что поскупился на уроки, которые он могла бы съ большой, по ея мнѣнію, пользой взять в Парижѣ у лучшихъ профессоровъ музыки.

Такъ они проводили скучное время переѣзда

родину, и тѣмъ болѣе имъ удобно было спорить и раздражать другъ друга, что до русской границы съ ними въ вагонѣ не было никого изъ соотечественниковъ.

— Вотъ и родина ваша! Любуйтесь! — досадливо замѣтила Глафира Александровна, когда они миновали Вержболово.

— Вы, насколько помню, тоже не иностранка,— угрюмо возразилъ Петръ Өедоровичъ, смотря въ окна на жалкія избушки деревеньки, мимо которой мчался поѣздъ.

— Къ сожалѣнію, да! — вздохнула Глафира Александровна, и отвернувшись съ явнымъ презрѣніемъ отъ Петра Өедоровича, заговорила съ дочерью.

— Пред-с-тавь, онъ иронизируетъ! Онъ ставитъ мнѣ въ упрекъ мое уваженіе къ Европѣ, къ ея нравамъ, богатству, благосостоянію народа. Это мило... Взгляни въ окно, сравни то, что мы видимъ, съ тѣмъ, что осталось позади... Эти бѣдныя коровенки, похожія на телятъ, эти избушки... Эта грязь... Гадко видѣть!.. И онъ думаетъ, что мы, женщины, не понимаемъ, на комъ лежатъ свя-щенныя заботы о благосостояніи массъ! Онъ воображаетъ, что можетъ жить весь вѣкъ, сложа руки, и никто за это его не обвинитъ.

— Ну, а на васъ этихъ, какъ вы называете, священныхъ обязанностей нѣтъ?—ядовито спросилъ Петръ Өедоровичъ.

— Ахъ, перестаньте, непріятно слышать ваши стр-ранныя возраженія. Вы Богъ знаетъ, что говорите...

— Мнѣ кажется, папа,—возразила дочь,—что призваніе женщины только помогать мужу, а не работать за него.

— Натурально-о, та-а-къ!—величественно подсказала Глафира Александровна.

— Но ты, папа, насколько я знаю, прожилъ жизнь, ничего не дѣлая, въ чемъ же мама могла тебѣ помогать?

Петръ Ѳедоровичъ нетерпѣливо махнулъ рукой и вышелъ изъ вагона на площадку.

Поѣздъ мчался мимо какой-то деревеньки, бѣдныя избушки которой, старыя и покосившіяся, наводили Петра Ѳедоровича на сравненіе этой жалкой жизни съ жизнью животныхъ, и онъ обвинялъ мужиковъ въ невѣжествѣ, въ грубости, въ лѣни и, конечно, ни разу не задумывался надъ тѣмъ, что все свое невѣжество, грубость, лѣнь, все, все дурное этотъ обвиняемый имъ русскій мужикъ смѣло могъ раскрыть предъ нимъ, какъ явныя и неотразимыя вещественныя доказательства его же собственной вины: его небреженія въ выполненіи той высокой обязанности, которая именно на немъ и его предкахъ столько вѣковъ лежала. Но, по правдѣ говоря, Петръ Ѳедоровичъ обвинялъ теперь мужика не за то, что живетъ онъ бѣдно и грязно, а потому только, что въ его собственномъ дворянскомъ карманѣ оставалось мало денегъ и впереди было мало видовъ на ихъ прибыль.

Пріѣхали они, наконецъ, въ Петербургъ съ такими же непріязненными другъ къ другу чувствами, съ какими выѣхали изъ Парижа. Петръ Ѳедоровичъ заявилъ-было о необходимости поэкономничать и предложилъ остановиться въ гостинницѣ средней руки, но Глафира Александровна рѣшительно противъ этого возстала.

— Помилуй,—въ ужасѣ зашептала она,—что скажетъ дядя, тетя, знакомые!.. Ты представь, что они о тебѣ могутъ подумать!

— Глафира Александровна, мои средства...—началъ было Петръ Ѳедоровичъ, но самъ же вдругъ и рѣшилъ, что можно себя ужасно скомпрометтировать въ глазахъ знакомыхъ, которыхъ, впрочемъ, въ Петербургѣ у него почти не было.

— Да и собственно не стоитъ экономничать,—утѣшалъ онъ самъ себѣ,—дядя же богатъ и не сто лѣтъ будетъ жить.

Утѣшиться ему тѣмъ болѣе было легко, что въ бумажникѣ еще оставалась нѣкоторая сумма денегъ

не предстояло еще заботъ о завтрашнемъ днѣ. Теперь пока главная забота Петра Ѳедоровича была повидаться съ дядей Павломъ Степановичемъ и узнать, что за странныя такія вѣсти сообщали ему отъ его имени въ Парижѣ, и во всякомъ случаѣ успокоить старика своею почтительностію и покорностію. Петръ Ѳедоровичъ немного раскаивался въ томъ, что во время своего свиданія съ дядей, при отъѣздѣ въ Парижъ, позволилъ себѣ нѣсколько свободный тонъ въ разговорѣ съ нимъ и поспорилъ о чемъ-то въ либеральномъ духѣ. Дядя этого не любилъ, и Петръ Ѳедоровичъ зналъ, что ему непріятно слышать либеральныя фразы, но тогда у Петра Ѳедоровича было въ карманѣ десять тысячъ рублей чистыми деньгами, и либеральное направленіе какъ-то само собой овладѣло имъ. Теперь онъ значительно смирился, что отчасти совпадало и съ суммою денегъ, остававшихся у него отъ парижской жизни. Глафира Александровна собиралась къ дядѣ тоже съ нѣкоторымъ душевнымъ волненіемъ: она видѣла, что Петръ Ѳедоровичъ хотя и свободно пока закидываетъ голову кверху, но по временамъ какъ будто начинаетъ горбиться и прятать руки въ карманы пальто. Это ее сердило и волновало, напоминая о томъ, что карманъ его опять пустѣетъ. Но вмѣсто того, чтобы поддерживать Петра Ѳедоровича въ болѣе или менѣе спокойномъ состояніи духа, она подливала масла въ огонь и иронизировала при каждомъ удобномъ случаѣ, не стѣсняясь ни мало присутствіемъ дочери.

На другой день утромъ, когда они всѣ трое собрались ѣхать къ дядѣ, Глафира Александровна, садясь въ карету и забирая лѣвой рукой длинный шлейфъ платья, вдругъ взглянула на Петра Ѳедоровича и презрительно замѣтила по поводу его мрачности:

— Гамлетъ!

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе Настя хихикнула, а Петръ Ѳедоровичъ, бывшій почти въ совершенно спокойномъ состояніи духа, ужасно вдругъ разстроился и сердито захлопнулъ дверцы кареты. Пока они ѣхали

до квартиры дяди, онъ всю дорогу злился, избѣгая взглядовъ жены и никакъ не могъ припомнить тѣхъ фразъ, которыя утромъ цѣлый часъ придумывалъ для того, чтобы ими начать объясненіе съ дядей.

Карета остановилась у богатаго подъѣзда. Высокій и хорошо откормленный швейцаръ подскочилъ къ ней и, на вопросъ Петра Ѳедоровича, тихо отвѣтилъ, отворяя дверцы:

— Дома; пожалуйте...

Задержанный глубокій вздохъ стѣснилъ грудь Петра Ѳедоровича, и идя потомъ по богатымъ коврамъ лѣстницы, онъ прошепталъ Глафирѣ Александровнѣ:

— Хотя здѣсь-то поудержитесь.

— Какъ вы наивны!—отвѣтила Глафира Александровна, однако, тоже шопотомъ, и съ большой заботой поправляя какую-то складочку на пышномъ платьѣ дочери.

На верху лѣстницы ихъ встрѣтилъ тоже лакей и тоже шопотомъ отвѣтилъ имъ, почтительно кланяясь и растворяя двери въ залу.

— У его п—ства съ докладомъ чиновникъ съ. Пожалуйте-съ... Сейчасъ доложу ея п—ству.

XXXI.

Они прошли залу и молча сѣли въ гостиной. Петръ Ѳедоровичъ, впрочемъ, просидѣлъ всего какихъ-нибудь пять-шесть секундъ и задумчиво зашагалъ по комнатѣ, съ неудовольствіемъ взглядывая по временамъ на двери, откуда должна была выйти жена дяди, Нина Борисовна. Стѣны гостиной, въ которой они теперь всѣ трое молча скучали, были увѣшаны картинами, на столахъ красовались фигурныя вазы, альбомы и книг въ расписныхъ переплетахъ, блестѣвшіе золотыми обрѣзами листовъ. Но ни Петръ Ѳедоровичъ, ни Гла фира Александровна съ Настей не обращали на них никакого вниманія, столько же потому, что все эт было уже видано ими, сколько и по той причинѣ, чт

досада и зависть и давящее чувство тоски невольно овладѣвали ими каждый разъ, когда они посѣщали домъ дяди. Теперь тѣмъ болѣе было понятно появленіе этихъ чувствъ: имъ предстояло возвращаться въ Красныя-Горки на скуку и однообразіе и можетъ быть даже на непріятности изъ-за долговъ и т. п. мелочей, а здѣсь, у дяди, кругомъ, куда ни взглянешь, богатство, роскошь, красота, почтительные слуги. Какъ не позавидовать всему этому!

Глафира Александровна не только позавидовала, но даже и пошепталась съ Настей на счетъ тетки, порицая ее за то, что она будто бы и держаться не умѣетъ съ должнымъ достоинствомъ, и одѣвается безъ вкуса и т. п.

Усѣвшись въ одномъ изъ уютныхъ уголковъ гостиной подъ прикрытіемъ какого-то широколиственнаго растенія, обѣ онѣ, мать и дочь, заботливо оправили складки своихъ пышныхъ платьевъ и оглянули ихъ въ зеркало противоположной стѣны.

— Она никогда не умѣла привязать къ себѣ мужа— продолжала шептать Глафира Александровна:—по ея именно винѣ дядя иногда увлекался другими женщинами, и теперь, кажется, есть у него какая-то любовь...

— Ахъ, мама, онъ такой старикъ, неужели...— брезгливо возразила Настя.

— Что-жъ дѣлать, когда ему скучно! Онъ бездѣтный, а она, ты очень хорошо знаешь, какая она соня.

— Но лѣта, мама! Помилуй! Я даже представить себѣ не могу... Неужели это въ самомъ дѣлѣ? Ты шутишь, мама!

— Ничуть! Ты, мой другъ, еще не знаешь жизни. У мужчинъ это очень обыкновенно. Я ни мало не обвиняю его! но она обязана управлять мужемъ, умѣть его ограничивать. Конечно, дядя богатъ, однако же бросать по десяти-пятнадцати тысячъ на какую-нибудь танцовщицу—это просто обидно!

Мимо ихъ уютнаго уголка прошелъ въ это время

Петръ Өедоровичъ, мрачно покосился на нихъ, будучи въ трепетномъ ожиданіи свиданія съ дядей. Замѣтивъ его, Глафира Александровна вздохнула, вспомнивъ, съ какимъ успѣхомъ она вмѣшивалась въ его жизнь и какіе результаты получились отъ этого вмѣшательства.

— Ахъ, я не виню дядю, — заключила она, — ему все возможно: онъ богатъ и не только не дѣлаетъ тратъ, превышающихъ его средства, а даже едва ли проживаетъ столько доходовъ, сколько ихъ получаетъ. Онъ, наконецъ, много трудился и теперь въ такихъ чинахъ... Возможно ли его судить? А твой отецъ! Да онъ бы не только доходы, онъ бы все имущество прожилъ.

Глафира Александровна презрительно пожала плечами и замолчала, Настя капризно надула губки, слѣдя глазами за шагавшимъ изъ угла въ уголъ Петромъ Өедоровичемъ, явно досадуя на него за все.

Въ комнату, наконецъ, вошла Нина Борисовна.

— Ахъ! — печально произнесла она, входя въ гостиную,—возвратились!

Петръ Өедоровичъ встрепенулся и почтительно бросился къ ея ручкѣ, Глафира Александровна съ чувствомъ необыкновенной нѣжности, уваженія и любви приложилась къ щекѣ Нины Борисовны въ то время, какъ Настя жарко впилась въ ея костлявую, уже сильно сморщившуюся руку.

Нина Борисовна была грустна и глубокимъ вздохомъ отвѣтила на ихъ почтительные вопросы о здоровьи.

— Какъ вы долго,—вяло протянула она, садясь на диванъ и апатично оглядывая платья Глафиры Александровны и Насти.

Петръ Өедоровичъ остановился около ея кресла, и сталъ-было объяснять о какихъ-то неотразимыхъ обстоятельствахъ, задержавшихъ его въ Парижѣ упомянулъ о какихъ-то машинахъ, будто бы пріобр: тенныхъ имъ для своего красногорскаго хозяйства; ı Нина Борисовна едва ли что поняла изъ его объясн

ній; она послѣ первыхъ же двухъ-трехъ фразъ прервала его восклицаніемъ:

— Какія печальныя вѣсти получены изъ Красныхъ Горокъ!

— Ахъ, да,—подсказала, впадая въ ея тонъ, Глафира Александровна, — что это такое мы слышали, ужасно стра-анное... Я признаюсь, не повѣрила. Вообразите, тетя, намъ передавали ужасныя нелѣпости.

— Такъ вы не знаете истины? — возразила Нина Борисовна.

— Мы... То-есть я... отчасти подозрѣваю...—теряясь и въ смущеніи началъ-было Петръ Ѳедоровичъ, но Глафира Александровна перебила его.

— Развѣ въ самомъ дѣлѣ, тетя, что-нибудь ужасное случилось? Вы такъ печально смотрите,—спросила она, тревожно поднимаясь съ кресла.

Настя испуганно смотрѣла, то на отца, то на мать и на тетку.

— Что же тетя, что же?.. Въ самомъ дѣлѣ... Ахъ, я боюсь!—проговорила Глафира Александровна, сжавъ руки и приближая ихъ къ груди.

Но тревога и волненіе, такъ вдругъ и явно овладѣвшіе Поярковыми, ничѣмъ не отразились на уныломъ лицѣ Нины Борисовны.

— Вѣроятно... я догадываюсь...—волнуясь началъ Петръ Ѳедоровичъ, вѣроятно... maman скончалась, да?

— Да-а!—однотонно протянула Нина Борисовна.

Петръ Ѳедоровичъ заплакалъ и, отойдя въ уголъ комнаты, молча сѣлъ на диванъ, закрывъ лицо руками. Глафира Александровна и Настя тоже заплакали, а Нина Борисовна, поднявшись съ своего кресла, молча подошла къ окну и стала смотрѣть на улицу съ такимъ равнодушіемъ, точно въ комнатѣ никого не было.

Нина Борисовна была слабая и болѣзненная женщина лѣтъ подъ пятьдесятъ. Лицо у нея было пепельнаго цвѣта, глаза сѣрые и сонные, а губы имѣли постоянное выраженіе какой-то брезгливости, какъ будто она только-что проглотила непріятное лекарство. Го-

ворила она всегда медленно и тихимъ однотоннымъ голосомъ.

Отвернувшись черезъ нѣсколько времени отъ окна и видя, что гости все еще въ плачевномъ настроеніи, она стала утѣшать ихъ.

— Что же дѣлать, если было такъ угодно Богу. Къ чему слезы!.. Anastasie! у тебя крестикъ совсѣмъ на плечо сбился,—поправь, милочка... Конечно, грусть словами не утѣшишь, но необходимо удерживаться отъ рыданій... Воля Божія... Къ чему слезы! Онѣ только разстраиваютъ нервы...

Замѣтивъ потомъ опять что-то на счетъ воротничка Насти, который, какъ ей показалось, покривился въ сторону, Нина Борисовна подошла къ тому креслу, гдѣ сидѣлъ Петръ Ѳедоровичъ, и сказала:

— Къ несчастію, это не все...

— Какъ!—удивленно воскликнулъ онъ, вдругъ припомнивъ, что въ извѣстіи, дошедшемъ до него въ Парижѣ, было еще что-то сказано о свадьбѣ.

— Да-а, Pierre, увы... Смерть твоей maman вовсе не несчастіе: она была больная старушка, и рано-ли, поздно-ли, а умирать надо... Но что случилось съ вашимъ сыномъ—это въ самомъ дѣлѣ такое невообразимое несчастіе...

Петръ Ѳедоровичъ уже стоялъ около тетки, ловя ея каждое слово, Глафира Александровна и Настя тоже оставили платки и съ изумленіемъ взглянули на ея безстрастное лицо.

— Я не знаю, какъ васъ приготовить, — медленно тянула она, и вдругъ рѣшила, что пусть лучше передастъ объ этомъ самъ Павелъ Степановичъ.

— Но, ma tante, — молитвенно воскликнулъ Петръ Ѳедоровичъ,—это невозможно. Ради Бога, не томите!..

— Ахъ, какъ же я... Васъ это можетъ ужасно встревожить... Я сама теряюсь. Такое почти невозможное событіе.

— На счетъ свадьбы, да?—поспѣшно перебилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Вы уже знаете?—удивленно спросила Нина Борисовна.

— Нѣтъ, нѣтъ, я хорошо не знаю... Передавали, что какая-то свадьба, что дядя огорченъ..,

— Оч-чень!—задумчиво отвѣтила Нина Борисовна и замолчала.

Петръ Ѳедоровичъ стоялъ передъ ней съ широко раскрытыми глазами и не замѣчалъ, что давно сбилъ свою прическу, хватаясь ежеминутно за голову.

— Неужели Анатолій...—прошепталъ онъ, не сводя глазъ съ тетки.

— Да-а...—протянула она.

— На комъ же, на комъ же?.. ma tante... Ради Бога...

Нина Борисовна пожала плечами и пошла отъ него въ сторону. Онъ не отставалъ отъ нея, продолжая просить не мучить его.

— Ахъ, какой ты странный!..—обидчиво возразила она,—развѣ я могу мучить? Это даже съ твоей стороны безтактно... Я только не рѣшаюсь... Мнѣ страшно самой...

— Но, разсудите, — отозвалась Настя почти сердито:—если вы сказали уже на половину, то къ чему же медлить?

Глафира Александровна въ это время съ явнымъ пренебреженіемъ поднялась съ кресла и, надменно ткнувъ пальцемъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ взволнованный Петръ Ѳедоровичъ, проговорила своимъ густымъ контральто:

— Вотъ результаты вашей безпечности, вашего неряшества, можно сказать, да!.. Я понимаю, ma tante, —обратилась она къ Нинѣ Борисовнѣ, — о чемъ вы скрываете... Я догадываюсь...

— Да-а?—протянула Нина Борисовна и, вздохнувъ, добавила:—это, однако же, уж-жасно!..

— Ma tante, — молилъ Петръ Ѳедоровичъ, тоже сжавъ руки одну въ другой и приложивъ ихъ къ своей груди: — ради Бога... Меня мучитъ страшное

подозрѣніе... Я нѣсколько разъ о немъ задумывался и всегда выбрасывалъ вонъ изъ головы, какъ невозможное... Теперь, судя по вашимъ словамъ... я боюсь... Неужели онъ унизилъ нашъ родъ?..

— Ахъ, да! Это невѣроятное преступленіе:—Поярковъ женился на дочери своего бывшаго крѣпостного... Ужа-асно!..

Петръ Ѳедоровичъ вдругъ умолкъ, сгорбился и съежился, точно его кто придавилъ сверху тяжестію, опущенною прямо ему на голову. Глафира Александровна отшатнулась отъ Нины Борисовны съ такимъ выраженіемъ лица, точно она мгновенно превратилась изъ вялой скучающей женщины въ ядовитую змѣю, а Настя визгливо воскликнула: «ахъ, какой позоръ!»

— Позоръ! позоръ! И вотъ онъ, одинъ онъ,—виновникъ этого позора, — сердито заговорила Глафира Александровна, показывая обѣими руками на приниженную фигуру Петра Ѳедоровича.—Боже, сколько я ему говорила, какъ молила его обратить вниманіе на сына... Сколько слезъ было... сколько страданій... Ахъ, это ужасно, ужа-асно!

— Кажется, сюда идетъ Павелъ Степановичъ,— холодно замѣтила Нина Борисовна, прерывая горячую рѣчь Глафиры Александровны.

XXXII.

Всѣ вдругъ встрепенулись и смолкли, прислушиваясь къ приближавшимся изъ сосѣдней комнаты шагамъ. Звуки шаговъ раздавались яснѣе и яснѣе. Судя по нимъ, Нина Борисовна догадывалась, что Павелъ Степановичъ не въ духѣ.

Павелъ Степановичъ шелъ мелкими частыми шагами и размахивалъ тетрадкой какихъ-то казенныхъ бумагъ, захваченныхъ имъ съ собою изъ кабинета въ порывѣ досады. Ему было лѣтъ подъ семьдесятъ, но держался онъ еще довольно бодро и носилъ голову съ явнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства. Глаза его вгло-

чемъ были уже тусклые, но за то густыя черныя брови, бойко двигаясь, придавали имъ большую выразительность. Справедливость однако-жъ требуетъ сказать, что брови у него были немножко подкрашены, волосы на головѣ тоже, и блѣдный, едва замѣтный руманецъ на щекахъ при всей своей естественности казался все-таки подозрительнымъ. Ростомъ Павелъ Степановичъ былъ нѣсколько повыше Петра Ѳедоровича, но не такъ мясистъ какъ онъ, хотя и имѣлъ довольно кругленькое брюшко.

Растворивъ дверь въ гостиную, онъ остановился при входѣ и, не говоря ни слова, закачалъ головой, смотря на Петра Ѳедоровича.

— Вотъ она, вотъ, замѣтьте, эта неосторожность, это невниманіе, эта ваша всегдашняя небрежность, да!.. Вотъ она къ чему ведетъ! наставительно заговорилъ наконецъ онъ, постукивая во время этой рѣчи тетрадкою казенныхъ бумагъ по ладони своей лѣвой руки.

Петръ Ѳедоровичъ молчалъ.

Поздоровавшись затѣмъ очень сдержанно съ Глафирой Александровной, Павелъ Степановичъ нѣсколько оживился, цѣлуя Настю, и потрепалъ ее по щекѣ, причемъ нижняя губа его немного отвисла.

— Хорошѣешь... да!.. Хорошѣешь! — улыбаясь, сказалъ онъ ей; но гнѣвъ на племянника или вообще гнѣвное расположеніе духа, владѣвшее имъ въ это утро, не успокоилось при видѣ молодости и красоты внучки.

— Нельзя такъ жить, нельзя!—началъ онъ, снова обращаясь къ племяннику,—разгуливаешь тамъ по заграницамъ, а дома Богъ знаетъ что дѣлается.

— Я имѣлъ намѣреніе пробыть за границей не болѣе недѣли, — оправдывался Петръ Ѳедоровичъ, — но дѣла, дядюшка, задержали.

— Дѣла, дѣла!.. Какія тамъ дѣла!.. — хмуро прервалъ Петръ Степановичъ:—самъ же ты мнѣ говорилъ, что получаешь опредѣленную плату отъ отдачи въ

аренду земель, луговъ и мельницы. — Какія же еще дѣла?

— Я, дядюшка, на счетъ... конноводства,—вдругъ бухнулъ Петръ Ѳедоровичъ, не зная самъ что говоритъ.

Но Павелъ Степановичъ или давно уже зналъ о его наклонности приврать, или такъ вообще былъ разсерженъ,—не захотѣлъ слушать никакихъ объясненій и круто отвернулся отъ него.

— Это поразительно, — сказалъ онъ, пожалъ плечами, обращаясь къ Глафирѣ Александровнѣ. — Поярковъ, дворянинъ, и женился на крестьянкѣ!.. Какъ не стыдно! Какъ можно было до этого допустить!..

— Ужасно!—трагически прошептала Глафира Александровна.

— Но и вы, Глафира Александровна, не правы,—продолжалъ дядя,—pardon, я васъ тоже обвиняю. Ну, какъ возможно, какъ возможно было не предусмотрѣть этого!..—заволновался онъ опять, начавъ бить тетрадью казенныхъ бумагъ по ладони лѣвой руки, и вдругъ умолкъ.—Ахъ, да,—спохватился онъ, вспомнивъ, что именно на эти казенныя бумаги, которыми онъ такъ теперь безцеремонно размахиваетъ, нужно сегодня же послать отвѣтъ:—pardon, я долженъ... Кажется, уже поздно...

И, посмотрѣвъ на часы, онъ, чѣмъ-то сильно озабоченный, торопливо пошелъ изъ гостиной; но, сдѣлавъ два шага, снова вернулся, снова заколотилъ тетрадкой по рукѣ и, волнуясь, сталъ упрекать Петра Ѳедоровича за то, что онъ допустилъ такой позоръ въ ихъ старинной дворянской семьѣ.

— Я буду настаивать на разводѣ, — заявилъ ему Петръ Ѳедоровичъ.

— Разводъ, разводъ!—загорячился дядя,—развѣ это легкое дѣло? Ты думаешь, архіерей можетъ такъ сво[illegible] властію... Да! Какъ же!

И видимо вспомнивъ опять о дѣлѣ, безпокоивше[illegible] его въ это утро, онъ отмахнулся рукой отъ племя[illegible]ника и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Ma tante, онъ придетъ, да,—прошепталъ Петръ Ѳедоровичъ, когда шаги дяди затихли вдали.

Нина Борисовна задумчиво покачала головой.

— Не думаю... а впрочемъ, можетъ быть,—отвѣтила она.

— Не лучше ли будетъ пойти мнѣ туда къ нему?.. Я могъ бы одинъ все высказать... объяснить...

— Лучше подождать...

— Неужели, ma tante, извѣстія изъ Красныхъ-Горокъ такъ на него повліяли? — шопотомъ спросила Глафира Александровна.

— Не знаю..., уклончиво отвѣтила Нина Борисовна:—разумѣется, ему непріятно это...

— Такой онъ всегда милый, любезный, такъ бывалъ ласковъ къ Настѣ,—продолжала Глафира Александровна:—и вдругъ теперь... Ахъ, какое несчастіе...

Нина Борисовна на это ничего не отвѣтила и всѣ Поярковы какъ-то притихли, точно ждали, что вотъ-вотъ случится что-то необыкновенное. Извѣстіе о женитьбѣ Анатолія, такъ поразившее ихъ нѣсколько минутъ тому назадъ, теперь отодвинулось на второй планъ, уступивъ мѣсто тревогѣ, вызванной гнѣвомъ на нихъ дяди.

Чрезъ нѣсколько времени дверь въ гостиную снова отворилась и лакей почтительно доложилъ Нинѣ Борисовнѣ:

— Его пр-ство проситъ васъ въ кабинетъ.

Нина Борисовна молча кивнула головой, лакей тихо притворилъ дверь и вышелъ, а вслѣдъ за его уходомъ, Петръ Ѳедоровичъ обратился къ тетѣ, цѣлуя ея руку.

— Ma tante, добрая... ради Бога...

Глафира Александровна тоже подошла къ ней и зашептала что-то. Настя, всегда такая сообразительная и умѣющая дѣлать во-время что нужно, послѣдовала примѣру матери и даже поцѣловала тетку въ плечо.

Нина Борисовна, не выразивъ гостямъ ни участія, ни гнѣва, и сказавъ имъ ничего не значущихъ два-три слова, пошла къ Павлу Степановичу.

Павелъ Степановичъ въ это время волновался въ кабинетѣ, недовольный тѣмъ, что не можетъ найти писемъ и телеграммъ, адресованныхъ на его имя изъ Красныхъ-Горокъ для передачи Пояркову.

— Богъ знаетъ что такое! — ворчалъ онъ, — не отдалъ-ли я тебѣ ихъ, Нина Борисовна?

— Нѣтъ.

— Куда они завалились?

Онъ сердито перебиралъ на столѣ бумаги и еще болѣе затруднялъ себя.

— Успокойся, пожалуйста... уговаривала Нина Борисовна: — развѣ же можно разбрасывая бумаги что-нибудь найти? Оставь пока, передашь послѣ: не сегодня же они уѣзжаютъ.

— Ну, хорошо, хорошо... Въ самомъ дѣлѣ можно послѣ передать. Мнѣ пора ѣхать. Такъ и скажи, что послѣ. Эй! — обратился онъ къ лакею, вошедшему на его звонокъ,—изъ канцеляріи жду!.. Скажи...

Волненіе его немного поутихло, онъ пересталъ швырять на столѣ бумаги и занялся своимъ туалетомъ, подошелъ къ зеркалу, поправилъ на груди ленту, заботливо потеръ рукой пухлыя щеки, но, взглянувъ на часы, опять затревожился.

— Гдѣ онъ, тотъ... чиновникъ... Гдѣ онъ тамъ?

— Гдѣ пропадаете?—заворчалъ онъ на вошедшаго въ это время чиновника съ портфелемъ.

Чиновникъ, съежившись, смотрѣлъ ему прямо въ глаза и держалъ въ обѣихъ рукахъ портфель такъ, чтобы можно было моментально передать его въ руки Павла Степановича.

— Тутъ все? Бумаги? Не забыли?

— Не забылъ-съ. Все тутъ,—торопливо отвѣтилъ чиновникъ, не сводя глазъ съ Павла Степановича и ожидая, не благоугодно ли ему будетъ еще о чемъ нибудь спросить. Однако же Павелъ Степановичъ больше не сдѣлалъ ему никакого вопроса, а, взявъ въ руки портфель, развернулъ его и удостовѣрился, все ли нужныя ему бумаги положены.

— А гдѣ же... та... Гдѣ она?.. Я говорилъ вамъ... вдругъ закричалъ онъ, начиная опять сильно волноваться и дергая изъ портфеля бумаги.

Чиновникъ вспыхнулъ и какъ мячикъ подскочилъ къ нему. Быстро вытянувъ изъ массы бумагъ ту именно, о которой такъ встревожился вдругъ Павелъ Степановичъ, онъ молча показалъ ему ее, и опять, не сводя глазъ съ его лица, ждалъ новаго вопроса, готовый, какъ видно, въ ту же минуту безъ записки отвѣтить на всякій вопросъ, касающійся службы.

Онъ былъ небольшого роста, тоненькій, приглаженный, въ чистенькомъ вицмундирѣ и все время стоялъ передъ Павломъ Степановичемъ такъ, точно локти его рукъ были крѣпко привязаны къ корпусу.

— А ну... ну... хорошо...—успокаиваясь сказалъ Павелъ Степановичъ:—ну... идите...

Чиновникъ беззвучно выскользнулъ изъ кабинета, кивнувъ разъ десять головой Нинѣ Борисовнѣ, несмотря на то, что она стояла къ нему спиной.

— Какъ же въ гостиной?.. спросила она, замѣтивъ, что Павелъ Степановичъ направляется прямо въ переднюю.

— Ахъ, мнѣ теперь не до нихъ, послѣ, послѣ.

И не заходя въ гостиную, онъ уѣхалъ.

XXXIII.

Въ гостинной была только Глафира Александровна съ дочерью. Настя тревожно кусала себѣ губы, торопливо расхаживая по комнатѣ и каждый разъ при поворотѣ отъ стѣны отбрасывала ногой шлейфъ въ сторону съ такимъ негодованіемъ, точно онъ именно и былъ причиной всѣхъ непріятностей этого утра. Глафира Александровна сидѣла на диванѣ, опершись затылкомъ о его спинку и не раскрывала глазъ, жалуясь будто бы на головную боль; въ дѣйствительности же она соображала, какъ и въ чемъ искать выхода изъ такихъ, вдругъ нахлынувшихъ затрудненій.

и прислушивалась, не идетъ ли наконецъ Павелъ Степановичъ.

Заслышавъ шаги изъ залы, она приподняла голову отъ спинки дивана, поспѣшно вынула изъ кармана батистовый платокъ и приложила его къ глазамъ, дѣлая видъ, что еще не успокоилась отъ услышанныхъ ею печальныхъ извѣстій изъ Красныхъ-Горокъ. Настя тоже нѣсколько оправилась и самъ Петръ Ѳеодоровичъ, скрывавшійся въ сосѣдней комнатѣ изъ благоразумной предосторожности не огорчать своимъ присутствіемъ жены, вышелъ въ гостиную, какъ только услышалъ, что Нина Борисовна возвратилась.

— Что, тетя? какъ?..—уныло спросилъ онъ.

— Уѣхалъ,—отвѣтила Нина Борисовна.

— Какъ уѣхалъ?.. Дядя?.. Сердится, да? Видѣть не хочетъ, да?—испуганно зашепталъ Петръ Ѳеодоровичъ.

Глафира Александровна вспыхнула и приподнялась съ дивана, готовая разразиться новой бурей упрековъ на Петра Ѳедеровича, но при первыхъ же ея словахъ, онъ сердито заговорилъ:

— Перестаньте, ради Бога! Это же теперь безполезно... Тетя, милая тетя! — обратился онъ къ Нинѣ Борисовнѣ, помогите намъ, посовѣтуйте какъ быть.

Глафира Александровна видимо поняла, что въ самомъ дѣлѣ надо подумать теперь о томъ, какъ бы помириться съ дядей, а упрекамъ можно дать мѣсто у себя на квартирѣ и еще даже съ большимъ удобствомъ, чѣмъ въ домѣ дяди.

— Тетя! будьте нашимъ ангеломъ хранителемъ,—начала она, впадая въ тонъ мужа.

— Скажите, что же намъ дѣлать? Ждать его возвращенія или пріѣхать вечеромъ? Одному мнѣ пріѣхать или вмѣстѣ всѣмъ?—порывисто перебилъ Петръ Ѳед ровичъ.

— Лучше всего я думаю пріѣхать вамъ всѣмъ в черомъ,—задумчиво отвѣтила Нина Борисовна.

Они вышли изъ гостиной тихими, осторожны

шагами, находясь подъ впечатлѣніемъ невольной боязни, вызванной въ нихъ тѣмъ сердитымъ и страннымъ пріемомъ, какой оказалъ имъ дядя.

Возвратясь въ гостинницу, они, само собой разумѣется, не могли остаться въ мирныхъ отношеніяхъ и сводили старые счеты.

Подавленный печальными извѣстіями изъ Красныхъ-Горокъ, Петръ Ѳедоровичъ долго переносилъ упреки Глафиры Александровны, стараясь не обращать на нихъ вниманія, но, наконецъ, не выдержалъ и разразился самъ упреками. Это повело къ новымъ слезамъ, потребовался туалетный уксусъ, лавровишневыя капли и т. д. Какъ разъ въ минуту самаго сильнаго нервнаго разстройства были получены отъ Нины Борисовны отысканныя ею на столѣ Павла Степановича письма и телеграммы, адресованныя изъ Красныхъ-Горокъ, и по прочтеніи нхъ начались между супругами новые упреки и слезы, и дѣло дошло бы непремѣнно до истерическихъ припадковъ, еслибы Глафира Александровна не сознавала необходимости быть вечеромъ у дяди.

Къ вечеру отношенія между ними настолько возстановились, что можно было понять, къ какому выводу привели ихъ событія этого печальнаго дня. Выводъ былъ однакоже не утѣшительный. Глафира Александровна упорно настаивала на томъ, что ѣхать въ Красныя-Горки послѣ такого скандала она не можетъ, а Петръ Ѳедоровичъ увѣрялъ, что никакого скандала не будетъ и бракъ Анатолія немедленно же расторгнется, какъ только Петръ Ѳедоровичъ донесетъ объ этомъ мѣстному архіерею. Но потомъ, послѣ того, какъ согласилась и сама Глафира Александровна, что бракъ Анатолія слѣдуетъ расторгнуть, она рѣшительно заявила, что должна остаться съ Настей въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, на первые два-три мѣсяца, пока кончится скандалъ Анатолія, и требовала, чтобы Петръ Ѳедоровичъ обезпечилъ ихъ на это время необходимымъ количествомъ денегъ. Онъ сталъ было отнѣкиваться

подъ разными благовидными предлогами, ссылаясь на то, что жить всѣмъ врознь неловко и что дядя, пожалуй, опять разгнѣвается, но Глафира Александровна сразу уничтожила всѣ эти благовидные предлоги.

— Я вижу, что вы стѣсняетесь въ средствахъ,— сказала она съ свойственною ей надменностію, и чтобъ васъ не обезпокоить, мы съ Настей обратимся къ дядѣ. Если просить у него прощенія, то просить сразу за все. Къ чему столько времени скрываться отъ него? Вы видите, какъ онъ еще бодръ и, можетъ быть, еще долго придется вамъ ждать наслѣдства... И неизвѣстно кромѣ того, кто изъ васъ первый долженъ умереть.

— Ахъ, — поморщился Петръ Ѳедоровичъ, и съ большимъ неудовольствіемъ отошелъ въ противоположную часть комнаты.

Глафира Александровна съ нескрываемымъ презрѣніемъ оглянула его.

— Рано или поздно,—продолжала она, а дядюшка навѣрное узнаетъ о положеніи вашихъ дѣлъ, не будутъ же ваши друзья Хохлаковы кредитовать васъ двадцать лѣтъ...

— Вотъ что, Глафира Александровна, — вдругъ разгорячился Петръ Ѳедоровичъ, ударя себя въ грудь:— угодно вамъ меня слушать — слушайте, не угодно— какъ хотите; но я васъ все-таки предупреждаю, что если вы дядѣ скажете о положеніи нашихъ дѣлъ, это поведетъ къ окончательному разрыву.

— Пожалуйста, не запугивайте.

XXXIV.

Такъ вечеромъ они и поѣхали къ дядѣ, не прійдя ни къ какому соглашенію.

Ихъ встрѣтила опять одна Нина Борисовна.

— А дядюшка?—робко спросилъ Петръ Ѳедововичъ.

— Онъ сейчасъ только уѣхалъ. Вѣроятно, скоро вернется.

— Вы, тетя, милая, дорогая!.. Вы за насъ хода-

тайствовали, да?—зашептала Глафира Александровна, держа костлявую руку тетки въ обѣихъ своихъ пухлыхъ рукахъ.

— Ахъ, вздохнувъ,—отвѣтила тетка,—сегодня Павелъ Степановичъ невыносимъ, и я рѣшительно отказываюсь его понимать. Онъ Богъ знаетъ, что говоритъ.

— Сердится, да?

— Сердится... да...

Они стояли на серединѣ большой комнаты, въ которой кромѣ зеркалъ и стульевъ никакой другой мебели не было. Пока Нина Борисовна говорила о Павлѣ Степановичѣ, Настя безпокойно оглядывала комнату и нетерпѣливо мяла перчатку, досадуя, что недогадливая тетка такъ долго держитъ ихъ на ногахъ.

— Но что же мы здѣсь стоимъ?—сказала наконецъ Нина Борисовна,—пойдемте ко мнѣ.

Она провела гостей чрезъ длинный рядъ комнатъ въ свою маленькую гостиную и расположилась въ креслѣ около камина, предоставивъ ихъ самимъ себѣ. Настя сѣла около нея, Глафира Александровна тоже—обѣ имѣли въ виду подвергнуть ее чарамъ своей любезности и почтительнаго къ ней вниманія. Петръ Ѳедоровичъ косился на нихъ и очень былъ неспокоенъ, опасаясь, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ онѣ, по свойственному женщинамъ легкомыслію, не проговорились о положеніи его дѣлъ. Въ видахъ предосторожности онъ тоже не отдалялся отъ камина, гдѣ сидѣла уютно сжавшись въ креслѣ Нина Борисовна, и сторожилъ каждое слово жены и дочери, имѣя въ виду въ случаѣ надобности прервать ихъ рѣчь и овладѣть разговоромъ. Однако въ этомъ не было пока никакой надобности: Настя и Глафира Александровна говорили совсѣмъ не о положеніи дѣлъ Петра Ѳедоровича, а о достоинствахъ самой Нины Борисовны, о ея «величавомъ спокойствіи» и о многомъ другомъ, несомнѣнно ей, какъ онѣ думали, пріятномъ. За такой разговоръ Петръ Ѳедоровичъ не боялся, хотя замѣчалъ, что жена и дочь напрасно тратили время, такъ какъ лицо Нины Бори-

совны, несмотря на ихъ сладкія рѣчи, оставалось такимъ же деревяннымъ, какимъ оно было всегда, и кромѣ того, онъ зналъ, что если тетка и могла оказывать вліяніе на дядю, то лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ.

Къ комнатѣ было тихо; Поярковы, занимая тетку разговорами, по временамъ прислушивались къ доносившемуся съ улицы глухому грохоту экипажей и украдкой вздыхали, томясь скукой и ожиданіемъ пріѣзда дяди. Бесѣдовать съ Ниной Борисовной въ самомъ дѣлѣ было невесело, такъ какъ она почти не поддерживала разговора и только изрѣдка произносила какое-нибудь односложное слово, да и то нехотя. Но вотъ Поярковы оживились и переглянулись: въ комнату ворвался грохотъ колесъ подкатившаго къ подъѣзду экипажа, и чрезъ нѣсколько времени глухой шумъ изъ дальнихъ комнатъ.

— Дядюшка, да?—шопотомъ спросилъ Петръ Ѳедоровичъ, приподнимаясь со стула.

— Кажется, онъ, — отвѣтила Нина Борисовна и стала поправлять въ каминѣ угли, явно выражая этимъ, что нимало не интересуется пріѣздомъ Павла Степановича.

Но скука ожиданія, томившая Поярковыхъ, еще не кончилась. Павелъ Степановичъ прошелъ изъ передней прямо къ себѣ въ кабинетъ, ничего не отвѣтилъ на докладъ слуги о гостяхъ, даже не взглянулъ на него. Слуга, протянувшій-было руку, чтобы принять отъ него шляпу, такъ съ протянутой рукой и остался, и когда потомъ, спохватившись, поспѣшилъ за нимъ, чтобы успѣть растворить дверь въ залу, Павелъ Степановичъ самъ растворилъ ее. Слуга однакоже успѣлъ опередить его и растворивъ дверь въ кабинетъ, шмыгнулъ туда, чтобы прибавить огня і лампахъ.

Подойдя къ своему письменному столу, стоявшеі по срединѣ комнаты, Павелъ Степановичъ небреж сунулъ свою шляпу на какую-то пачку бумагъ и чѣм

то видимо озабоченный прошелъ внутрь комнаты. Шляпа колыхнулась съ бумагъ на бокъ, описала по краю стола полукругъ и свалилась на коверъ. Слуга молча подобралъ ее и, исподлобья оглянувъ барина, стоявшаго къ нему спиной, вышелъ изъ кабенета. Рядомъ съ кабинетомъ была другая небольшая комната, уставленная мягкой мебелью и шкафами съ книгами; Петръ Степановичъ прошелъ туда, въ сущности самъ не зная зачѣмъ, но повернувшись тамъ, зашагалъ обратно къ письменному столу. Онъ не зналъ куда ему уйти, чтобы успокоиться отъ огорченій, вызванныхъ какимъ-то письмомъ. Вспомнивъ, что слуга докладывалъ ему о Поярковыхъ, онъ пошелъ чрезъ длинный рядъ слабо освѣщенныхъ комнатъ въ маленькую гостиную и вошелъ туда въ то время, когда въ каминѣ только-что вспыхнуло пламя отъ подложенныхъ въ него углей.

Яркій свѣтъ камина, отразившись на лицѣ вошедшаго Павла Степановича, еще яснѣе и опредѣленнѣе обрисовалъ его гнѣвное выраженіе. Петръ Ѳедоровичъ даже испугался и потупился: онъ еще никогда не видалъ дядю въ такомъ гнѣвѣ.

— Прочти!—глухо сказалъ дядя, кинувъ на столъ какой-то пакетъ и покосившись при этомъ на Петра Ѳедоровича.

Въ пакетѣ было письмо отъ Спиридона Яковлева Березкина, потерявшаго наконецъ надежду на возвращеніе Петра Ѳедоровича въ усадьбу, и подробно описывавшаго положеніе его дѣлъ съ цѣлью разжалобить Павла Степановича и выпросить пособіе Анатолію Петровичу, «брошенному родителями въ заложенномъ и разоренномъ имѣніи безъ всякихъ средствъ къ существованію».

Скандалъ произошелъ ужасный. Дядя сердился, шипѣлъ, кричалъ и грозилъ лишеніемъ наслѣдства. Петръ Ѳедоровичъ попробовалъ-было оправдываться, но дядя не далъ ему выговорить слова.

— Знать не хочу никакихъ твоихъ дѣлъ,—кричалъ

онъ,—слышать не хочу никакихъ оправданій: продавай, выкупай, вновь закладывай все, что можешь, а ко мнѣ не обращайся.

Петръ Ѳедоровичъ былъ красенъ какъ піонъ и имѣлъ такой убитый видъ, точно въ этотъ же вечеръ ему предстояло идти на казнь.

Глафира Александровна и Настя плакали, а Нина Борисовна ушла въ другія комнаты, оставивъ Поярковыхъ въ жертву разгнѣванному дядѣ.

Такимъ образомъ Березкинъ предупредилъ Глафиру Александровну и разбилъ ея планы. Она надѣялась добиться у дяди свиданія съ глазу на глазъ, разжалобить его своей откровенностью, и вдругъ какъ нельзя болѣе некстати получилось несчастное письмо Березкина. Очень можетъ быть, что и безъ этого письма ожидали ее впереди разочарованія и скорбь и неизбѣжный гнѣвъ дяди; но тогда, взвѣшивая впечатлѣнія, производимыя на дядю откровенными разговорами о разстройствѣ дѣлъ, она могла попридержаться и не разсказывать всего сразу.

— Господи! За что такое мученіе!—томилась теперь она,—грубый мужикъ, нашъ же прежній рабъ, могъ такъ зло навредить намъ. За что? За что?

Она отвернулась къ спинкѣ кресла и склонилась къ ней головой, закрывъ лицо руками, не столько впрочемъ подъ вліяніемъ горя, сколько для того, чтобы не такъ рѣзко раздавался въ ея ушахъ непріятный визгливый голосъ разгнѣваннаго дяди.

Накричавшись до изнеможенія, дядя въ десятый разъ съ грозною рѣшимостью заявилъ, что ни въ какомъ случаѣ не будетъ оказывать имъ денежной помощи ни теперь, ни послѣ. Онъ только одну надежду оставилъ Петру Ѳедоровичу въ утѣшеніе, а именно: устроить его гдѣ-нибудь въ провинціи на государственную службу, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ предварительно этого развязался со всѣми своими долгами и залогами какъ хочетъ и какъ знаетъ.

— Вотъ что вы надѣлали, Петръ Ѳедоровичъ,—въ

слезахъ упрекала Глафира Александровна, когда они возвращались отъ дяди.

— Это, папа, безжалостно, жестоко! Этого, папа, я вамъ никогда, никогда не прощу, — всхлипывала Настя.

Петръ Өедоровичъ кусалъ усы и отчаянно шипѣлъ, прося жену и дочь не говорить такъ громко. Ему непріятно было, что кучеръ извощичьей кареты могъ слышать ихъ разговоръ.

XXXV.

Унылые и мрачные, не говоря другъ съ другомъ ни слова, они стали, наконецъ, собираться въ дорогу. Глафира Александровна была въ слезахъ, Настя тоже, са́мъ Петръ Өедоровичъ сильно прихрамывалъ на лѣвую ногу и сгорбился. Отдавая деньги по счету гостинницы, онъ почти испугался, только теперь замѣтивъ, какъ опустѣлъ вдругъ его бумажникъ, и заохалъ, жалуясь на головную боль. Глафира Александровна не выдержала однако своей молчаливой роли и, уже когда вещи ихъ были увезены на желѣзную дорогу, прочитала наставленіе Петру Өедоровичу, поплакала обнявшись съ любимицей Настей и рѣшительно заявила, что въ Красныя-Горки онѣ не поѣдутъ и останутся у ея родныхъ въ губернскомъ городѣ. Петръ Өедоровичъ во все время ея сердитой рѣчи думалъ о томъ, нельзя ли какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь умилостивить дядю, и молчалъ.

— И я надѣюсь, — продолжала Глафира Александровна, — я даже увѣрена, что Павелъ Степановичъ поддержитъ насъ... Я буду писать, просить и несомнѣнно поставлю на своемъ... Конечно, онъ старый еловѣкъ, немного странный... но, другъ мой Настя, азвѣ можно думать, что онъ долго будетъ на насъ нѣваться?

«Другъ Настя» сидѣла надувшись и тоже упорно молчала.

Такъ и во время дороги отъ Петербурга до Москвы они не ладили между собой, пока не встрѣтился имъ въ буфетѣ вокзала гдѣ-то около Твери Филаретъ Павловичъ Хохлаковъ, встрѣча съ которымъ была столько же неожиданна, сколько и благопріятна по своимъ послѣдствіямъ.

Филаретъ Павловичъ былъ въ Петербургѣ и прожилъ тамъ недѣли три. Онъ хлопоталъ по своимъ дѣламъ на Калашниковской пристани, ѣздилъ на биржу, толковалъ съ маклерами, распивалъ съ пріятелями купцами чаи по трактирамъ, разсказывая имъ о томъ, какъ забралась къ нему въ ногу невралгія, но не забывалъ при этомъ время отъ времени наводить справки о Петрѣ Ѳедоровичѣ.

— Что за оказія,—удивлялся онъ,—велики ли деньги десять тысячъ, а такъ долго ихъ Петръ Ѳедоровичъ спустить не можетъ.

— Ба, ба! Петръ Ѳедоровичъ!—воскликнулъ онъ, обрадовавшись, что, наконецъ-то, цѣнный для него человѣкъ живъ и невредимъ.

Петръ Ѳедоровичъ и самъ обрадовался встрѣчѣ и тотчасъ же сообразилъ, что у Хохлакова можно занять денегъ. Пошли вопросы, откуда, какъ? Оказалось, что Хохлаковъ успѣлъ заѣхать въ Рыбинскъ, что-то тамъ удачно продалъ, какое-то дѣло хорошо обработалъ и былъ въ веселомъ расположеніи духа.

— Вы, конечно, въ первомъ классѣ, да?.. И сядемъ вмѣстѣ?—спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Нѣтъ, я, признаться, во второмъ, — улыбаясь отвѣтилъ Филаретъ Павловичъ.

— Ай-ай! какъ не стыдно?—качая головой, упрекнулъ Поярковъ.

— Пустое дѣло! Что зря деньги бросать, Петръ Ѳедоровичъ! Удобства тѣ же, только дороже... Их вѣдь, чертей, прости Господи, не удивишь... Я лучш бѣдному...

— Но въ такомъ случаѣ до Москвы... Тамъ поговоримъ...

— Ну что-жъ, дѣло хорошее...

Разстались до слѣдующаго буфета, думая другъ о другѣ каждый по-своему. Хохлаковъ соображалъ:— наклевывается подходящая, кажись, статья, баринъ позапутался опять въ деньжонкахъ... И что-то больно ласково разговариваетъ, — да что теперича изъ него извлечь? Далъ тогда маху: усадьбу-то надо бы взять тогда въ залогъ со всѣмъ движимымъ, ну да авось моихъ рукъ не минуетъ. А Поярковъ думалъ: — Что ему значитъ какая-нибудь тысяча рублей—лѣсная дача стоитъ вдвое дороже того, во сколько она заложена. Дастъ еще тысячу... непремѣнно дастъ... И въ такихъ соображеніяхъ прошло время переѣзда отъ Петербурга до Москвы.

— Ну, какъ дядюшка? Изволили, разумѣется, видаться?—разспрашивалъ Филаретъ Павловичъ.

— Да, да!—утвердительно и съ большой важностію отвѣчалъ Петръ Ѳедоровичъ:—конечно, видались... Мы жили у него долго, недѣли двѣ... Знаете, трудно разстаться... Старикъ такой ласковый.

— Гм... Худо!—думалъ про себя Филаретъ Павловичъ:—пожалуй, старый хрѣнъ ему денегъ далъ... Эка я сглупилъ тогда!.. А хорошая у него мебель... Дешево бы можно добыть...

— Ну, а какъ, Петръ Ѳедоровичъ, къ примѣру на счетъ денегъ дядюшка строгъ? — спросилъ Филаретъ Павловичъ, поглаживая свою блестящую лысину.

Петръ Ѳедоровичъ рукой махнулъ.

— Значитъ, пока на ногахъ держится, не выжмешь? — улыбаясь продолжалъ Филаретъ Павловичъ, чувствуя душевное удовольствіе отъ пріятнаго извѣстія.

И опять разстались до слѣдующаго буфета. Петръ Ѳедоровичъ уже увлекался новыми планами, основы-я ихъ пока на одномъ только предположеніи, что я Филарета Павловича ничего не стоитъ дать ему аймы тысячи двѣ-три, о чемъ онъ передалъ и Гларѣ Александровнѣ—и всѣ оживились, забыли о дядѣ, недавнихъ своихъ скорбяхъ и зажили мечтами о томъ,

что не мѣшаетъ остаться на нѣкоторое время въ Москвѣ. При этомъ припомнилось, что дорога изъ Нижняго по Волгѣ по случаю приближающейся весны дѣлается съ каждымъ днемъ хуже и остановка въ Москвѣ являлась прямою и неотразимою необходимостію. Такъ одна только надежда на возможность достать денегъ способна была оживить Поярковыхъ и одновременно съ этою надеждою тотчасъ же возникали у нихъ мечты о примиреніи съ дядей, о слабомъ состояніи его здоровья и о полученіи наслѣдства послѣ его смерти.

Обмѣнялся Петръ Ѳедоровичъ съ Хохлаковымъ адресами. Оказалось, что опять они въ разныхъ гостинницахъ. Поярковъ на Никольской въ Славянскомъ Базарѣ, Хохлаковъ на Ильинкѣ въ старомъ и грязномъ Посольскомъ подворьѣ. Но какъ ни грязно это подворье, а пришлось туда идти самому Петру Ѳедоровичу. Онъ поджидалъ-было Филарета Павловича, предполагая даже угостить его на славу, но Хохлаковъ соображалъ объ этомъ по своему—«лучше, молъ, будетъ, ежели ты ко мнѣ придешь, а не я къ тебѣ».

И не успѣлъ еще Хохлаковъ хорошенько помолиться въ часовнѣ у Иверской, какъ Петръ Ѳедоровичъ былъ уже у него въ нумерѣ и ждалъ его возвращенія. Филаретъ Павловичъ возвратился въ религіозномъ настроеніи духа и сталъ занимать Пояркова бесѣдою о духовныхъ предметахъ, несмотря на то, что онъ сразу заговорилъ о займѣ денегъ.

— Вотъ-съ, Петръ Ѳедоровичъ, вы всегда такъ отзывались очень, извините меня, вольнодумно и о безсмертіи и о вѣрѣ православной, а вѣдь ежели разсудить, ошибочное вѣдь ваше мнѣніе. Сообразите, возможно ли безъ Бога! Такъ, напримѣръ, будетъ говорить, что такое Господь? Невозможно умомъ постигнуть... Да-съ, такъ-то-съ... Вотъ вы полагаете те[illegible]-рича занять подъ ту же дачу денегъ, подъ котор[illegible]ю я уже вамъ далъ достаточное количество—развѣ [illegible]о возможно—разсудите! Этого нельзя!.. Разсчету нѣ[illegible]!

Пришлось Петру Ѳедоровичу разочаровываться [illegible]ъ

своихъ созданныхъ такъ быстро планахъ и впасть вновь въ унылое состояніе духа. Наступила тяжелая минута молчанія. Филаретъ Павловичъ посматривалъ на Петра Өедоровича и барабанилъ по столу пальцами.

— Такъ неужели, Филаретъ Павловичъ, вы мнѣ какую-нибудь тысячу не можете дать?—печально спросилъ Петръ Өедоровичъ.

— Нѣтъ... Отчего же? Можно... Я ваше положеніе очень хорошо, Петръ Өедоровичъ, понимаю и сочувствую, но, разсудите хозяйственно, нельзя же такъ просто, взялъ да и выдалъ: деньги счетъ любятъ.

Дѣло, разумѣется, въ концѣ-концовъ рѣшилось такъ, какъ хотѣлъ Хохлаковъ и оба они отправились къ нотаріусу (тоже знакомому Филарета Павловича). Возвращаясь изъ конторы въ Посольское подворье, Хохлаковъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и подалъ нищему цѣлый двугривенный, причемъ, впрочемъ, внушилъ, что надо трудиться, а не христовымъ именемъ жить. Войдя въ свой нумеръ, онъ благоговѣйно перекрестился на образъ, въ пріятномъ сознаніи хорошо устроеннаго дѣла.

Возвратившись къ Глафирѣ Александровнѣ, Петръ Өедоровичъ торжественно предложилъ ей билетъ въ бель-этажъ Большого театра, купленный имъ немедленно же по выѣздѣ изъ конторы нотаріуса.

— Папа, папа! Къ чему это?—благоразумно упрекнула Настя, все еще находясь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ недавнихъ слезъ и горя.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, Петръ Өедоровичъ,—грустно замѣтила Глафира Александровна,—кажется это лишнее. Вспомните, въ какомъ гнѣвѣ дядя.

— Ха, ха! Все перемелется! Вотъ еще! —безпечно [п]еребилъ Петръ Өедоровичъ:—вы думаете, въ самомъ [д]лѣ дядя лишитъ насъ наслѣдства? Этого быть не [м]жетъ!

— Ахъ, Петръ Өедоровичъ, какой вы всегда увле[ка]ющійся! Ну, что это пра-аво... — слабо упрекнула

Глафира Александровна. — Ну, къ чему было брать бель-этажъ?

— Ха, ха! Къ чему?—весело возразилъ Петръ Ѳедоровичъ: — да вы знаете ли, кто сегодня поетъ-то? Вѣдь Патти! Поймите: Патти, божественная дива!

— Патти!—радостно воскликнула Настя.

— Па-атти! Ахъ, это другое дѣло! — согласилась Глафира Александровна,—за это конечно merci...

Она величественно протянула для поцѣлуя Петру Ѳедоровичу свою пухлую руку.

Вечеромъ, раздушенныя и разряженныя, онѣ отправились въ театръ и совершенно забыли о недавнихъ своихъ слезахъ, о предстоящей поѣздкѣ въ Красныя-Горки, о гнѣвѣ дяди—словомъ, забыли обо всемъ.

— Какъ хороша,—со вздохомъ прошепталъ Петръ Ѳедоровичъ, выходя во время антракта въ корридоръ.

— Какой туалетъ!—подсказала Глафира Александровна.

Такъ своеобразно они наслаждались талантомъ пѣвицы.

Но выѣхали они изъ Москвы въ явной между собой ссорѣ, даже въ вагонахъ нижегородской дороги Глафира Александровна и Настя сидѣли отдѣльно отъ Петра Ѳедоровича. Потомъ во время путешествія на пароходѣ по Волгѣ, онъ пробовалъ-было закинуть удочку на примиреніе, но Глафира Александровна каждый разъ отвертывалась, когда онъ съ ней разговаривалъ и презрительно пожимала плечами.

Пріѣхали они наконецъ въ губернскій городъ; Глафира Александровна осталась при прежнемъ своемъ рѣшеніи не ѣздить въ Красныя-Горки. Петръ Ѳедоровичъ этому не противорѣчилъ, зная, что ничего хорошаго ее тамъ ждать не можетъ. Самъ онъ тоже не сразу отправился туда и откладывалъ день за днеı свой отъѣздъ, заранѣе предугадывая, какія тяжк испытанія его ожидаютъ тамъ.

Слушая разсказъ Анюты о событіяхъ, случившихъ зимою въ Красныхъ-Горкахъ, Глафира Александров

плакала, рыдала и упрекала Анюту за то, что будто бы она была единственною виновницею женитьбы Анатолія и смерти бабушки.

XXXVI.

Молчаливъ и пасмуренъ былъ Петръ Ѳедоровичъ во время переѣзда отъ губернскаго города до Малорѣченска. Знакомые пригорки, перелѣски, мостики— все наводило его на воспоминанія прошлаго, и это прошлое точно нарочно просилось на сравненіе съ его настоящимъ. Церковь ли бѣлѣлась гдѣ-нибудь вдали за поляной, рѣчка ли прихотливыми зигзагами вилась и кружилась по лугамъ, озеро ли попадалось на глаза— все напоминало прошлое и не только лично свое, а даже прошлое другихъ, подобныхъ ему, какъ онъ говорилъ, «вымирающихъ» собратовъ. Вотъ тамъ, напримѣръ, около бѣлѣющейся вдали церкви красовался когда-то большой каменный домъ, комнатъ въ двадцать, который Петръ Ѳедоровичъ точно видитъ теперь передъ собой съ его бельведерами, балконами и башенками, и вспоминаетъ, какимъ широкимъ потокомъ лилась жизнь въ этомъ домѣ, теперь опустѣвшемъ, разваливающемся и даже никѣмъ не поправляемомъ. Засматривается Петръ Ѳедоровичъ на капризно извивающуюся рѣчку и вспоминаетъ, какъ онъ охотился когда-то въ ея камышахъ, какъ плавалъ въ тихія лунныя ночи по озеру въ пріятномъ обществѣ дамъ и дѣвицъ, при звукахъ музыки домашняго оркестра изъ крѣпостныхъ, и давитъ его тоска при мысли о томъ, что и дамы, и товарищи-охотники и вся обстановка ихъ праздной жизни, все погибло безвозвратно.

Перемѣняются ямщики на козлахъ его экипажа, мелькаютъ придорожные столбы съ верстовыми цифрами, деревенскія изгороди съ скрипучими воротами, часовенки въ видѣ тѣхъ же столбовъ съ крышей на верху и темнымъ образомъ внутри, поставленныя усердіемъ крестьянъ всегда гдѣ-нибудь на пригоркѣ или

около ручья,—и все это родное, съ дѣтства знакомое, сердитъ Петръ Ѳедоровичъ, сердитъ, потому что съ каждой верстой онъ ближе къ Малорѣченску, который теперь ему болѣе чѣмъ когда-либо прежде ненавистенъ.

День ясный и теплый, солнце ярко блеститъ на куполахъ малорѣченскихъ церквей, и на улицахъ города такая непролазная грязь, что экипажъ Петра Ѳедоровича едва двигается, утопая въ этой грязи по ступицы колесъ. Онъ отклонился въ глубь экипажа и досадовалъ, что лошади такъ медленно ползутъ по грязи. Миновалъ онъ наконецъ городъ съ ненавистнымъ ему гостинымъ дворомъ, гдѣ такъ много навязчивыхъ купцовъ, имѣющихъ дурную привычку просить уплаты долга, и съ не менѣе противными ему теперь домами братьевъ Хохлаковыхъ, которыхъ онъ не можетъ иначе представить, какъ въ видѣ огромнаго прожорливаго животнаго. Когда экипажъ его былъ уже въ какой-нибудь полуверстѣ разстоянія отъ усадьбы «Красныя-Горки», Петръ Ѳедоровичъ сталъ припоминать, какой такой актъ заключилъ съ нимъ въ Москвѣ Филаретъ Павловичъ, но никакъ не могъ вспомнить, что такое въ этомъ актѣ было написано о его движимомъ имуществѣ. Во время такихъ соображеній экипажъ его въѣхалъ уже въ усадьбу.

Весна была въ полной красѣ. Запущенный паркъ, примыкавшій къ господскому дому, зеленѣлъ теперь, играя тысячами переливовъ свѣта и тѣни, запахъ черемухи и сирени разливался въ воздухѣ, наполненномъ звуками звонкихъ голосовъ пѣвчихъ птицъ. На дворѣ, зеленѣвшимъ свѣжей травой, не было ни души, только два молодые щенка, безмятежно игравшіе на солнцѣ, тявкнули-было на подъѣхавшій къ воротамъ экипажъ, но тотчасъ же и замолкли, снова увлекшись игрой

Пока ямщикъ слѣзалъ съ козелъ и отворялъ воро[illegible] Петръ Ѳедоровичъ потерялъ терпѣніе ждать и выше[illegible] изъ экипажа.

— Эй, кто тамъ?—крикнулъ онъ, войдя во дво[illegible] и щуря глаза отъ яркаго блеска солнца.

Въ отвѣтъ на его громкій зовъ никто не являлся.

Двери такъ называемаго параднаго подъѣзда были заколочены досками, окна въ нижнемъ этажѣ дома закрыты ставнями. Петръ Ѳедоровичъ подошелъ къ кухнѣ, заглянулъ въ окно и снова крикнулъ.

— Эй, кто тамъ? Савелій!

— Батюшки мои свѣты! — въ испугѣ зашептала Марѳа, смотря въ окно флигеля: — кто-то пріѣхалъ... Ужъ не баринъ ли?

Въ окнѣ показались еще два женскихъ лица, но тотчасъ же скрылись.

— Баринъ и есть!—прошептала Марѳа, но не рѣшилась выйти на крыльцо и, крадучись, продолжала смотрѣть въ окно. Мамонька,—шептала она въ испугѣ,—мамонька, никакъ онъ сюда идетъ!..

— Полно, полно!—утѣшала мать, пошто онъ сюда пойдетъ?.. Не пойдетъ онъ сюда... Вонъ, гляди, Савелій вышелъ къ нему.

Савелій копался въ огородѣ за кухней и, заслыша зовъ Петра Ѳедоровича, удивился, кому это понадобилось отвлекать его отъ дѣла. Онъ заворчалъ что-то себѣ подъ носъ, выходя изъ-за кухни во дворъ, и вдругъ сдернулъ съ сѣдой головы фуражку, увидѣвъ передъ собой барина.

— Батюшка, Петръ Ѳедоровичъ! Съ пріѣздомъ,— радостно зашепталъ онъ кланяясь.

— Что это такое, Савелій?—Кричу, кричу... Гдѣ же другіе, Макаръ, Агаѳья? Что это за безпорядки?

— Не извольте гнѣваться... Сейчасъ... Сію минуту... Вотъ я только ключъ захвачу, — торопливо отвѣчалъ Савелій, кинувшись въ кухню.

Петръ Ѳедоровичъ презрительно пожалъ плечами, смотря вслѣдъ суетившемуся старику.

— И подъѣздъ забили досками,—ворчалъ онъ, проходя по пустыннымъ комнатамъ дома:—что за безпорядки?

— Это я-съ сейчасъ... Не извольте гнѣваться,—

успокоивалъ старикъ,—я сейчасъ самъ отниму доски-съ... Это одна минута...

— Чортъ знаетъ что такое...—продолжалъ Петръ Ѳедоровичъ, входя въ кабинетъ и сердито открывая окно.

Въ душную комнату хлынулъ ароматный теплый воздухъ яркаго весенняго дня и съ нимъ веселые переливы птичьихъ голосовъ. Петръ Ѳедоровичъ оглянулъ кабинетъ, зашелъ въ сосѣднюю съ нимъ комнату, гдѣ была его спальня, и опустился въ глубокое кресло около письменнаго стола. На столѣ и въ комнатѣ все было въ порядкѣ, чернильница и разныя кабинетныя вещицы раставлены были по своимъ мѣстамъ, картины на стѣнахъ завѣшены кисеей и въ постановкѣ мебели не было никакой перемѣны. Все было то же, только въ немъ самомъ было что-то другое, чего онъ и самъ ясно понять не могъ и не хотѣлъ. Безцѣльно взявъ съ письменнаго стола какую-то вещицу, онъ посмотрѣлъ на нее съ такимъ страннымъ выраженіемъ лица, точно видѣлъ въ ней что-то необыкновенное, и потомъ, нервно подернувъ плечами, бросилъ ее на письменный столъ и отвернулся отъ него. Лицо его имѣло какой-то темный оттѣнокъ, подъ глазами были пятна и во всемъ проглядывало выраженіе чего-то болѣзненнаго и унылаго. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, онъ сталъ противъ окна, посмотрѣлъ на отдаленный лѣсъ, луга, рѣку и потомъ взглядъ его остановился на церковной оградѣ, гдѣ онъ ясно видѣлъ рядомъ съ мраморнымъ памятникомъ, поставленнымъ на могилѣ отца, другую могилу съ простымъ деревяннымъ крестомъ. Углы рта его нервно задергались, глаза замигали и, закрывъ лицо руками, онъ сѣлъ на подоконникъ, не обративъ вниманія на то, что пыль густымъ сѣрымъ слоемъ покрывала его. Заслышавъ шаги Савелія, онъ торопливо оправился и опять сталъ презрительно подергивать плечами, сердясь на безпорядки.

— Чортъ знаетъ что! — ворчалъ онъ: — куда всѣ разбѣжались? Я же писалъ, что скоро буду... Могли подождать.

— Но, извольте разсудить-съ,—стыдливо и робко замѣтилъ Савелій,—содержаться не изъ чего-съ... Потому, какъ теперича барышня изволили выѣхать съ Серафимой Антоновной, съ этого запустѣніе началось...

— Ну, а тотъ? Онъ?.. Что?.. — хмуро спросилъ Петръ Ѳедоровичъ, не произнося имя сына.

Савелій понялъ, о комъ спрашиваетъ баринъ, но ничего ему не отвѣтилъ, только пожалъ плечами и потупился.

— Я вамъ кофе сдѣлаю. Разобралъ саквояжъ... Тамъ есть... Сливки можно достать... тутъ рядомъ у старухи.

— Но, Савелій, кто же у насъ смотритъ за коровами, за лошадьми? Неужели ты одинъ вездѣ?

— Нѣту-съ, Петръ Ѳедоровичъ, ни коровъ, ни лошадей... Только старый сивка остался...

— Ка-акъ?

— Анатолій Петровичъ продали-съ...

— Какъ-же ты смѣлъ ему позволить?

— Помилуйте-съ, Петръ Ѳедоровичъ! Извольте сообразить, могу ли я осмѣлиться.

— Ахъ, Боже мой! да развѣ можно Анатолія слушать? Ты самъ знаешь, что онъ такое...

— Никакъ нѣтъ-съ, Петръ Ѳедоровичъ, — робко возразилъ Савелій:—разговоръ ихъ самый основательный... потому, средства требуются на все, на столъ и на прочее... Почти полгода изволили отсутствовать...

— Какъ онъ смѣлъ? Вѣдь онъ же у Спиридошки живетъ...

— Никакъ нѣтъ-съ; они во флигелѣ...

— Здѣсь? У меня въ домѣ? Съ женой своей... съ крестьянкой?..—закричалъ Петръ Ѳедоровичъ и забѣгалъ по комнатѣ, трагически потрясая руками.

До этой минуты онъ не зналъ, кого обвинить въ томъ скверномъ душевномъ состояніи, которое тяжелымъ кошмаромъ давило его. Теперь этотъ виновникъ нашелся. Конечно Анатолій всѣхъ золъ причина. Онъ,

онъ одинъ отвѣтчикъ за все: изъ-за него и дядя такъ разгнѣвался, изъ-за него и Глафира Александровна не захотѣла ѣхать въ усадьбу. Онъ одинъ во всемъ виноватъ, сразу рѣшилъ Петръ Ѳедоровичъ и торопливо вышелъ изъ кабинета, охваченный ненавистью къ сыну. Быстро идя по пустыннымъ комнатамъ, въ которыхъ такъ рѣзко раздавались теперь его шаги, Петръ Ѳедоровичъ гнѣвно кидалъ взгляды на мебель и на картины, точно обращаясь къ нимъ съ упреками и жалобами на Анатолія.

— Какъ! Онъ, опозорившій нашъ старинный родъ, какъ онъ осмѣлился!—взывалъ онъ, тяжело дыша.— Съ крестьянкой, съ мужичкой онъ смѣлъ поселиться въ моемъ наслѣдственномъ домѣ. Нѣтъ! Я не могу болѣе переносить. Я оскорбленъ! Я униженъ!

Во всемъ этомъ такъ вдругъ и съ такою силою развившемся негодованіи удивительно было именно то, что Петръ Ѳедоровичъ принялъ за новость извѣстіе, которое было уже ему сообщено въ письмѣ Анюты и почти не возмутило его тогда. Или онъ забылъ о немъ, или, вѣрнѣе — ухватился за него теперь, какъ за поводъ, дававшій возможность его душевному состоянію разразиться грозой.

— Я ему покажу!—стоналъ онъ, сбѣгая съ черной лѣстницы во дворъ и быстро шагая потомъ на перерѣзъ его къ дверямъ флигеля.

Савелій торопливо шелъ за нимъ и смущенно успокоивалъ его.

— Не извольте безпокоиться, Петръ Ѳедоровичъ, не утруждайте себя напрасно... Анатолія Петровича нѣтъ-съ дома.

— Замолчи, замолчи, старый хрѣнъ! — крикнулъ онъ на него:—останься здѣсь, не ходи за мной.

Савелій послушно остановился посреди двора и въ большомъ страхѣ провожалъ глазами Петра Ѳедоровича, пока онъ не скрылся за дверями флигеля.

— Кто тутъ живетъ? Кто смѣлъ здѣсь поселиться?—закричалъ Петръ Ѳедоровичъ, торопливо вхо

во флигель. Глаза его имѣли почти дикое выраженіе, ротъ искривился и все лицо налилось кровью.

Анатолія дѣйствительно не было дома и Марѳа, успокоившись, что баринъ ушелъ въ большой домъ, усѣлась съ гостями за самоваръ. Гостьями у ней были въ это время мать и какая-то старушка родственница. Онѣ не замѣтили, какъ Петръ Ѳедоровичъ прошагалъ по двору, и заслышали его громкій голосъ только тогда, когда самъ онъ, сильно распахнувъ двери, появился въ комнатѣ. Пугливо поднявшись отъ стола, онѣ въ первую минуту его крика понять даже не могли, что за гроза такая вдругъ грянула на нихъ.

— Кто вы такія? Какъ вы смѣли забраться сюда?— загремѣлъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Мамонька, что это?—испуганно зашептала Марѳа, прячась за спину матери.

Но Петръ Ѳедоровичъ уже замѣтилъ ее.

— А, это ты-ы! Это ты, мужичка, погубила моего сына! Вонъ отсюда! Вонъ всѣ! Знать васъ не хочу... Не признаю! Не признаю никакого брака!..

Бросившись къ окну, выходившему на улицу, онъ съ силою ударилъ кулакомъ въ переплетъ рамы и распахнулъ ея дверцы. Вслѣдъ за этимъ движеніемъ, тотчасъ же схватилъ со стола самоваръ и вышвырнулъ его на улицу. Потомъ туда же полетѣла посуда, подушки, платье—все, все, что только попадало ему подъ руки.

Марѳа и мать ея и старушка гостья тѣсно жались одна къ другой и въ ужасѣ смотрѣли на Петра Ѳедоровича, голосъ котораго уже началъ хрипнуть отъ долгаго крика.

XXXVII.

Но гроза на этомъ не кончилась.

Изгнавъ изъ флигеля жену Анатолія и ея гостей, [Пе]тръ Ѳедоровичъ почувствовалъ усталость и свалился [на] диванъ, тяжело дыша. Въ комнатѣ былъ теперь [та]кой безпорядокъ, точно послѣ непріятельскаго наше-

ствія: на полу валялись обломки чайной посуды, передднванный столъ и разбитая фарфоровая лампочка, очевидно имѣвшая на немъ свое мѣсто въ мирное время. Дверь во флигель оставалась на распашку и въ окнѣ, чрезъ которое Петръ Ѳедоровичъ выкидывалъ на улицу имущество Марѳы, было разбито стекло.

Пока Петръ Ѳедоровичъ лежалъ на диванѣ и стоналъ, хватаясь по временамъ обѣими руками за голову, около окна собралось нѣсколько человѣкъ крестьянъ, и съ большою скорбію смотрѣли на разбросанныя вещи. Вскорѣ появился самъ Спиридонъ Яковлевъ, подъѣхавшій съ работникомъ въ телѣгѣ къ окну флигеля, и громко заявилъ собравшейся толпѣ:

— Православные! Видите... Будьте свидѣтелями... Я не оставлю этого дѣла втунѣ. Нужды нѣтъ, что онъ господинъ баринъ: нонѣ всѣ равны, и судъ разсудитъ. Да, онъ этимъ самымъ душу мою истерзалъ... Однако, парень, подбирай вещи, — обратился онъ къ работнику, и началъ ему самъ помогать.

Православные стали обсуждать поступокъ барина, покачивали головами и охали, не думая о томъ, что Петръ Ѳедоровичъ можетъ слышать их разговоръ. Онъ однако-же слышалъ смутно и лежалъ на диванѣ, закрывъ глаза. Сердце его нѣсколько поуспокоилось и дыханіе стало медленнѣе; но вотъ до слуха его донеслось какое-то странное слово съ улицы,—онъ быстро сѣлъ на диванѣ и сталъ внимательно вслушиваться.

Разговоръ на улицѣ уже перешелъ въ споръ.

— А ты думаешь, за это похвалятъ? — ворчалъ кто-то хриплымъ старческимъ голосомъ. — По-твоему можно самовары ломать... На вотъ тебѣ!.. На улицу!.. За это, братъ, не похвалятъ...

— Ну, и крадучись вѣнчать тоже не больно тово.. —возражалъ другой голосъ. — Значитъ ему, какъ теперича отцу... обида... Онъ, чай, баринъ... Небойс хоть бы кого коснись, осерчаешь...

— Православные!—завопилъ Спиридонъ Яковлевъ —дѣло прошлое, а только дочь повѣнчалась безъ моег

спросу. Молодой баринъ ее сбилъ съ толку. Обида мнѣ. Я отецъ!.. И теперича подумайте, сколько добра перепорчено... все въ грязи, самоваръ измялся... Я отецъ...

Петръ Ѳедоровичъ узналъ голосъ Спиридона Яковлева и бросился къ окну.

— Что ты раскричался, рыжая борода? Я не признаю никакого брака... Вонъ! Отъѣзжай отъ дому... Выйду на улицу, хуже будетъ.

Его громкій крикъ, вдругъ и совершенно неожиданно раздавшійся изъ окна, испугалъ крестьянъ. Нѣкоторые по старой привычкѣ потянули съ головъ шапчонки, а Спиридонъ Яковлевъ подбоченился и смѣло заявилъ:

— Нѣшто можно это говорить, Петръ Ѳедоровичъ!.. Полгода прошло... Она теперь въ тяжести... И эстолько добра перепортили...

— Я тебѣ покажу, можно ли?—вызывающе крикнулъ Петръ Ѳедоровичъ и быстро пошелъ изъ флигеля на улицу; но Спиридонъ Яковлевъ сообразилъ, что лучше держаться подальше отъ грѣха и поѣхалъ домой.

Когда Петръ Ѳедоровичъ вышелъ на улицу, его телѣга уже скрылась въ сосѣднемъ переулкѣ.

— Не признаю! Никакого брака не признаю! закричалъ Петръ Ѳедоровичъ, обращаясь къ старикамъ.— Поѣду къ архіерею и добьюсь развода. Этому Захару быть въ монастырѣ!.. Я его упеку...

И вспомнивъ, что отецъ Захаръ живетъ тутъ-же около церкви, онъ поспѣшно зашагалъ черезъ улицу къ его домишку, не стѣсняясь тѣмъ, что идетъ по улицѣ безъ шляпы. Савелій, однако же, это замѣтилъ " успѣлъ сбѣгать въ комнаты.

— Батюшка, Петръ Ѳедоровичъ, извольте надѣть,— ботливо поправилъ онъ, догоняя его и подавая ему гкую дорожную шляпу.

Петръ Ѳедоровичъ моментально накрылъ ею голову ушелъ въ калитку домишка отца Захара. Матушка,

испугавшаяся его громкаго вопроса и знакомая отчасти съ подробностями, при которыхъ совершенъ былъ бракъ Анатолія, затворилась въ своей комнатѣ, заперевъ ее на крючекъ и визгливо отвѣтила оттуда:

— Нѣту его, нѣту... Онъ вечерню служитъ... Въ церкви онъ...

Петръ Ѳедоровичъ окинулъ сердитымъ взглядомъ бѣдное помѣщеніе отца Захара и круто повернулся обратно.

О. Захаръ былъ дѣйствительно въ церкви, и когда Петръ Ѳедоровичъ вошелъ туда, онъ окончилъ уже вечерню и собирался уходить. Двѣ-три старушонки, бывшія единственными молельщицами въ церкви, столкнулись съ нимъ въ дверяхъ и въ испугѣ отшатнулись, замѣтивъ предъ собою его искаженное злобой лицо съ трясущимися губами.

— Захаръ! Ты вѣнчалъ, да? Ты?—захрипѣлъ Петръ Ѳедоровичъ, какъ только увидѣлъ о. Захара.

— Ахъ, — скорбно воскликнулъ о. Захаръ:—признаться, сколько разъ освѣдомлялся о васъ и ожидалъ!.. Наконецъ-то соблаговолили.

— Ты вѣнчалъ? Говори!..—прервалъ Петръ Ѳедоровичъ, не обращая вниманія на его привѣтствіе.

— Какъ вы взволнованы! Боже мой!—продолжалъ о. Захаръ: — даже не могу понять, о комъ освѣдомляетесь...

— Не уклоняйся!—Знаешь, что объ Анатоліи спрашиваю... Я не признаю этого брака! Пойми, не признаю...

— Не могу хорошо припомнить прошедшаго,— отвѣтилъ о. Захаръ, но насколько мнѣ память не измѣнила...

— Не вѣрю! Не вѣрю!—прервалъ Петръ Ѳедоровичъ.—Покажи мнѣ книги, гдѣ это записано.

— Чтожъ, это очень возможно,—спокойно отвѣти[лъ] о. Захаръ,—соблаговолите одну минутку пообожда[ть]. Вотъ мы и справимся и о времени, и о прочемъ. Ѳома Лукичъ,—обратился о. Захаръ къ причетнику

принеси-ка Петру Ѳедоровичу стуликъ, вонъ тамъ у ящика старосты возьми.

Ѳома Лукичъ, стоявшій съ церковными ключами въ рукахъ, суетливо побѣжалъ за стуломъ, но Петръ Ѳедоровичъ не обратилъ на него вниманія и пошелъ за о. Захаромъ въ алтарь, гдѣ въ особомъ ящикѣ, устроенномъ въ храмовой стѣнѣ, хранились книги. Спокойствіе, съ какимъ о. Захаръ велъ себя, составляло совершенную противоположность состоянію Петра Ѳедоровича и это еще болѣе бѣсило его. Идя за нимъ въ алтарь, онъ продолжалъ рѣзко и громко говорить, путаясь въ самомъ предметѣ разговора. То онъ увѣрялъ, что упечетъ о. Захара въ монастырь, то отрицалъ возможность совершенія акта и кричалъ, ударяя себя въ грудь:

— Этого не можетъ быть! Этого не можетъ быть! Мой сынъ, родовой дворянинъ, чтобы онъ смѣлъ!.. Вздо-оръ! Вздо-оръ!

— Если память не измѣнила,—намѣренно тянулъ о. Захаръ, перелистывая книги и хмурясь,—насколько помнится, въ генварѣ... Кажется, такъ... Времени однако же миновало достаточно, да-а день за днемъ, день за днемъ все къ смерти ближе,—вздохнулъ онъ,—однако же, что это я не могу найти? Удивительное обстоятельство! Точно затмѣніе какое!.. Ахъ, да вотъ здѣсь... Извольте сами полюбопытствовать...

Онъ ударилъ пальцемъ по одному листу книги и подалъ ее Петру Ѳедоровичу.

— Гдѣ? Это вотъ? Да?—отрывисто спросилъ Петръ Ѳедоровичъ и сталъ читать.

— Да-а! Вотъ удивительно! Уже почти полгода миновало...—продолжалъ о. Захаръ, грустно покачивая головой; но едва ли это грустное покачиваніе не служило выраженіемъ совсѣмъ другого чувства, именно чувства удовольствія при мысли о томъ, что поздно винять его въ незаконномъ совершеніи бракосочетанія Анатолія.

Но не успѣлъ онъ утѣшиться успокоивающею мыс-

лію о скоротечности времени, какъ вдругъ лицо его исказилось отъ страшнаго испуга.

— Что вы? Что вы дѣлаете?—крикнулъ онъ, схвативъ Петра Ѳедоровича за руку.

— Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ! — закричалъ въ отвѣтъ Петръ Ѳедоровичъ, вырвавъ изъ книги тотъ листъ, на которомъ было записано о совершеніи брака Анатолія, и разрывая его на части.

— Ѳома! Ѳома!—раздался испуганный крикъ о. Захара,—Ѳома, спѣши сюда!

Ѳома Лукичъ прибѣжалъ на крикъ о. Захара и, не понимая причины его испуга, съ изумленіемъ остановился въ дверяхъ.

— Ѳома, будь свидѣтелемъ!—задыхаясь просилъ о. Захаръ, уже утратившій свое благодушное спокойствіе.—Преступленіе! Ужасное преступленій! Смотри— онъ изорвалъ листъ брачнаго обыска!

— Не знаю, не знаю... Я ничего не знаю...—рѣшительно и вдругъ заявилъ Ѳома Лукичъ, заразившійся тѣмъ испугомъ, который такъ быстро охватилъ о. Захара.

— Не признаю. Все кончено!—твердилъ свое Петръ Ѳедоровичъ и, не обращая болѣе вниманія ни на отца Захара, ни на Ѳому Лукича, поспѣшно вышелъ изъ церкви.

О. Захаръ припалъ къ полу, тщательно собирая разорванные кусочки вырваннаго листа и плачевно упрекалъ Ѳому:

— Какъ же ты осмѣливаешься говорить такія непристойности? Какой же ты служитель при храмѣ?.. А, вотъ еще кусочекъ!.. Ты, Ѳома Лукичъ, не можешь лжесвидѣтельствовать! Не можешь! Ты долженъ помнить, что я могу потребовать отъ тебя присяги... Ну вотъ, вотъ теперь всѣ... Ахъ, безумецъ какой Пет ь Ѳедоровичъ!.. Пойди, бѣги немедленно зови старос у и сотскаго... Необходимо составить актъ и безъ зам - ленія донести о семъ преосвѣщеннѣйшему владык: .

О. Захаръ долго потомъ шептался со старостой и

сотскимъ, показывая имъ разорванные листы брачнаго обыска, и не зналъ, на что рѣшиться: онъ боялся и архіерея и слѣдствія.

А Петръ Ѳедоровичъ лежалъ въ это время въ своемъ кабинетѣ, стоналъ и охалъ и хватался обѣими руками за свои растрепанныя волосы. Замѣтно было по всѣмъ его движеніямъ, что онъ не столько страдалъ отъ болѣзни, сколько отъ испуга: онъ понялъ, наконецъ, что надѣлалъ такихъ бѣдъ, за которыя теперь придется отвѣчать уже не Спиридону Яковлеву, и не о. Захару, а ему самому.

— Охъ, охъ, умираю!.. Савелій!..—плачевно звалъ онъ слугу:—Савелій, умираю! Зови священника: наступаетъ мой смертный часъ...

Но Савелій не пошелъ за священникомъ: онъ зналъ Петра Ѳедоровича съ дѣтства и очень хорошо видѣлъ, откуда это изнеможеніе, болѣзненная слабость голоса.

XXXVIII.

— Господинъ Хохлаковъ!—уныло доложилъ Савелій на другой день утромъ.

— Ахъ, я боленъ!—Петръ Ѳедоровичъ нахмурился, однако же поднялся съ дивана и сказалъ «проси».

— А, многоуважаемый, съ пріѣздомъ!—привѣтствовалъ Филаретъ Павловичъ, входя въ кабинетъ. — Что съ вами? вы больны...

— Боленъ! Разбитъ! И ноги и грудь...—болѣзненно отвѣчалъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Не хорошо!.. Ѣхалъ мимо на мельницу, дай, думаю, заверну, кстати и дѣлишки есть... Вы бы въ баню... Самое превосходное средство... Оно, конечно, ежели вся конструкція, напримѣръ, повредилась, тогда баня даже во вредъ, ну, а вамъ, я полагаю, будетъ пользительно! Вотъ хотя бы и моя болѣзнь...

Пока Филаретъ Павловичъ говорилъ о своей болѣзни, Петръ Ѳедоровичъ томился мрачными думами о

томъ, какое взысканіе послѣдуетъ съ него за разорваный листъ въ церковной книгѣ.

— Баня помогаетъ; это, батюшка, не подлежитъ сомнѣнію, да-съ! — заключилъ Филаретъ Павловичъ и, не перемѣняя тона своей рѣчи, добавилъ:—а на счетъ заключеннаго въ Москвѣ акта намъ необходимо, Петръ Ѳедоровичъ, поговорить, такъ какъ теперь срокъ подходитъ; или соблаговолите ко мнѣ, за чаемъ побесѣдуемъ...

Петръ Ѳедоровичъ нахмурился еще больше.

— Знаете что! — вдругъ началъ онъ,—вы купите у меня лѣсную дачу... совсѣмъ, въ собственность... Чтобы такъ, безъ хлопотъ.

— Можно-съ! — коротко отвѣтилъ Филаретъ Павловичъ, поглаживая бороду.

— Сколько же вы мнѣ еще дадите?

— Гм... Гм... Это статья-съ... Да-асъ, вопросецъ!.. Какъ вамъ сказать?..

Хохлаковъ помолчалъ, посмотрѣлъ на потолокъ, взглянулъ искоса на Петра Ѳедоровича, тревожно ожидавшаго отвѣта на свое предложеніе, и, не торопясь, потомъ отвѣтилъ:

— Дѣло, извольте видѣть, Петръ Ѳедоровичъ, сложное. Одну дачу купить разсчету нѣтъ. Да вѣдь и вы, насколько я понимать могу, всѣ свои дѣла сводите на то, чтобы то-есть развязаться съ имѣніемъ окончательно...

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Я хотѣлъ только одну лѣсную дачу.

— Одну дачу я купить не могу...

— Но отчего же?

— Разсчету нѣтъ.

— Помилуйте, если все продать на срубъ, скол[illegible]о же дадутъ?

— Да не больше того, во сколько заложена.

— Ка-акъ!—изумился Поярковъ,—восемь тыся[illegible]?

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ же восемь тысячъ—тринад[illegible]ь дадутъ, — спокойно отвѣтилъ Филаретъ Павлови[illegible] –

дадутъ, значитъ, сумму, равную долгу по закладной... Не больше!.. Ни въ какомъ разѣ!..

— Ахъ, да!—вдругъ спохватился Петръ Ѳедоровичъ и смущенно почесалъ затылокъ. Онъ вспомнилъ время, предшествовавшее его поѣздкѣ въ Парижъ, когда Хохлаковъ *помогъ* ему.

— Нѣтъ-съ, Петръ Ѳедоровичъ, я полагаю такъ,— прервалъ его думы Хохлаковъ:—что вамъ въ вашемъ положеніи нечего держаться имѣнія. Времена не тѣ! И семейство, напримѣръ, въ разбросѣ и все неладно... Порѣшили бы все сразу, и шабашъ...

— А сколько дадите?—тревожно спросилъ Поярковъ.

— За все-съ?

— Гм... да!.. Ну, за все...

— То-есть, позвольте, — вставая со стула и прикладывая руку къ сердцу, началъ Филаретъ Павловичъ,—то-есть напримѣръ, все какъ есть, дача, усадьба; движимое, значитъ, все и недвижимое...

— Ну да, конечно...

— Тысячу рублей накину-съ еще, такъ и быть.

Петръ Ѳедоровичъ испуганно отстранился отъ него.

— Что вы!—воскликнулъ онъ,—вы шутите!

— Какія шутки! — уклончиво отвѣтилъ Филаретъ Павловичъ! — тысяча рублей значительныя деньги... Ихъ тоже, знаете, по нынѣшнему времени добыть— большой умъ надо...

— Филаретъ Павловичъ, что вы! — громко возразилъ Петръ Ѳедоровичъ, разводя руками.—Это невозможно!

— Какъ угодно! Подчивать велѣно, — неволить грѣхъ! Это точно! Я не затѣмъ и заѣхалъ къ вамъ,— добавилъ онъ, протягивая руку и прощаясь.—Я, признаться, только по тому дѣлу, по московскому...

— Ахъ, да! спохватился опять Петръ Ѳедоровичъ и перекинувшись нѣсколькими словами, припомнилъ, что и движимое имущество въ его домѣ тоже съ достаточной крѣпостью находится въ рукахъ Хохлакова

— Однако вы меня... сильно стѣснили,—хмурясь замѣтилъ онъ.—Подвели теперь все подъ одинъ срокъ... Гдѣ же я вамъ сразу найду сумму на уплату? Вы мнѣ отсрочьте еще на полгода и дайте денегъ... Сколько можно... Все равно, получу наслѣдство, сразу расквитаюсь.

— Отсрочить окончательно нельзя! — заявилъ Филаретъ Павловичъ.

— Но раньше же вы отсрочивали... Отчего же теперь нельзя?

— Теперь положительно не могу...

Петръ Ѳедоровичъ вспыхнулъ.

— Значитъ, вы такъ же хотите дѣйствовать, какъ и братъ вашъ, да? значитъ теперь прямо безъ разговоровъ ко взысканію, да?—волнуясь спросилъ онъ.

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ же-съ! Это довольно было бы грубо...

— Но я теперь стѣсненъ въ средствахъ... Отъ дяди пока еще не могу получить... Чѣмъ же я заплачу вамъ?

— Это ваше дѣло-съ, Петръ Ѳедоровичъ, — отвѣтилъ Хохлаковъ, взявъ въ руки фуражку:—мое дѣло было дать, ваше платить. Оно точно, срокъ подошелъ и лучше бы всего безъ грѣха развязаться... Тысячу рублей!.. Ну, такъ и быть, извольте—тысячу двѣсти— я вамъ накину!

Но Петръ Ѳедоровичъ вдругъ преобразился.

— Да вы что?—горячо началъ онъ,—вы въ самомъ дѣлѣ что ли думаете, что я уже совсѣмъ въ вашихъ рукахъ?

— Помилуйте,—пожимая плечами перебилъ Филаретъ Павловичъ,—это невозможное дѣло.

— Нѣтъ, еще погодите! — продолжалъ Поярковъ, не обращая вниманія на его отвѣтъ.—Еще далеко конца. Правда, мы съ вами до сихъ поръ играли въ жмурки, давайте теперь играть въ открытую,

— Это, что же за игра такая?—спросилъ не б смущенія Хохлаковъ.

— А то, что я платить вамъ долга не буду... Извольте продавать съ аукціона... Вы думаете, это все такъ вотъ сейчасъ вамъ и удастся? Извините, я, во-первыхъ, сегодня же могу уѣхать и безъ меня продажи сдѣлать нельзя.

— Хорошо-съ, ладно-съ... перебилъ Хохлаковъ:— а потомъ что же?

— А потомъ,—продолжалъ Поярковъ, не обращая вниманія на ироническій тонъ Хохлакова:—а потомъ чрезъ полгода или болѣе — словомъ, когда я пріѣду и аукціонная продажа будетъ совершена, я ее опротестую и будемъ судиться... Это, батенька, я знаю получше васъ, какъ и гдѣ и что нужно дѣлать, чтобы затянуть... Я доведу дѣло до кассаціоннаго департамента и тамъ оно полежитъ тоже порядочно времени.

— Ну-съ, а потомъ, Петръ Өедоровичъ, что же?

— А то же, что еще это не конецъ. Можно еще и обратно изъ кассаціоннаго вернуть для новаго пересмотра.

— А дальше какъ?

— Дальше? — переспросилъ Петръ Өедоровичъ: — дальше, тамъ посмотримъ, а года на два хватитъ...

— Вотъ что, Петръ Өедоровичъ,—рѣшительно перебилъ Хохлаковъ:—время у меня дорогое и ей-ей некогда разговаривать... Я, знаете, тоже не безъ понятія... и все это давно усмотрѣлъ. Ну, только вѣдь вамъ разсчету нѣтъ. Судись-судись, расходуйся, а въ концѣ все то же—и безъ денегъ и безъ имѣнія. Оно точно, справедливо: навредить другому всегда возможно... Это сколько угодно! Да что же въ этомъ толку? Ежели желаете тянуть дѣло — извольте: отъ меня оно не уйдетъ и подождать я очень могу... а вамъ одна канитель. Угодно полторы тысячи—послѣднее слово! Прощайте!

И не подавая руки, Филаретъ Павловичъ вышелъ изъ комнаты. Парадный подъѣздъ былъ уже открытъ. Петръ Өедоровичъ спустился по лѣстницѣ вслѣдъ за Хохлаковымъ, провожая его. Онъ забылъ уже о своей

болѣзни, увлеченный предложеніемъ Хохлакова, которое теперь при его безденежье было такъ кстати. Слѣдя за шагами спускавшагося съ лѣстницы Филарета Павловича, онъ ожидалъ, что вотъ-вотъ раздастся снизу его голосъ. Но Хохлаковъ даже не оглянулся.

— Филаретъ Павловичъ! — крикнулъ Петръ Ѳедоровичъ, когда уже потерялъ надежду на его возвращеніе.

— Больше не могу! — отвѣтитъ тотъ, останавливаясь.—Сообразите сами, теперича въ общей сложности выходитъ сумма!..

— Да зайдите, вернитесь!

— Клюетъ,—подумалъ Филаретъ Павловичъ, поднимаясь снова по лѣстницѣ.

— Никогда я, голубчикъ мой, Петръ Ѳедоровичъ, не допущу той, теперича, мысли, чтобы, значитъ, вы могли затягивать дѣло себѣ безъ пользы и другимъ во вредъ,—ласково говорилъ онъ, спустя минуту-другую. —Откровенно вамъ скажу, что уважаю васъ, зная съ измалѣтства, и дядюшка вашъ и всѣ сродственники, всѣ люди хорошіе и честные, и глупостей дѣлать не будете, то-есть, чтобы безъ толку судиться. А ужъ извините, прямо скажу, прямо: не здраво судите, дасъ! Совсѣмъ не здраво, потому, что вамъ по нынѣшнимъ временамъ не здѣсь мѣсто, а около дядюшки, въ Питерѣ. Вотъ что!.. И полторы тысячи самая настоящая цѣна...

— Но это невозможная цѣна! — вздыхалъ Петръ Ѳодоровичъ и косился на Филарета Павловича, невольно задумываясь надъ его предложеніемъ.

— И теперича насчетъ Анатолія Петровича... Помилуйте-съ... Статочное ли дѣло, молодой человѣкъ, значительнаго роду, и съ крестьянкой живетъ... Око чательно нужно увезти его отсюда. Что онъ здѣ бѣгаетъ, вѣдь, такъ сказать, извините, собакамъ хвос рубитъ—только-съ! А тамъ около дядюшки, само с бой дѣло найдется... Такъ-то-съ... Оно, конечно, ка

угодно, а больше тысячи пятисотъ дать нѣтъ разсчету...

Петръ Ѳедоровичъ колебался.

— Подумайте и заѣзжайте, мнѣ не къ спѣху,— добавилъ Хохлаковъ.

Онъ поѣхалъ домой и соображалъ:

— Теперь, кажется, дѣло идетъ къ развязкѣ. Возьметъ, надо быть, полторы... Видно по лицу, что возьметъ... А вѣдь я думалъ, три потребуется... Въ такомъ разѣ можно будетъ подновить въ соборѣ иконостасъ...

XXXIX.

Послѣ свиданія съ Хохлаковымъ, Петръ Ѳедоровичъ жилъ еще въ усадьбѣ дней шесть. Вѣрнѣе сказать, что онъ только ночевалъ въ усадьбѣ, а остальное время разъѣзжалъ по имѣніямъ сосѣднихъ помѣщиковъ, доживавшихъ, подобно ему, свои послѣдніе дни.

— Ну, что, какъ Парижъ, столица цивилизаціи и прогресса?—разспрашивали они, интересуясь по старой привычкѣ чужими дѣлами больше чѣмъ своими. Петръ Ѳедоровичъ разсказывалъ о Парижѣ, хвалилъ Европу и все европейское, и на вопросъ о его семействѣ вскользь отвѣчалъ, что оно осталось недѣли на двѣ у родныхъ. Онъ скрывалъ пока свои планы о предстоящемъ поступленіи на государственную службу и о совершившейся уже продажѣ имѣнія Хохлакову. Были уважительныя причины для того, чтобы до поры до времени молчать объ этомъ, такъ какъ со многими мелкими купцами Малорѣченска у него были неоконченные счеты по лавкамъ. Впрочемъ кое-кому изъ ближнихъ пріятелей Петръ Ѳедоровичъ шепнулъ на ухо, что дядя зоветъ его въ Петербургъ и предлагаетъ мѣсто директора департамента; но собраты по печальной долѣ вымиранія сами умѣли сочинять не хуже его и прямо въ лицо смѣялись будущему директору. Петръ Ѳедоровичъ ухмылялся себѣ на умѣ и спѣшилъ

поправиться, начиная увѣрять, что служба не его сфера.

— Гм... да, хорошо тебѣ, счастливчикъ, Петръ Ѳедоровичъ, — печально говорилъ какой-то выпившій собратъ,—дядя у тебя богатъ и въ большой силѣ: хочешь—служи, хочешь—жуируй. А вотъ мы догораемъ... «Догорай моя лучина, догорю съ тобой и я—я!»— печально затянулъ онъ, наводя общее уныніе на товарищей.

Но Петръ Ѳедоровичъ не унывалъ. Только въ то время было ему какъ-то не по себѣ, когда, прошлявшись цѣлый день по гостямъ, онъ поздней ночью возвращался въ усадьбу. Колокольня каменной церкви, издалека обрисовывавшаяся на темносинемъ сводѣ ночного неба, возбуждала въ немъ какое-то болѣзненное чувство каждый разъ, какъ онъ только замѣчалъ ее.

— Находили же наши старики удовольствіе строить такія уродливыя церкви! — досадовалъ онъ, стараясь самого себя обмануть и подавить то тяжелое чувство тоски, которое противъ воли овладѣвало имъ въ это время.

Войдя потомъ въ свой кабинетъ и устало сбрасывая съ себя платье, чтобы немедленно вслѣдъ затѣмъ завалиться въ кровать и заснуть, онъ не всегда легко могъ отдѣлаться отъ впечатлѣній, овладѣвавшихъ имъ въ эти минуты. Тѣнистый садъ съ его бесѣдками, дорожками и холмиками, пейзажъ, видимый изъ оконъ дома, и все то, что такъ часто казалось ему до невозможности скучнымъ и унылымъ, теперь вдругъ стало врываться въ область его душевной жизни и тревожить ее.

— Фу, ты, чортъ побери, какая безсонница!—ворчалъ не разъ Петръ Ѳедоровичъ и бранилъ Хохлакова, что изъ-за него онъ такъ долго зажился в усадьбѣ.

Точно на смѣну непрошенныхъ воспоминаній являлся потомъ о. Захаръ съ своимъ рванымъ листомъ брачнаго обыска и тревожилъ его усталую душ

Петръ Өедоровичъ съ отвращеніемъ морщился при мысли о томъ, какъ о. Захаръ приходилъ къ нему съ предложеніемъ мировой и просилъ пятьдесятъ цѣлковыхъ для себя съ двумя ведрами водки для свидѣтелей. Вспоминая разговоръ съ нимъ, Петръ Өедоровичъ сжималъ кулаки и точно опять видѣлъ предъ собой благодушное лицо о. Захара, увѣрявшаго, что онъ собралъ всѣ рваные листочки и преаккуратно ихъ можетъ склеить. «Вонъ! вонъ!» бормочетъ во снѣ Петръ Өедоровичъ, и снится ему, что онъ съ благороднымъ негодованіемъ отвергаетъ предложеніе о. Захара, тогда какъ на самомъ дѣлѣ сошелся съ нимъ на мировой.

Съ Анатоліемъ онъ еще не видался, и когда Савелій сталъ ему разсказывать на другой день послѣ его пріѣзда о томъ, какъ обидѣлся Анатолій за изгнаніе Марөы изъ дому, Петръ Өедоровичъ строго приказалъ ему замолчать и старался не думать о сынѣ. Однако же забыть о немъ было нельзя: Петръ Өедоровичъ зналъ, что дядя непремѣнно потребуетъ отчета и, пожалуй, опять разсердится, если услышитъ, что сынъ брошенъ на произволъ судьбы. Но какъ видѣться съ нимъ, какъ допустить его на свои глаза, когда онъ нанесъ такое страшное оскорбленіе ему и всему ихъ дворянскому роду. Надо было все-таки превозмочь себя и поговорить съ сыномъ. Откладывая это свиданіе до того времени, когда уже нельзя было долѣе откладывать, Петръ Өедоровичъ наконецъ сказалъ Савелію, чтобы онъ сходилъ за Анатоліемъ.

Анатолій помѣщался съ женой опять въ той же избѣ, гдѣ прежде часто проводилъ свои досуги. Занавѣска съ красными и желтыми разводами, которую Марөа хотѣла когда-то повѣсить во флигелѣ барскаго дома, висѣла теперь на прежнемъ мѣстѣ около печи и тамъ же была ихъ спальня.

Савелій, войдя въ избу, остановился около дверей и, смотря въ полъ, однотонно проговорилъ:

— Анатолій Петровичъ, извольте пожаловать къ папашѣ: они васъ просятъ къ себѣ.

Анатолій промычалъ въ отвѣтъ «приду», и Савелій молча вышелъ на улицу, ожидая его тамъ.

— Охъ, Анатолій Петровичъ, я боюся,—плаксиво сказала Марѳа.

— Чего?—сурово спросилъ онъ, собираясь идти.

— Я не знаю чего... Будто страшно такъ... Не сталъ бы драться...

— Ну, выдумала...

— Побросалъ тогда все, точно звѣрь лютый... Охъ, голубчикъ, ужъ ты какъ-нибудь посмирнѣе... Не серди ты его...

— Перестань.

Въ двери показался Спиридонъ Яковлевъ.

— Одумался, видно. Я слышалъ, зоветъ васъ.

Спиридонъ Яковлевъ, хотя и грозилъ Петру Ѳедоровичу судомъ за причиненные убытки и за оскорбленія, но смирился предъ неотразимою силою обстоятельствъ и далъ пріютъ дочери и ея мужу.

— Глядите, Анатолій Петровичъ, дѣло идетъ къ концу,—заговорилъ онъ внушительно:—должно, папаша опять безъ денегъ. Теперь того и гляди укціонъ... Вы, одначе, не ссорьтесь—пусть его!

— Уйди!—сурово сказалъ ему Анатолій:—не знаю я, что-ли, безъ тебя.

— Хорошо, хорошо! Я уйду... А на счетъ того, Анатолій Петровичъ, что давеча вы говорили, будто корову я у васъ купилъ за три синенькихъ, это не вѣрно-съ — вы запамятовали! Лошадку тогда дѣйствительно такъ-съ, за три синенькихъ, я такъ и въ книгу записалъ, а корову за двѣ... Ужъ пожалуйста будьте безъ сумлѣнія и не тѣсните меня.

— Ахъ,—отмахнулся рукой Анатолій,—уйди пожалуйста.

— Тятенька, пойди! Видишь, Анатолію Петровичу теперь не до того,—тономъ упрека сказала Марѳа.

— Ладно, ладно! Я только такъ, значитъ, напомнилъ, чтобы послѣ разговору не вышло, — отвѣтилъ Спиридонъ Яковлевъ и скрылся за дверью.

Мареа заботливо осмотрѣла пальто Анатолія и подала ему фуражку. Онъ небрежно набросилъ ее на голову и вышелъ на улицу. Жена стояла у окна, слѣдя за его шагами, и онъ, проходя мимо, тоже взглянулъ на нее и даже кивнулъ головой, точно говоря этимъ кивкомъ «не бойся». Несмотря на рѣзкость его отвѣтовъ на вопросы жены, все-таки замѣтно было изъ его взглядовъ, что миновало то время, когда онъ думалъ о возможности легко съ ней разойтись.

— Вы не извольте папашу сердить, Анатолій Петровичъ. Они не въ духѣ,—уговаривалъ Савелій.

По привычкѣ къ почтительности онъ шелъ на полшага позади Анатолія и, разговаривая съ нимъ, нѣсколько склонялся.

— Пожалуйста не учи. Очень ужъ много учителей,—отвѣчалъ Анатолій.

— Они хотя и храбрятся и посвистываютъ, а что-то, я замѣчаю, есть въ нихъ такое... Вздыхаютъ иной разъ такъ не хорошо. И съ мамашей, должно полагать, разстались не въ расположеніи. Не ладно что-то все...—шепталъ старикъ и вздыхалъ.

— Догулялись!—сурово замѣтилъ Анатолій, входя на парадное крыльцо отцовскаго дома.

Савелій остался въ передней и опустился на стулъ, уныло понуривъ голову. Анатолій смѣло пошелъ по лѣстницѣ вверхъ.

Онъ былъ по обыкновенію пасмуренъ, но трезвъ и не такъ лохматъ, какъ бывало прежде. При его появленіи Петръ Ѳедоровичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и что-то писалъ, едва ли даже не для того собственно, чтобы разыграть роль дѣлового человѣка.

— Ахъ, это ты!—хмуро сказалъ онъ, заслышавъ шаги Анатолія.

— Да, я... — сухо отвѣтилъ Анатолій, тряхнувъ волосами и молча сѣлъ на первый стулъ.

— Что это ты надѣлалъ?—Не стыдно, а?

— Кому?—отрывисто спросилъ онъ, взглянувъ на отца.

— Тебѣ, разумѣется, кому же больше!

— И вамъ... Я себя не оправдываю, но и васъ тоже.

— Ну, довольно! Это твоя обыкновенная пѣсня. Не для этого я тебя звалъ,

— Для этого и не стоило...

— Перестань!—возвысилъ голосъ Петръ Өедоровичъ.—Я вовсе не хочу слушать тебя... Я имѣю надобность говорить о дѣлѣ...

Петръ Өедоровичъ переложилъ на столѣ какія-то бумаги, продолжая ворчать на Анатолія, и потомъ, отойдя отъ письменнаго стола, отрывисто сказалъ:

— Имѣніе предполагается въ продажу.

Анатолій удивленно взглянулъ на него и промолчалъ, ожидая, что будетъ онъ говорить далѣе. Но Петру Өедоровичу, какъ видно, не легко было говорить и онъ также замолчалъ, смотря куда-то въ сторону.

— Все измѣнилось... Надо другой родъ дѣятельности,—сказалъ онъ, подавляя вздохъ.—И дядя справедливо говоритъ, что дворянство должно всегда... и вообще его призваніе—служить государству. Да! Это правда, и я не разъ это говорилъ.

— Не слыхалъ!—отвѣтилъ Анатолій не смотря на отца.

— Не слыхалъ!—громко повторилъ Петръ Өедоровичъ, вдругъ раздражаясь и вскакивая со стула.—Что ты могъ слышать! Что? Ты гдѣ проводилъ все свое свободное время? Чѣмъ заплатилъ за всѣ заботы о тебѣ? Ты обвиняешь родителей, говоришь грубости, оказываешь явное пренебреженіе за то, что самъ дуренъ и злоупотреблялъ свободой... Не слыхалъ! Ты не доучился—мы виноваты! Ты шагу безъ присмотра не можешь ступить въ двадцать лѣтъ—мы виноваты!.. Фи!..

— За этимъ и звали? — спросилъ Анатолій, когда отецъ, разразившись горячей тирадой, отвернулся отъ него.

Этотъ вопросъ, тихо и ничуть уже не грубо сказанный, снова возбудилъ гнѣвъ въ Петрѣ Өедорович

и онъ началъ опять упрекать сына, горячась и задыхаясь. Анатолій молчалъ, и когда Петръ Ѳедоровичъ повторилъ, что намѣренъ имѣніе продать, онъ коротко спросилъ:

— Хохлакову?

— Хохлакову ли, кому ли другому—не все ли равно,—загорячился Петръ Ѳедоровичъ.—Что ты улыбаешься... Ты не долженъ позволять себѣ этого. Разстройство нашихъ дѣлъ не есть явленіе единичное, у всѣхъ дѣла разстроены... Не мы причиной этому.

— Кто же?

Петръ Ѳедоровичъ презрительно отвернулся.

— Ты просто глупъ и не можешь видѣть дальше своего носа. Ты оттого такъ и разсуждаешь, что тебѣ недоступна историческая точка зрѣнія... Законы исторіи...

— И вы, однако, не далеко ушли съ ними. Только до Хохлакова,—вставая заговорилъ Анатолій.—Что вы меня дразните тѣмъ, что имѣніе продаете... Ну, хорошо, продавайте. Это, разумѣется, меня многаго лишитъ. Я имѣлъ все-таки надежду, что мнѣ хотя какой-нибудь кусокъ... хоть остатки отъ лѣсной дачи... Продавайте. Теперь вижу, что вы хотите меня безъ гроша оставить, да и сестеръ тоже... Таковы, видно, по вашему законы исторіи.

Онъ заволновался, смялъ въ рукѣ фуражку и не зналъ куда смотрѣть. Извѣстіе о предполагаемой продажѣ имѣнія разбивало всѣ его послѣднія надежды, но сказать объ этомъ отцу прямо было неудобно. Спустя двѣ-три минуты Петръ Ѳедоровичъ нѣсколько успокоился и вытеръ лобъ платкомъ.

— Такъ или иначе—все равно! Кто правъ, кто виноватъ разбирать поздно, да! Надо съ Красными-Горками разставаться. Я намѣренъ все продать,—сказалъ онъ вздохнувъ,—и поступлю на службу. Дядя Павелъ Степановичъ зоветъ, почти требуетъ этого. Ты долженъ тоже ѣхать и оставить здѣсь эту... свою... какъ **она.**

— Жену!—твердо подсказалъ Анатолій.

— Фи,—поморщился Петръ Ѳедоровичъ,—сдѣлалъ глупость и еще кичишься ей. Стыдъ! Ты долженъ ѣхать къ дѣду, просить его покровительства... Если, конечно, оставишь...

— Я не поѣду.

— Дурно сдѣлаешь.

— Какъ угодно. Хорошо или дурно по-вашему, мнѣ дѣла нѣтъ. Я остаюсь здѣсь.

— Что же ты будешь дѣлать?

— Ничего пока... Потомъ посмотрю.

— Боже мой, Боже мой! — Печально произнесъ Петръ Ѳедоровичъ,—этого ли я ждалъ когда-то!

— Да и я тоже,—отрывисто подсказалъ Анатолій.

— Грубый и неисправимый человѣкъ! Припомни, сколько заботъ было потрачено на тебя,—поучительно заговорилъ Петръ Ѳедоровичъ все въ томъ же грустномъ тонѣ. — Я не буду говорить о томъ, какъ ты всегда обращался съ матерью,—продолжалъ онъ, — я не хочу поднимать прошлаго.

— Да и не стоитъ.

— Замолчи!—возвысилъ онъ голосъ.

— Прощайте!

— Анатолій, ты себя губишь! Остановись! пойми... когда я уѣду отсюда, поздно будетъ поправить твою ужасную ошибку. Выслушай!

Сынъ остановился въ дверяхъ и ждалъ, что еще скажетъ отецъ.

— Пойми, тебѣ иначе и дѣдъ не окажетъ никакой помощи.

— А отъ васъ-то что же мнѣ? Тоже ничего? Имѣніе въ продажу—и маршъ!.. Вы не виноваты въ моемъ прошломъ, а теперь какъ же? Такъ и бросить меня! Значитъ, мужикъ, грубый и жадный кула лучше васъ; онъ далъ пріютъ.

— Оставь ее здѣсь и будешь имѣть мѣсто. Дѣ, дастъ.

— А ее бросить?

Петръ Ѳедоровичъ молча пожалъ плечами. Анатолій тоже нѣкоторое время стоялъ въ задумчивости, избѣгая взглядовъ отца.

— Я не могу,—вздохнулъ онъ, вдругъ какъ-то затихая и понуривъ голову.

— Представитель старинной дворянской фамиліи,— началъ Петръ Ѳедоровичъ, качая головой,—внукъ государственнаго человѣка, и не рѣшается поправить своей колоссальной ошибки!

— Чѣмъ поправить ошибку? Тѣмъ, что вмѣсто одной нелѣпости сдѣлать двѣ?.!.

— Единственный исходъ оставить ее здѣсь, а самому ѣхать къ дѣду,—рѣзко и разставляя слова, сказалъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Нѣтъ!—вдругъ рѣшительно заявилъ Анатолій:— какъ хотите, я не могу...

Онъ, взволнованный, торопливо вышелъ изъ кабинета отца, не прощаясь; но только-что спустился съ лѣстницы, какъ дверь ему навстрѣчу отворилась, и нѣсколько испуганныхъ и озлобленныхъ лицъ сразу ворвались въ переднюю.

— Гдѣ вашъ папаша? Намъ необходимо его немедленно же видѣть. Помилосердуйте,—просили они, окруживъ Анатолія.

— Что такое?

— Родитель вашъ имѣніе продалъ-съ и движимое и недвижимое... А намъ теперь по лавкамъ не заплочено ни копѣйки. Мы ждали, что предъявимъ на аукціонѣ. Наконецъ того, вышла совсѣмъ другая статья.

— Пойдите на верхъ. Онъ въ кабинетѣ,—сказалъ Анатолій и быстро зашагалъ по деревнѣ по направленію къ дому Спиридона Яковлева.

Изумленный Петръ Ѳедоровичъ не зналъ, куда бы поскорѣе уйти отъ нахлынувшихъ кредиторовъ, но уйти было неудобно: Савелія не было подъ рукой.

— Ахъ, господа! — привѣтствовалъ онъ входящихъ.

— Помилосердуйте, Петръ Ѳедоровичъ!—начали

вдругъ нѣсколько человѣкъ, кланяясь и перебивая одинъ другого.

— Успокойтесь! Получите сполна всѣ ваши долги. Вы привезли счеты?

— Всѣ привезли. Вотъ извольте. Ужъ сдѣлайте одолженіе. Мы сами люди трудящіе... Хохлаковъ— это, конечно, другой разсчетъ, а наши достатки не велики.

Онъ какъ могъ старался успокоить ихъ.

— Я не получилъ еще отъ Хохлакова денегъ. Понимаете? Я не получилъ еще. Сейчасъ ѣду слѣдомъ за вами въ городъ для разсчетовъ.

— Нѣтъ, ужъ вы сдѣлайте вашу милость. Вамъ это, можно сказать, плевое дѣло...

Петръ Θедоровичъ едва сбылъ ихъ, и оставшись одинъ, долго ворчалъ, жалуясь на русское невѣжество и навязчивость. Купцы возвращались домой сердитые и недовольные тѣмъ, что вмѣсто денегъ имѣли только одни надежды и обѣщанія. Они ругали Филарета Павловича, находя, что онъ всѣхъ золъ причина.

— Особачилъ барина-то совсѣмъ! Намъ ничего не оставилъ!..

XL.

Въ избѣ Спиридона Яковлева въ это время ждали возвращенія Анатолія. Марθа сидѣла у окна, смотря на улицу, и не слушала, что говорилъ отецъ съ матерью, озабоченные не меньше ея тѣмъ, что зять такъ долго не возвращается.

— Можетъ, и помирились. Все же какъ ни разговаривай, а онъ отецъ. Сердце-то чай тоже болитъ,— замѣтила жена Спиридона.

— Болитъ, какъ же! — ворчалъ Спиридонъ Яко[в]левъ,—не такой онъ человѣкъ, чтобы о сердцѣ. Вон[ъ] мельницу-то съ лугами продалъ Хохлакову, нѣтъ тог[о] чтобы мнѣ сказать... Нѣшто у меня не такія же ден[ь]ги? Я бы со всякимъ удовольствіемъ... а теперь вь

шло одно только притѣсненіе отъ Филарета, прижалъ меня къ стѣнѣ, дыхнуть не даетъ, хоть ты что хошь— ну, и отступился! А то сердце. Какое у нихъ сердце, они нашего брата, трудящаго человѣка, только тѣснятъ.

— Да я вѣдь не объ этомъ,—перебила жена:—я говорю о Мареенкѣ объ нашей. Можетъ, теперь Анатолій-то Петровичъ помирился и они опять въ господскій домъ переѣдутъ.

— Да что изъ этого толку-то, хоша бы и переѣхали... Видимое дѣло, что подходитъ Петру Өедоровичу конецъ. И семью свою оставилъ въ городѣ. Само собой, къ чему ихъ на укціонъ везти? Теперь, надобыть, Хохлаковъ ему долгу не отсрочитъ и домъ тоже въ укціонъ пойдетъ...

— А какъ же Мареинька то наша?—печально спросила жена.

— Мареинька! Что Мареинька? О чемъ ей горевать, мужъ у ней теперь человѣкомъ становится, почти не пьетъ. Сколько время теперь онъ пересталъ пить, кажись, мѣсяца два... вотъ только позапрошлый разъ спотыкнулся, ну, да это не въ счетъ. А касательно дѣловъ разговоръ впереди—и увидимъ какъ и что. Вотъ, Богъ даотъ, укціонъ подойдетъ, тамъ все обозначится. Что, не видать его!—обратился онъ къ дочери.

— Нѣтъ, не видать... Я боюся, не запилъ ли опять!

— Ну, ужъ ты опять! Помолчи мало дѣло...—сердито сказалъ Спиридонъ Яковлевъ:—ишь ты статья какая!—озаботился онъ,—да неужто эстолько время они разговариваютъ! Эхъ, время-то у меня горячее, ѣхать надо по дѣлу.

Подождалъ онъ Анатолія еще съ полчаса и, не дождавшись, уѣхалъ въ сосѣднее село верстъ за десять.

— Ой, чтой-то я боюсь, мамонька,—вздыхала Мареа,—такъ сердце-то у меня съ утра сегодня тоскуетъ.

— Ну, что ты, Богъ съ тобой!—утѣшала мать.— Поѣшь чего-нибудь, можетъ и пройдетъ.

Но и она не была спокойна, тоже заражаясь подо-

зрѣніями дочери. Подозрѣнія эти росли съ каждой минутой и, главнымъ образомъ, основывались на той замѣченной уже въ характерѣ Анатолія особенности, а именно, что онъ можетъ воздерживаться отъ вина пока душевно не разстроенъ. Онѣ припомнили день пріѣзда Петра Ѳедоровича, когда Анатолій, узнавъ о погромѣ, произведенномъ отцомъ во флигелѣ, бушевалъ въ питейномъ домѣ, и какого усилія стоило имъ удержать его отъ пьянства и увести домой.

— Ой, пойдемъ, мамонька, пойдемъ туда, — безпокойно заговорила Марѳа, отходя наконецъ отъ окна и потерявъ надежду на возвращеніе мужа.

Мать и дочь вышли на улицу и пошли по направленію къ господскому дому. День былъ рабочій и на улицѣ никто не встрѣчался. Чѣмъ далѣе онѣ шли, тѣмъ тревожнѣе становилось ихъ душевное состояніе, и когда онѣ миновали наконецъ господскій домъ, смотря на открытыя окна кабинета Петра Ѳедоровича— единственной жилой комнаты во всемъ домѣ, тогда только убѣдились, что Анатолія тамъ нѣтъ, потому что видѣли своими глазами Петра Ѳедоровича, сидѣвшаго за письменнымъ столомъ. Еслибъ Анатолій тамъ былъ, заключили онѣ, то Петръ Ѳедоровичъ не сидѣлъ бы такъ долго, углубившись въ бумаги.

Анатолій въ это время былъ въ избушкѣ Ѳомы Лукича. Случилось это неожиданно. Только-что онъ вышелъ изъ отцовскаго дома, встревоженный извѣстіемъ о продажѣ имѣнія, какъ встрѣтился ему Ѳома Лукичъ, бывшій немного навеселѣ.

— Бояринъ! Соблаговолите въ мою хижину...,— возгласилъ онъ, молитвенно складывая на груди обѣ руки.—Отъ избытка сердца уста глаголютъ... Соблаговолите.

Изъ вмѣстительнаго кармана его лоснившагося подрясника выглядывало горлышко штофа съ темнокоричневою сургучною печатью, изъ другого кармана тоже выглядывала какая-то заманчивая посудина.

— Имѣю возможность!—убѣждалъ Ѳома, осторож

прикасаясь обѣими руками къ карманамъ:—имѣю надлежащую возможность предложить. Есть и березовка, и очищенная!

У Анатолія былъ камень на сердцѣ, и онъ поддался искушенію.

Чрезъ полчаса они говорили оба вдругъ. Ѳома Лукичъ уже бормоталъ сильно заплетаясь языкомъ:

— О. Захаръ весьма любостяжателенъ,—говорилъ онъ, тыкая указательнымъ пальцемъ въ пространство:—онъ всѣ помышленія своя и всѣ желанія своя устраиваетъ на сокровищахъ земныхъ.

— Я никогда не былъ подлымъ человѣкомъ,—сквозь слезы говорилъ Анатолій и подвывалъ, утирая глаза кулакомъ:—я, можетъ быть, въ тысячу разъ лучше другихъ, потому душа у меня такая чуткая; какъ только горе, такъ я не могу его перенести. Понимаешь ли, я сейчасъ напьюсь...

— Соблаговолите!—предлагалъ Ѳома Лукичъ.—Вы изволите освѣдомляться,—продолжалъ онъ,—понимаю ли вашу душу? Очень понимаю... Я доложу вамъ, что въ совершенной ясности вижу дѣло. Ежели бы назначили слѣдствіе, было бы ему худо, и онъ знаетъ, очень хорошо знаетъ, что рваный листъ такъ и истлѣетъ никѣмъ не видимый въ книгѣ. Кому онъ нуженъ? А ежели бы слѣдствіе, тогда, можетъ быть, еще было бы послѣднее горше первыхъ и ему же самому, отцу Захару.

Анатолій, не слушая Ѳомы, горячился, билъ самого себя кулакомъ въ грудь, вертѣлъ имъ на груди такъ, точно хотѣлъ проникнуть въ ея глубину и со слезами на глазахъ говорилъ свое.

— Она мужичка,—вопилъ онъ, спустя нѣсколько времени:—но бросить такъ нельзя... Это невозможно, да-а! Сердце у ней кроткое, незлобивое... Какъ я могу ее оставить, какъ могу. Теперь ты самъ сообрази, возможное ли это дѣло?

— Невозможно! съ достаточною ясностію вижу,—подсказалъ Ѳома,—что невозможно... Потому ежели

слѣдствіе назначать—ему тогда худо, ну, онъ и помирился!

Такъ благодушно они бесѣдовали, пока не растворилась дверь избушки. Заслышавъ шаги входящей Мареы съ матерью, Анатолій оглянулся и моментально преобразился. Поднявшись отъ стула и остановившись посреди избы въ позѣ главнокомандующаго, онъ громко крикнулъ:

— Это еще что такое? Убирайтесь! Что за розыски такіе! Мареа! Мареинька! Иди обратно!

Ѳома Лукичъ недоумѣвалъ, не имѣя силъ сообразить, зачѣмъ и откуда появились въ его избѣ женщины. Онъ силился что-то сказать, повидимому, спросить о причинѣ ихъ прихода, но изъ его безсвязной рѣчи нельзя уже было ничего понять.

XLI.

Спиридонъ Яковлевъ возвратился изъ сосѣдняго села поздно вечеромъ, усталый и весь обсыпанный мукой. Лицо его было бѣлое, точно онъ напудрился, кафтанъ и фуражка тоже, и даже сапоги напудрены. На телѣгѣ, на которой онъ пріѣхалъ домой, лежало нѣсколько мѣшковъ муки. Занятый соображеніями на счетъ выгодъ, какія предстояли впереди отъ продажи муки и отъ выдачи въ долгъ крестьянамъ сосѣдняго села денегъ, Спиридонъ Яковлевъ оставилъ на это время заботы объ Анатоліи и вспомнилъ о немъ только въ ту минуту, когда сталъ сваливать съ телѣги мѣшки въ амбаръ.

— Ахъ, въ ротъ ему каши! Дѣловъ-то куча, не оберешься,—ворчалъ онъ, возвращаясь въ избу.

Мареа и мать ея, умаявшіяся въ ухаживаніи за Анатоліемъ, уже спали, и самъ Анатолій, напившій до потери сознанія, тоже спалъ крѣпкимъ сномъ.

Разбудивъ своимъ приходомъ жену, Спиридо[н]
Яковлевъ пошептался съ ней нѣсколько времени и н[и]
чего, повидимому, не узнавъ о результатахъ свидан

Анатолія съ отцомъ, сѣлъ въ передній уголъ, гдѣ на столѣ былъ оставленъ ужинъ, покрытый синей грубаго холста скатертью, и сталъ молча ѣсть.

Въ господскомъ домѣ, между тѣмъ, было въ это время большое движеніе. На дворѣ стояли двѣ запряженныя телѣги, въ комнатахъ расхаживали нѣсколько человѣкъ рабочихъ, присланныхъ къ Поярков у отъ Филарета Павловича Хохлакова, и тутъ же былъ Савелій. Рабочіе переносили изъ разныхъ комнатъ въ одну различныя вещи и помогали Савелію укладывать ихъ въ сундуки. Часа два-три спустя сундуки были перенесены во дворъ, уставлены на телѣги, закрыты рогожами и вывезены со двора. Старый Савелій залѣзъ на одинъ изъ нагруженныхъ сундуками возовъ, перекрестился и заплакалъ.

— Прощай, дядюшка Савелій! крикнули рабочіе кивая ему головами.

Но Савелій только рукой махнулъ.

Когда телѣги выѣхали за усадьбу и поднялись на одинъ изъ холмиковъ, по которымъ пролегала большая дорога, онъ попросилъ ямщика остановиться, и, обратившись лицомъ къ усадьбѣ, окинулъ прощальнымъ взглядомъ господскій домъ, паркъ, церковь и унылыя избушки селенія.

Ямщикъ, безпечно сосавшій свою носогрѣйку, подозрительно покосился на него, смотря, какъ онъ припалъ къ землѣ, кладя свой поклонъ и ни словомъ не нарушилъ его тяжелаго душевнаго состоянія. Только когда Савелій снова забрался на вершину воза, и со вздохомъ сказалъ «трогай», ямщикъ повернулся къ нему лицомъ и коротко спросилъ:

— Надолго, видно, ѣдешь?

— Надолго. Не видать ужъ мнѣ этихъ мѣстовъ.

— Слыхалъ я, быдто Хохлаковъ будетъ владать усадьбой-то. Правда-ли?—спросилъ ямщикъ.

— Правда. Его работники тамъ остались и приказчики,—сухо отвѣтилъ Савелій и замолчалъ.

— Дѣла!—подсказалъ ямщикъ,—ну-ка ты, дѣвушка-а!—прикрикнулъ онъ на лошадь.

Протащились они по улицамъ Малорѣченска никѣмъ невидимые, такъ какъ уже былъ поздній часъ ночи, о чемъ, впрочемъ, позаботился и самъ Петръ Ѳедоровичъ, давшій распоряженіе Савелію выѣхать изъ усадьбы какъ можно позднѣе, чтобы не возбуждать въ городѣ лишнихъ толковъ. Самъ онъ выѣхалъ въ этотъ же вечеръ, но часами тремя раньше. Какія чувства томили его, оглядывался ли онъ на усадьбу—Богъ его знаетъ. Извѣстно только, что, ощутивъ въ карманѣ двѣ тысячи рублей (Хохлаковъ все-таки пятьсотъ еще накинулъ), Петръ Ѳедоровичъ пріободрился и покатывалъ на почтовыхъ по направленію къ губернскому городу, щедро давая ямщикамъ на водку. Будущее снова рисовалось предъ нимъ въ яркихъ краскахъ. Онъ мечталъ, какъ пристроится на службу по протекціи дяди и какъ получитъ послѣ его смерти большое наслѣдство. Но мечты и дѣйствительность—это всего чаще двѣ противоположности.

XLII.

На слѣдующій день, рано утромъ, когда Анатолій еще спалъ богатырскимъ сномъ, Спиридонъ Яковлевъ, отправляясь по своимъ дѣламъ въ Малорѣченскъ, съ изумленіемъ остановился у господскаго дома, замѣтивъ, что въ немъ происходитъ нѣчто странное, чего онъ никакъ не ожидалъ. Всѣ окна въ домѣ были раскрыты и нѣсколько женщинъ, съ заткнутыми за поясъ подолами, мыли рамы и стекла; во дворѣ рабочіе выбивали и чистили мебель, на крыльцѣ и около кухни было тоже нѣсколько человѣкъ, повидимому, мастеровыхъ и что-то работали, стругали, пилили, красил Спиридонъ Яковлевъ сдержалъ лошадь и болѣзнен схватился за грудь, вдругъ почувствовавъ, что е точно чѣмъ-то укололо въ самое сердце.

— Братцы!—крикнулъ онъ,—что это такое?..

— Гдѣ?—отвѣтилъ кто-то вопросомъ на его вопросъ.

— Нѣтъ, я говорю, что вы тутъ... Рань такая... Неужели Петръ Ѳедоровичъ ужъ всталъ?

— Эва!—захохотали разомъ нѣсколько рабочихъ.

Спиридонъ Яковлевъ взглянулъ на нихъ и еще больше растерялся. Онъ увидѣлъ знакомыя лица служащихъ у Хохлакова.

— Братцы? Что же это? Праздникъ что-ли какой? Ишь народу нагнали. Умеръ, что ли, у Петра Ѳедоровича дядя, а? Да гдѣ Савелій-то? кликните ко мнѣ его...

— Хе, хе!—засмѣялись рабочіе, видя смущеніе Спиридона Яковлева.

— Что-й-то ты, Спиридонъ Яковличъ, ровно съ похмѣлья,—подсказалъ кто-то.—Развѣ не знаешь дѣловъ? Вчера еще вечеромъ Петръ Ѳедоровичъ уѣхалъ и Савелій уѣхалъ съ возами. Имѣніе, какое имъ слѣдовало, увезли и теперича хозяинъ новый, значитъ самъ нашъ Филаретъ Павловичъ.

Спиридонъ Яковлевъ снялъ фуражку, почесалъ въ затылкѣ и опять ее надѣлъ, пытливо смотря на рабочихъ, точно вдумываясь, что это за странныя такія извѣстія они ему передаютъ. Смѣхъ, возбужденный его смущеніемъ, еще не прекратился и нѣсколько рабочихъ, бывшихъ вдали отъ него, подошли поближе, увлеченные этимъ смѣхомъ, и съ изумленіемъ смотрѣли на Спиридона Яковлева.

— А укціонъ-то?—спохватился онъ, вдругъ выходя изъ задумчивости.

— Какой укціонъ?—захохотали рабочіе, не понимая вопроса.

— Ахъ, вы дураки! Что вы понимаете!—озлобленно крикнулъ Спиридонъ Яковлевъ и побѣжалъ въ комнаты дома, надѣясь встрѣтить кого-нибудь изъ приказчиковъ Хохлакова и узнать, что за превращенія такія вдругъ случились съ Поярковымъ. Приказчика онъ дѣйствительно встрѣтилъ, но узнать ничего не могъ,

потому что Филаретъ Павловичъ не имѣлъ привычки устраивать свои дѣла открыто. У него все дѣлалось тихо и ни для кого изъ служащихъ не замѣтно.

— Что же случилось? Что же? Скажи ты мнѣ, Христа ради!—кричалъ онъ, размахивая руками предъ приказчикомъ Хохлакова.—Отчего такъ вдругъ и этакая перемѣна, на чемъ они порѣшили? Ну, усадьбу онъ ему можетъ продалъ, ну, ладно! А лѣсная дача какъ? Ну, самъ уѣхалъ, жена тамъ, значитъ, въ городѣ, дочери... А сынъ-то куда же?

— Да ты что же такъ кричишь? Тебѣ-то какое до всего этого дѣло?...—сердито упрекнулъ приказчикъ, недовольный тѣмъ, что Спиридонъ Яковлевъ неотступно ходитъ за нимъ слѣдомъ по комнатамъ изъ одной въ другую.

— Пойми ты, братецъ мой, вѣдь сынъ-то его мою дочь съ толку сбилъ,—горячо продолжалъ Спиридонъ Яковлевъ:—крадучись отъ меня они повѣнчались. Теперича чѣмъ же сынъ-то жить будетъ? Пойми, вѣдь этого невозможно... Какъ же онъ его бросилъ?

Лицо Спиридона Яковлева покрылось краской, глаза тревожно перебѣгали съ предмета на предметъ, ища отвѣта на тѣ неразрѣшимые вопросы, которые вдругъ на него нахлынули со всѣхъ сторонъ. Разсердившись наконецъ на приказчика за то, что онъ не даетъ ему прямого отвѣта на его вопросы, Спиридонъ Яковлевъ торопливо пошелъ изъ дому и, вскочивъ въ телѣгу, погналъ въ Малорѣченскъ. Но возвратился онъ оттуда еще болѣе разстроенный и уже съ окончательно разбитыми надеждами.

— Вотъ мошенникъ, а? Вотъ жадный волкъ!—роппталъ онъ, вспоминая о Филаретѣ Павловичѣ,—изъ роту кусокъ вырвалъ! Ахъ, ты пройдоха! Отчетливо обработалъ! Ну, что я теперь буду дѣлать съ зятемъ-т Да неужто дѣдъ-то, Павелъ Степановичъ, никако вниманія на мое письмо не обратитъ! Вѣдь я, кажис жалобно писалъ о положеніи Анатолія... О, Господ какія напасти на меня вдругъ навалились!

Пріѣхалъ онъ домой и прямо прошелъ къ женѣ, не заходя въ комнату Анатолія.

— Хозяйка, слышь! Худо дѣло...—зашепталъ онъ, садясь въ изнеможеніи на скамью.

— Что ты это? али захворалъ?—испуганно спросила жена, замѣтивъ рѣзкую перемѣну въ лицѣ Спиридона Яковлева.

— Хуже! Хворь-то бы ничего... отлежался бы... А это дѣло такое, не поправить его...

— Да что случилось-то? Ты скажи толкомъ.

— Ничего!—отмахнулся онъ.—Молчи лучше, вотъ что!.. Запри-ка дверь-то на крючокъ—не вошелъ бы кто. Вотъ оказія какая! Охъ!.. Завари-ка чайку—съ утра маковой росинки во рту не было.

— Нѣшто опять съ Хохлаковымъ вышло что-нибудь?

— Молчи ты, глупая!—зашепталъ Спиридонъ Яковлевъ,—чего суешься?

— Да вѣдь ты самъ, чай, сталъ жаловаться. Ну, я и спрашиваю...

— Ну, и молчи, тебѣ говорю!—сердито прошепталъ онъ,—что? спитъ еще?—спросилъ онъ чрезъ нѣсколько времени, ткнувъ пальцемъ въ ту сторону, гдѣ была комната Анатолія.

— Нѣтъ, всталъ. Чай пьетъ.

— А гдѣ Марѳинька?

— Не знаю. Вышла, надо быть, на рѣчку.

— Ахъ ты оказія!—вздыхалъ Спиридонъ Яковлевъ и сталъ шопотомъ разсказывать женѣ объ отъѣздѣ Петра Ѳедоровича изъ усадьбы и о продажѣ усадьбы Хохлакову.

— Такъ неужли-жъ они его безъ призору пустятъ, Анатолія-то Петровича?—съ удивленіемъ спросила жена.

— То-то я и самъ думаю. Ежели отецъ вѣтрогонъ такой, то вѣдь дѣдъ все-же, чай, не оставитъ.

— Охъ, я тебѣ тогда говорила сколько разовъ, говорила, что не ладно сдѣлалъ... Охъ!

— Молчи, глупая! говорила безо время, что въ этомъ толку!—сердито шепталъ Спиридонъ Яковлевъ, отмахиваясь отъ жены обѣими руками.

Онъ не разсказывалъ ей о своихъ разрушившихся надеждахъ на пріобрѣтеніе лѣсной дачи и искалъ только успокоенія своихъ сомнѣній на счетъ матеріальной поддержки Анатолія со стороны его богатаго дѣда. Выпивъ чаю и подкрѣпивъ свои утраченныя духовныя силы бесѣдою съ женой, онъ отправился къ Анатолію.

— Какъ угодно, Анатолій Петровичъ,—заявилъ онъ, разсказавъ ему все, что услыхалъ въ этотъ день новаго о дѣлахъ его отца:—какъ угодно, а надо вамъ принимать мѣры. Такъ нельзя! Мои достатки, знаете, не велики. Мнѣ содержать васъ съ хозяйкой тоже... составляетъ разсчетъ!

— Чортъ съ тобой и съ твоими разсчетами!—грубо отвѣтилъ Анатолій.

— Это какъ угодно, а только ежели никакой мѣры принимать не постараетесь, то очень будетъ впереди туго и, можно сказать, невозможно жить. Я васъ держать не могу, какъ угодно. Я, разумѣется, отъ чистаго сердца вамъ хотѣлъ помочь... Ну, ничего не подѣлаешь... Сами видите, какъ этотъ Хохлаковъ опуталъ вашего родителя. Теперича одно—пишите дѣдушкѣ—онъ васъ не оставитъ.

— Убирайся къ дьяволу съ своими совѣтами; я самъ знаю, что мнѣ дѣлать.

XLIII.

Послѣ окончательной продажи имѣнія, Петръ Өедоровичъ и Глафира Александровна нѣсколько пріуныли и попритихли. Глафира Александровна не имѣла уже той королевской осанки, которой до сихъ по такъ рѣзко отличалась отъ всѣхъ другихъ. Петръ Ө доровичъ былъ молчаливъ и пасмуренъ, несмотря то, что у него въ карманѣ (за уплатой малорѣч скимъ купцамъ долговъ) оставалось еще тысячи п

торы рублей наличными. Въ другое время съ этими деньгами онъ беззаботно прожилъ бы съ мѣсяцъ, но теперь какъ-то вдругъ сжался, точно въ самомъ дѣлѣ понялъ, что надежды на полученіе наслѣдства могутъ, пожалуй, и не осуществиться. Вѣроятно, такія же сомнѣнія безпокоили и Глафиру Александровну, въ особенности при невольномъ сознаніи, что она съ дочерьми живетъ въ квартирѣ своихъ родныхъ, которые сами тѣснятся въ ней и тоже «догораютъ».

Петръ Ѳедоровичъ дня черезъ два по возвращеніи изъ Красныхъ-Горокъ собрался въ Петербургъ, и Глафира Александровна его не удерживала; напротивъ, уговаривала скорѣе ѣхать и хлопотать у дяди о полученіи мѣста на службѣ. Она несомнѣнно поѣхала бы вмѣстѣ съ нимъ, зная по горькимъ опытамъ прежнихъ лѣтъ, какъ опасно давать Петру Ѳедоровичу полную свободу, въ особенности въ то время, когда у него есть деньги; но ей было не до поѣздки: она чувствовала себя совсѣмъ разстроенной и отпустила его одного. Часть денегъ, полученныхъ имъ отъ Хохлакова, она изъ благоразумной предосторожности все-таки упросила его оставить у ней. Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ подобнаго рода просьба могла бы вызвать большія непріятности, такъ какъ Петръ Ѳедоровичъ ревниво охранялъ свои права на самостоятельность; но теперь, въ виду болѣзненной раздражительности Глафиры Александровны, онъ почти безпрекословно подчинился ея просьбѣ, фыркнулъ только разъ-другой, недовольный тѣмъ, что «она его не понимаетъ».

Дѣйствительно, по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ велъ себя примѣрно: усердно хлопоталъ о службѣ, ѣздилъ часто къ дядѣ, былъ скроменъ, почтителенъ и не только получилъ себѣ мѣсто, но даже и сына устроилъ на службу—становымъ приставомъ въ одномъ изъ близкихъ къ Малорѣченску уѣздовъ. Послѣ примиренія съ дядей, жизнь стала казаться Петру Ѳедоровичу опять въ розовомъ цвѣтѣ, и онъ, уѣзжая изъ Петербурга на

службу въ уѣздный городъ Сосновскъ, уже мечталъ о томъ, что дядюшка скоро помретъ и несомнѣнно оставитъ ему большое наслѣдство. Дядюшка дѣйствительно расхварывался и Петръ Ѳедоровичъ дѣйствительно имѣлъ болѣе или менѣе достаточное основаніе утѣшать себя розовыми надеждами. Но пока въ ожиданіи осуществленія этихъ надеждъ ему предстояло свыкаться съ новой сферой своей дѣятельности въ качествѣ какого-то особаго члена по какому-то особому присутствію. Интереснаго въ этой дѣятельности было для него только полученіе жалованья, что-то около стапятидесяти рублей въ мѣсяцъ, а все остальное, т.-е. самая служба ужасно томила, безпокоила и огорчала.

Глафира Александровна и обѣ дочери жили съ нимъ и тоже томились неопредѣленностью своего положенія. Анюта просилась въ учительницы, Настя мечтала объ оперной сценѣ; но ни той, ни другой Глафира Александровна не давала воли, живя надеждою, что вотъ-вотъ дядя помретъ и они опять заживутъ на широкую ногу. Въ такомъ томленіи прошло всего, впрочемъ, только полгода: получилась наконецъ депеша о смерти дяди и Поярковы встрепенулись.

Это было поздней осенью. Погода стояла дождливая и бурная. Глафира Александровна, частенько въ послѣднее время похварывавшая, лежала въ постели и и никакъ не могла поѣхать съ мужемъ въ Петербургъ, куда онъ спѣшилъ съ необычайной торопливостью, и часа два спустя послѣ полученія телеграммы, былъ уже готовъ къ отъѣзду.

— Петръ Ѳедоровичъ, ради Бога,—умоляла она:— ради Создателя, возьми съ собой хотя Анюту...

Но Петръ Ѳедоровичъ уже преобразился и пріосанился.

— Это еще зачѣмъ?—надменно спросилъ онъ.

— Какъ зачѣмъ? Помилуй! Вспомни свое прошлое. Ради Бога! Умоляю тебя, вѣдь уже намъ не отъ ко[illegible] больше ждать помощи.

— Ха, ха, ха!—засмѣялся Петръ Ѳедоровичъ:-

да вы, Глафира Александровна, понятія не имѣете о суммѣ предстоящаго мнѣ наслѣдства. Ха, ха! Да вѣдь у дядюшки на худой конецъ полмилліона состоянія и на одни проценты съ этого капитала мы можемъ жить въ полное свое удовольствіе. Поправляйтесь-ка лучше поскорѣе и выѣзжайте отсюда по первому моему письму. Чортъ съ ней, съ этой службой и съ этимъ отвратительнымъ городишкомъ.

Онъ уѣхалъ, не дождавшись даже разрѣшенія начальства, и просилъ переслать отпускъ прямо въ Петербургъ.

Прошло послѣ его отъѣзда недѣли двѣ, въ продолженіи которыхъ Глафира Александровна съ дочерьми каждый день ждала отъ него депеши или письма, но дождаться не могла ни того, ни другого. Прошло наконецъ три недѣли, прошелъ мѣсяцъ, потянулся за нимъ другой и дошелъ уже почти до половины, а отъ Петра Ѳедоровича не было ни строчки. «Что это случилось, живъ ли онъ»,—вздыхала Глафира Александровна и писала письма въ Петербургъ Нинѣ Борисовнѣ, умоляя ее объ отвѣтѣ. Отвѣтъ наконецъ получился, но не отъ Нины Борисовны, а отъ какого то совсѣмъ неизвѣстнаго Глафирѣ Александровнѣ лица, которое извѣщало, что «ея превосходительство, находясь въ горестномъ положеніи по случаю кончины его превосходительства Павла Степановича, изволили выѣхать за границу».

— Господи, да гдѣ же Петръ Ѳедоровичъ? Что же о немъ ничего не пишутъ? Неужели и онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ теткой,—томилась Глафира Александровна, и плакала въ сознаніи полной по болѣзни невозможности ѣхать въ Петербургъ—искать мужа. Написала она умоляющее письмо къ лицу, сообщившему ей извѣстіе объ отъѣздѣ тетки за границу, и просила его увѣдомить, живъ ли Петръ Ѳедоровичъ и гдѣ онъ обрѣтается. На это письмо получился отвѣтъ, что «Петръ Ѳедоровичъ, какъ слышно, здравствуютъ и живутъ въ Петербургѣ и даже будто бы весьма на широкую ногу,

но гдѣ именно, т.-е. въ какой части города, неизвѣстно»

Отъ этого письма сердце Глафиры Александровны болѣзненно сжалось. Она поняла, какая страшная опасность грозитъ ей и ея семьѣ, если Петръ Ѳедоровичъ, развернувшись во всю свою ширь, тряхнетъ стариной. Собравъ послѣднія силы, она поѣхала въ Петербургъ, оставивъ дочерей въ Сосновскѣ.

Не зная адреса мужа, она по пріѣздѣ въ Петербургъ остановилась въ пустой квартирѣ тетки и тотчасъ же получила всѣ свѣдѣнія объ оставшемся послѣ дяди наслѣдствѣ,—свѣдѣнія, не мало ее огорчившія. Оказалось, что вмѣсто полумилліоннаго состоянія, осталось отъ Павла Степановича всего тысячъ сто, изъ которыхъ семьдесятъ назначено было Нинѣ Борисовнѣ, а тридцать Петру Ѳедоровичу. Остальное все дядюшка самъ прожилъ при жизни на личныя надобности и въ томъ числѣ на содержаніе какой-то красавицы иностраннаго происхожденія.

Такія извѣстія не могли, конечно, не огорчить Глафиру Александровну, тѣмъ болѣе, что объ образѣ жизни Петра Ѳедоровича и о причинѣ его столь продолжительнаго молчанія она имѣла самыя тревожныя представленія.

— Что-то будетъ, что-то будетъ, Господи!—вздыхала она все время, пока посланный ходилъ въ адресную экспедицію узнавать о мѣстѣ жительства Петра Ѳедоровича.

Наконецъ она получила его адресъ и отправилась въ тотъ домъ, гдѣ была его квартира.

— Здѣсь живетъ Петръ Ѳедоровичъ, дома онъ, здоровъ?—торопливо спрашивала она, войдя въ его квартиру и задыхаясь отъ волненія и злобы.

Слуга подозрительно окинулъ ее съ ногъ до головы испуганнымъ взглядомъ, догадываясь, что визитъ так барыни не предвѣщаетъ для Петра Ѳедоровича нич хорошаго.

— Они не могутъ теперь принять... Они оч разстроены... Нездоровы...—путаясь, отвѣтилъ сл

Но Глафира Александровна уже сбросила съ плечъ шубку и задыхающаяся, полная гнѣва, вошла торопливыми шагами въ комнаты.

— Петръ Өедоровичъ! Петръ Өедоровичъ! Гдѣ вы?.. Боже мой! Какъ вамъ не стыдно?—громко заговорила она, идя черезъ залу въ сосѣднюю комнату и изъ этой въ другую рядомъ съ ней.

Петръ Өедоровичъ въ испугѣ вскочилъ съ кушетки, на которой спалъ не раздѣтый, спиною вверхъ, уткнувшись лицомъ въ подушку. Вѣрнѣе сказать, онъ не спалъ, а былъ въ полудремотѣ, въ полузабытьи, разбитый и подавленный впечатлѣніями прошедшей ночи. Быстро поднявшись съ кушетки и испуганно смотря на Глафиру Александровну, онъ силился поправить свой туалетъ, застегивался, приглаживалъ волосы и покачивался въ то же время, едва держась на ногахъ.

— Боже мой, въ какомъ видѣ! — воскликнула въ слезахъ Глафира Александровна.—Петръ Өедоровичъ!.. Да говорите же пожалуйста... Что съ вами?.. Вы больны? Вы...

— Я, Глафира Александровна... Я... сегодня ночью проигрался...—едва произнесъ онъ заплетающимся языкомъ и вдругъ повалился ей въ ноги.

— Прости... Простите... Я разорилъ васъ!..

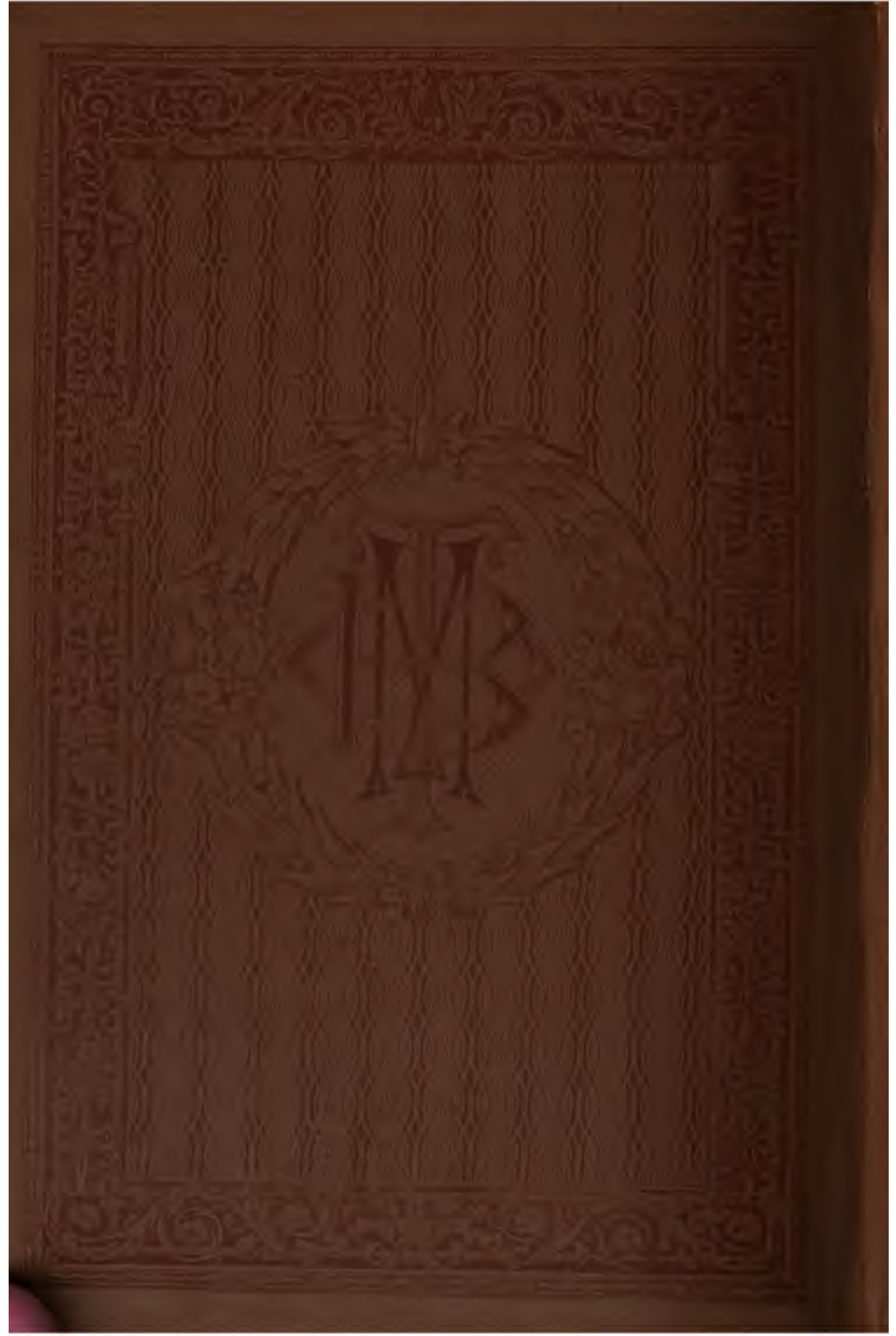
И, склонившись обезсиленной головой къ ногамъ Глафиры Александровны, онъ зарыдалъ.

Прошелъ годъ. Семья Поярковыхъ разбрелась въ разныя стороны и перебивается кое-какъ. Анюта гдѣ-то учительницей, Настя хористкой на оперной сценѣ. Марөа, жена Анатолія, переѣхала къ своимъ роднымъ, такъ какъ онъ, часто напиваясь, сдѣлался буйнымъ, билъ ее и, наконецъ, выгналъ изъ своей квартиры.

— Вотъ, родимые, какова теперь жизнь моя,— ныла Марөа, ни дѣвка я, ни вдова, ни мужняя жена.

Спиридонъ Яковлевъ, слушая ее, страдалъ, но едва ли потому, что дочь его такъ несчастлива. Всего ско-

рѣе его страданія вызывались успѣхами торговыхъ дѣлъ Хохлаковыхъ. Онъ съ завистью посматривалъ на уродливыя зданія построенныя ими вблизи бывшей поярковской усадьбы и завидовалъ ихъ энергической дѣятельности по вырубкѣ той лѣсной дачи, которую онъ когда-то надѣялся самъ вырубить. Отъ этой лѣсной дачи, такъ плѣнявшей воображеніе Спиридона Яковлева, не осталось и слѣда: одни пни торчатъ на томъ мѣстѣ, гдѣ еще такъ недавно красовался темный лѣсъ.

35321